

Северо-Муйские ОГНИ

Авторский литературный журнал

№6 /100/ 2023

Если даже всего два человека, разные – по возрасту, призванию, религии и духу, приходят к одной идее, то эта мысль уже заслуживает внимания. /В. Кузнецов/

ISSN 2500-0276

Северо-Муйские ОГНИ

Авторский литературный журнал

№6/100/ сентябрь-октябрь 2023

Учредитель и издатель – Виталий Кузнецов
Основан в 2008 году
С 2010 г. выходит 6 раз в год
Издаётся при финансовой поддержке ООО Артель старателей «Западная»

Главный редактор: Виталий Кузнецов (Северомуйск, Бурятия)
Секретарь-референт: Елена Зяблова (Усолье-Сибирское, Иркутская обл.)
Зам. гл. редактора по связям с общественностью: Татьяна Логинова (Северомуйск, Бурятия)
Зам. гл. редактора по литературной критике: Александр Шерстюк (Москва)
Зав. отделом прозы: Анжелла Седых (Киренск, Иркутская обл.)
Редактор отдела прозы: Дарья Фомина (Балашиха, Московская обл.)
Редактор отдела публицистики: Наталия Каретникова (Москва)
Редактор отдела поэзии: Александр Балтин (Москва)
Редактор литературного отдела «Рыбохотобзор»: Сергей Малашко (Магадан)
Редактор отдела культуры: Татьяна Лапахтина (Таксимо, Бурятия)

Литературный экспертный совет

Байборodin Анатолий Григорьевич, прозаик, публицист, член Союза писателей России /Иркутск/.
Бильтрикова Елизавета Михайловна, поэт, член Союза писателей России /Улан-Удэ/.
Брагин Никита Юрьевич, поэт, член Союза писателей России, доктор геолого-минералогических наук /Москва/.
Ерёмин Николай Николаевич, поэт, член Союза российских писателей (член Союза писателей СССР – с 1981 г.), Русского ПЕН-центра всемирной ассоциации «Международный ПЕН-клуб» /Красноярск/.
Нечипорук Иван Иванович, поэт, член Межрегионального союза писателей, Союза писателей России, членкор Славянской литературно-художественной академии (Болгария) /Горловка, ДНР/.
Новиков Андрей Вячеславович, поэт, прозаик, публицист, секретарь правления Союза писателей России /Липецк/.
Орлов Максим Томасович, поэт, прозаик, публицист, член Союза писателей России /Братск, Иркутская обл./.
Румянцев Андрей Григорьевич, поэт, публицист, член Высшего творческого совета Союза писателей России, Народный поэт Республики Бурятия, действительный член Петровской академии наук и искусств /Москва/.
Рябчиков Лев Анатольевич, поэт, прозаик, публицист, председатель Правления Крымского РО ЛСПР, президент Крымской литературной академии им. Ю. В. Бондарева /Симферополь, Крым/.
Скиф Владимир Петрович, поэт, секретарь правления Союза писателей России /Иркутск/.
Чепров Сергей Васильевич, поэт, публицист, член Союза писателей России /Темрюк, Краснодарский край/.
Ячеистова Наталия Изяславовна, поэт, прозаик, член Союза писателей России /Москва/.

Информационные партнёры:

- Литературный журнал «Приокские зори» /г. Тула/.
- Альманах «Тарские ворота» и лит. журнал «Иртышъ-Омь» /г. Омск/.
- Литературные сериальные издания «Крылья», «Параллели» /г. Самара/.
- Литературный журнал «Аргмак. Татарстан» /г. Набережные Челны/.
- Издательство «Союз писателей» /г. Новокузнецк/.

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Редакция вступает в переписку только с теми авторами, материалы которых приняты к публикации.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Фото на страницах обложки: из архива редакции.

Подписано в печать 25.12.2023.
Формат А4. Стр. – 88.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 500 экз.
Отпечатано в ООО ПЦ «КОПИР»,
г. Новосибирск, улица Ленинградская, 102.

© Северо-Муйские огни, 2023

Адрес редакции и издателя:
671564, Бурятия, Северомуйск, улица Геологическая, 2.
Тел.: 8 (902) 458-28-89; 8 (908) 595-72-30

Сайт: <https://smogni.ru/>
E-мэйл для общих вопросов: catalog3@yandex.ru
Связь с главным редактором: vitalicatalog3@yandex.ru

Содержание**Критика**

Нина Ищенко. Русская культурная география в книге «Великий Блокпост».....	3
Людмила Брагина. «11 октября».....	6

Публицистика

Алексей Яшин. Ёлки-палки из Парижа. К истокам повреждения русского языка.....	9
---	---

Проза

Наталья Ячеистова. Чеджу – остров мира. Рассказ.....	21
Дмитрий Воронин. Поздняя месть. Рассказ.....	24
Игорь Безрук. Если верить в чудеса. Рассказ.....	27
Евгении Асташкин. Категория сложности. Рассказ.....	29
Александр Балтин. Гена. Рассказ-воспоминание.....	31
Рустам Мавлиханов. Быть татариним. Рассказ.....	33
Мария Шурыгина. Всё начинается с моря. Рассказ-фэнтези.....	42
Тамара Селеменова. Они всё-таки встретились. Рассказ.....	48
Олег Слободчиков. Васька. Отрывок из повести «Волколаки».....	51
Татьяна Бирюкова. Балетные туфельки, или Новая счастливая жизнь. Сказка.....	53
Олег Роменко. «Я – русский». Рассказ.....	55
Сергей Кириллов. Амур. Рассказ.....	56
Светлана Казакова. Следы на снегу. Рассказ (из цикла «Истории о любви»).....	57
Ирина Соляная. Тёмная Поляна. Сказка.....	59
Елена Зяблова. «Зимой и летом одним цветом». Эссе.....	61
Райнгольд Шульц. Книжки. Эссе.....	62
Анжелла Седых. Рождественские страницы. Эссе (из цикла «Лето Господне»).....	62

Поэзия

Игорь Елисеев. «... нет уже назад дороги...».....	63
Александр Шерстюк. «Мой в горле ком...».....	64
Николай Ерёмин. «Сто лет обучения».....	66
Лев Рябчиков. Фантастика судьбы.....	67
Максим Орлов. Январь. Венок сонетов.....	68
Ольга Борисова. «Пропахло время гарью перемен...».....	70
Иван Нечипорук. «Лицом к...».....	71
Валерий Румянцев. «Змеями сплетались времена».....	72
Дарья Фомина. «Нашей жизни сценарий простой...».....	73
Николь Воскресная. «Суть этой звёздной системы...».....	74
Алёна Иванова. «Поэзия жизни».....	75
Татьяна Михайлова. Право на память.....	76
Яков Шафран. В мир, что светел и чуден.....	77
Александр Товберг. «Любови кончились, любовью больше нет...».....	78
Андрей Шталь. «Здесь под ногами древняя речка Рось...».....	79
Леонид Карпов. «Эта зима...».....	80

Рыбохотобзор

Юрий Жекотов. Секреты лесной избушки. Рассказ.....	81
Сергей Малашко. Эволюция лени на охоте (отрывок из рассказа «Весенняя охота на гуся»).....	83
Охота, рыбалка и поэзия	
Сергей Ворошилов. Стихи.....	86

Обратная связь

Слово о Журнале.....	87
----------------------	----

Творческий совет журнала.....	88
-------------------------------	----

КРИТИКА

... всякий читатель – критик, и всякий критик – читатель.
поэт Саша Чёрный (1880–1932)

Нина ИЩЕНКО

г. Луганск, ЛНР – Россия

Ищенко Нина Сергеевна (р. 1978) – кандидат философских наук, культуролог, литературный критик. Член Союза писателей ЛНР. Редактор сайта новостей культуры «Одуванчик». Член Философского монтеневского общества Луганска, доцент кафедры философии ЛГАУ. Автор книг «Локусы и фокусы современной литературы» (2020), «Книжная полка Татьяны Лариной» (2020), «Город на передовой. Луганск – 2014» (2020), «Борьба цивилизаций в “Отблесках Этерны”» (2021), «Южный фронтир: Россия – Украина – Донбасс» (2021). Редактор-составитель семи сборников Философского монтеневского общества Луганска.

Русская культурная география в книге «Великий Блокпост»

«Великий Блокпост» – это антология донбасской поэзии 2014 – 2022 гг., составленная Анной Ревякиной и опубликованная вторым изданием в 2023 году в Санкт-Петербурге. В книге собраны стихи сорока пяти поэтов, которые живут или воюют в Донбассе. Сборник структурирован хронологически – стихи распределены по годам, поэтому в книге есть девять разделов на каждый год войны, а также своеобразное вступление и заключение: разделы «Предчувствие войны», содержащий стихи прешествующего войне двадцатилетия, и «Позывной поэт», включающий стихи участников СВО.

Огромный объём материала, собранный в книге, исключает возможность говорить о каждом поэте отдельно, поскольку получившаяся рецензия окажется слишком объёмной. Чтобы дать читателям общее представление о книге, используем применяемый в современной дистрибутивной лингвистике метод извлечения тематически сгруппированных ключевых терминов. Для анализа книги таким методом определяются все случаи вхождения термина в текст, фиксируется автор и год написания стихотворения, затем анализируются полученные данные.

Тема, которую я выбрала, концептуально заложена в заглавии. Блокпост – это заградительный укрепленный контрольно-пропускной пункт с вооружённой охраной на въезде в населённый пункт. В нашем случае Блокпост означает Донбасс, где с 2014 года идёт война, а пункт, охраняемый блокпостом, представляет собой всю Россию. Поэтому я хочу рассмотреть, как изображена в книге Россия. Мне пришлось ограничиться географическими названиями конкретных городов и территорий, при анализе не учитывались более мелкие структурные единицы – районы городов, названия улиц, площадей. Исключение было сделано для Москвы и Санкт-Петербурга. Это большие города с богатой историей, полные значимых объектов культурной географии. Так, Кремль означает не просто архитектурное сооружение в городе Москва, Кремль может метонимически обозначать всю Москву или даже всю Россию, поэтому такие вхождения фиксировались. Также включены в исследование не столько географические, сколько символические топосы – Майдан и Бабий Яр в Киеве. Не рассматривались общие географические понятия, упоминаемые в стихах, то есть русские реки, дороги, степи. Результаты оказались очень интересными.

Тема России звучит во всех частях книги: от начала и до конца сборника. Почти все поэты пишут о России, Руси, Родине, Отечестве с 2012 и до 2022 года. Один раз встречается именование Святая Русь (Владислав Русанов, 2016 г.), один раз появляется архаичная Московия (Иван Купреянов, 2022 г.) и Страна Советов (Семён Пегов, 2022 г.). В разделе «Позывной поэт» этой теме посвящён отдельный текст Олега Миронова, который пишет: «мы выпили горькую чашу, когда сами называли Россию не “Русью”, а “Рашкой”». Конфликт именовании в сборнике решается в пользу России и Руси – старое название используется почти так же часто, как и современное, прошлое и настоящее России соединяются в стихах современных поэтов.

Как же представлена Россия географически? Это огромное пространство «от курильских морей до донбасских степей» (Анна Долгарева, 2015 г.), «от Урги до кочующей Балтики» (Семён Пегов, 2021 г.). На границах России отмечены Тихий океан (Наталия Курчатова, 2017, 2019 гг.), суровые берега Баренца (Наталия Курчатова, 2020 г.), Камчатка (Владислав Русанов, 2018 г.), Сахалин (Семён Пегов, 2021 г.), Амур (Анна Долгарева, 2018 г.), Кавказ (Алексей Шмелёв, 2014 г.), Дон (Олег Измайлов, 2018 г., Мария Ватутина, 2019 г.), Новороссийск (Александр Сигида-старший, 2016 г.), Сочи (Любовь Глотова, 2022 г.), Калининград (Анна Долгарева, 2018 г., Владислав Русанов, 2018 г.).

Внутри этого пространства поэты упоминают две территориальные единицы: средняя полоса России (Наталия Курчатова, 2020 г.) и внезапно Коми (Олег Миронов «Позывной поэт»). Также там находятся горный хребет Урал и река Оскол (Мария Ватутина, 2019 г.). В границах России лежат и следующие города: Тверь (Дмитрий Трибушный, 2012 г.), Вязьма (Иван Купреянов, 2015 г.), Новгород (Ольга Старушко, 2016 г.), Беслан (Ольга Старушко, 2018 г.), Воронеж (Герман Титов, 2019 г.), Ульяновск (Любовь Глотова, 2022 г.), Печоры, Вологда и Ярославль (Семён Пегов, 2022 г.), Ельня (Семён Пегов, 2022 г.), «Джохар», то есть Грозный (Григорий Егоркин, 2022 г.), Барнаул (Герман Титов, 2022 г.). Два раза упоминается Курск, об этом городе пишут Мария Ватутина и Герман Титов в 2019 году. Три упоминания приходится на долю не столько географического, сколько символического города Китеж. Этот город, ушедший под воду во время нашествия монголов, возникает в стихах Ивана Купреянова (2016 г.), Марии Ватутиной (2020 г.) и Александры Хайрулиной (2021 г.). Столь

же символический Сталинград – город перелома в Великой Отечественной войне – упоминает Олег Измайлов (2018 г.) в эпиграфе к стихотворению, то есть в семантически значимой позиции текста.

Итак, в сборнике хорошо очерчены географические границы современной России и довольно полно представлена европейская часть страны, лежащая западнее Урала. Внутренние территории России на восток от Урала представлены только городом Барнаул у Германа Титова. Поэты терпеливо войну на западном рубеже России в русское географическое пространство, где активными элементами являются границы и почти не представлена Сибирь, традиционно ориентированная на восточные рубежи, не задействованные в текущем военном конфликте.

Совершенно особую картину дают два моря на западных рубежах России, за выход к которым боролся ещё Пётр Первый, – Чёрное и Балтийское. Количество упоминаний резко возрастает, об этих местах пишут разные поэты на протяжении бурных девяти лет, отражённых в сборнике. И если Чёрное море включает Крым – самую заметную тему последнего десятилетия в России, то сходное положение Балтики оказалось довольно неожиданным результатом.

Итак, Чёрное море, Азовское море, Поазовье, Приазовье упоминают в стихах разных лет Ольга Старушко, Наталия Курчатова, Елена Заславская, Анна Ревякина. Очень широко представлен в книге Крым – это название встречается в стихах Алексея Шмелёва (2014 г.), Ивана Купреянова (2014–2015 гг.), Ольги Старушко (2016 г.), Владислава Русанова (2019 г.), Ивана Асвальда (2022 г.). Многие поэты пишут о конкретных городах в Крыму, что значительно углубляет и расширяет эту тему. Крымские города: Алушту, Ялту, Севастополь, Феодосию, Бахчисарай, Керчь, Судак и Севастополь – наносят на культурную карту Елена Заславская, Иван Купреянов, Наталия Курчатова, Владислав Русанов, Ольга Старушко, Вячеслав Теркулов. Можно заметить, что к теме Крыма из сорока пяти поэтов обращаются немногие, причём одни и те же авторы дают и общую картину, и её детали. Эта группа представлена поэтами из Крыма, Донца, Луганска, Москвы и Санкт-Петербурга. В этих местах идёт основная культурная работа по осмыслению воссоединения Крыма с Россией в 2014 году и новому включению его в русское культурное самосознание.

Теперь обратимся к Северному морю и его берегам. Помимо пограничного Калининграда, Прибалтика представлена такими топонимами, как Балтика (Наталия Курчатова, 2020 г.), Рига (Игорь Караулов, 2022 г.), Выборг (Герман Титов, 2022 г.), Кронштадт (Герман Титов, 2021 г.). Центральное место в этой группе занимает Санкт-Петербург.

Тему Петербурга вводит Наталия Курчатова в 2014 году. Далее в её стихах появляется Нева, Питер и Ленинград, в значимом выражении «ленинградское ополчение» – так поэт описывает добровольцев-ополченцев из Петербурга, воевавших за Донбасс с 2014 года. Петроградом назван город у Александра Сигиды-старшего (2016 г.), а Ленинградом, помимо Курчатовой, называет северную столицу Мария Ватутина (2019 г.). В обоих случаях это отсылки к советскому периоду истории, когда в Первую мировую и Великую Отечественную войну город оказался в эпицентре революционных и военных событий, что переключается типологически с ситуацией военного Донбасса, которую хотят отобразить поэты. Берег Невы упоминает Александр Пелевин (2019 г.), а Никольский пруд – Наталия Курчатова (2018 г.), но больше всех петербургских топонимов вводит в текст Герман Титов, в строках которого появляются Михайловский замок (2021 г.), Морская улица и Сенная площадь (2018 г.). Итак, петербургские поэты: Наталия Курчатова, Герман Титов, Александр Пелевин – делают Петербург явным в русской географии сборника.

Таким образом, оба моря, Чёрное и Балтийское, присутствуют в русском самосознании и занимают важное место в осмыслении текущих событий войны в Донбассе как части русской истории.

Удивительная картина получается для столицы России Москвы. Первое упоминание этого названия в книге происходит довольно поздно – в 2017 году, и вводит его в свой текст Наталия Курчатова, таким образом идеально отработавшая тему двух русских столиц в сборнике. Москва также упоминается Германом Титовым в 2019 году. В остальных, довольно немногочисленных случаях Москва появляется мельком, не полностью, как Поклонная площадь (Ольга Старушко, 2014 г.), Павелецкий вокзал (Елена Заславская, 2018 г.), Сретенка (Владислав Русанов, 2018 г.). Отметим такие важные топонимы, как: Красная площадь (Иван Купреянов, 2015 год) и Кремль (Дмитрий Трибушный, 2016 г.), но ими и закрывается тема столицы в книге. Москва не вовлечена в идущую на западной окраине небольшую войну – такой вывод подсказывает книга.

Итак, географически Россия представлена довольно полно. Что же такое Россия не географически, а по смыслу? На этот вопрос в книге даётся три ответа: Третий Рим, Страна Советов и империя.

Мария Ватутина в стихотворении «София» (2020 г.) рассказывает всю историю трансляции империи, от Рима через Константинополь до Москвы, создавая ряд Ая-София – Ая-Россия – Аве, София. Круг замыкается в третьем Риме, который является возрожденным первым.

В поэзии Елены Заславской «над третьим Римом восходит новая заря» (2017 г.), и в стихотворении (2022 г.), написанном в период отступления из-под Харькова, этот образ появляется снова: «И не падоша ни русня, ни моक्षा, ни Третий Рим». Третий Рим – это Россия, длящаяся в веках и сохраняющая культурное наследие христианской империи.

Страна Советов как географическое название и смысловая реалья появляется в стихотворении Семёна Пегова о Мотороле (2022 г.). О советской Атлантиде пишет Алиса Федорова в 2015 году. В книге также упоминаются советские реалии, делаются отсылки к советскому прошлому, к революционным событиям, битвам Великой Отечественной войны, рассматривается советское наследие современности. Символом этого периода выступает Юрий Гагарин: «мы потомки Юры Гагарина и Лаврентия Берии» (Анна Долгарева, 2022 г.).

Борьба советских людей с немецко-фашистскими захватчиками является одной из важных моделей донбасской войны. Географически этот смысл реализуется в топониме Бабий Яр, где немцами и украинскими националистами производились массовые расстрелы гражданского населения, главным образом евреев, цыган, а также советских военнопленных в период оккупации Киева в 1941–1943 гг. В Бабьем Яру было убито, по разным оценкам, от ста до двухсот тысяч человек. Бабий Яр появляется в стихах Марии Ватутиной (2015 г.), Игоря Караулова (2017 г.), Ольги Старушко (2018 г.) как символ современной Украины, глорифицирующей нацизм, и той силы, с которой сражается Донбасс.

Также к теме СССР и победы над нацизмом относятся ещё два упоминания Берлина в тексте. Формально Берлин из другой группы топонимов, не лежащих в границах России, но встречается это название в выражениях «дошёл до Берлина» (Анна Долгарева, 2021 г.) и «катюши под Берлином» (Григорий Егоркин «Позывной поэт»). Итак, советская история и победа над нацизмом представлены в книге достаточно полно уже на уровне географических названий.

Термин «империя» встречается во всём сборнике всего восемь раз у шести авторов. Двое из них, что не будет неожиданностью, Мария Ватутина («в империи, где тихо, как в снегу», 2018 г.) и Елена Заславская («на окраине империи», 2021 г.). Историческую концепцию в двух строчках разворачивает Олег Миронов в последнем разделе книги: «"К оружию, братья, к оружию!" – зовут Ленин, Махно и Колчак. Так умирают империи. Империи рождаются так». Семён Пегов пишет об ополченцах и военных Донбасса: «...мы избили природу империи, как в походе свои сапоги» (2021 г.). Моторола в стихотворении Пегова «умирал за империю». «Осколком империи» называет Донбасс Иван Асвальд (2022 г.). В стихотворении Анны Долгаревой о погибших в ходе СВО есть слова: «...наши кости станут стенами новой империи» (2022 г.).

Империя выступает как общее начало, объединяющее разные этапы русской истории. Российская, советская и современная империя – это всё Россия. В ходе войны в Донбассе люди разных взглядов объединяются, империя собирает свои окраины, русские солдаты воюют на фронте за империю. Авторы сборника «Великий Блокпост» так рисуют картину событий, происходящих с 2014 года в Донбассе.

Нужно сказать хотя бы два слова о том, как представлены в книге Украина и Донбасс. Что касается тех территорий, на которых сейчас находится Украина, здесь на первом месте по упоминаниям в стихах стоит Одесса, также заметны Киев и Харьков. Среди топонимов Донбасса первое место однозначно занимает Донецк, и со значительным отрывом, но всё же несколько раз появляются в книге Луганск, Мариуполь и Лисичанск. Таким образом, все болевые точки войны в Донбассе и СВО отражены в сборнике: Одесса – город, где 2 мая 2014 года украинские радикалы заживо сожгли пророссийских активистов; Киев как город, породивший Майдан – точку невозврата текущей войны; Харьков, памятный как попытками освободить его на первом этапе СВО, так и тяжёлым отступлением осенью 2022 года; Донецк, находящийся девять лет под обстрелами; Луганск, переживший полноценную осаду в 2014 году; заложник Украины Мариуполь, сильно пострадавший при освобождении в 2022 году; Лисичанск, переживший ту же судьбу. Так новейшая история отражена в географии сборника.

Полноценная характеристика культурной географии этих регионов по материалам книги – дело будущего, но уже сейчас можно сказать, что выраженная в заглавии концепция «Донбасс – блокпост России» подтверждается его содержанием. Россия постоянно присутствует в географии книги, в размышлениях поэтов, в системе образов, создаваемой на передовой и в тылу. Война в Донбассе осознаётся как значимая для всей страны, она проявляет традицию, актуализирует историческую связь древней Руси, Московии и современной России, находит себе параллели и в революционных событиях, и в войнах с внешним врагом. Книга показывает, что Донбасс – часть России, и не только место, где происходят события, но и центр их осмысления.

Намечая пути дальнейшего исследования, нужно сказать, что отдельная интересная тема – религия в сборнике. Упоминания христианских персонажей, сюжетов, реалий в десять раз превосходят упоминания всех других религий, включая такие экзотические версии, как постиндустриальный бог в обличье террикона Елены Заславской и Дракон-страж Террикона Ивана Асвальда. Сборник наглядно показывает, что Россия – страна христианской культуры. Это также страна, где живёт античность – античные реалии, топонимы символы занимают значительное место в сборнике.

Русские писатели и их цитаты представляют следующую по величине группу упоминаний. Александр Пушкин ожидаемо занимает первое место в этом списке, а второе неожиданно принадлежит Михаилу Булгакову, при том, что в сборнике цитируют или упоминают Лермонтова, Гоголя, Тютчева, Фета, Мандельштама, Блока, Есенина, Гумилёва, Шолохова, Матусовского, Фадеева, Лимонова и других авторов. Книга ещё раз подтверждает, что в России главнейшим из искусств до сих пор является литература. Поэты золотого и серебряного века, советские писатели и современные классики – все они сегодня в строю, помогают сражаться словом за русскую культуру.

Отдельную интересную тему составляет культурная география за пределами России. Иностранные города, писатели, реалии, упоминаемые авторами сборника, создают более широкое культурное пространство, в котором существует русский космос, и в этой рубрике решающее место по введению новых тем, образов и цитат занимает Александр Сигида-младший. Всё это – предмет дальнейших интересных исследований.

Людмила БРАГИНА

г. Белгород

Брагина Людмила Петровна. Окончила филологический факультет Белгородского государственного университета. Создатель и бессменный руководитель (с 1997 г) молодежной литературной студии «Младость», работающей на базе Пушкинской библиотеки-музея. Редактор литературного журнала «Дрон». Лауреат премии «Молодость Белгородчины» в области литературы (1995), всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» (2012). Член Союза журналистов России, Союза писателей России.

«11 октября»

«Конечно, по ней не скажешь, что она ждёт рыцаря. Да она и не ждала пассивно – искала. Искала, но всё-таки рыцаря, а не хрена с горы».

Начало рассказа Романа Сенчина «Гоу датч» отбрасывает нас напрямик в затёртую в веках эпоху классического Средневековья. Давно что-то современные читатели, и даже читательницы, про рыцарей не вспоминали, пожалуй, с класса шестого. Не мешало бы освежить, в чём различие «всё-таки рыцаря» от того другого.

Впрочем, до современной формы слова реальные исторические рыцари за несколько столетий претерпели громадную эволюцию, и сравнивать их, как тёплое с мягким, нецелесообразно.

Если уж европейские монархи мыслили только при рождении и в день свадьбы, то что говорить про военных людей, которые большую часть жизни проводили в походах, находясь в доспехах круглые сутки. Ни в барбершоп, ни к стоматологу не вырвешься, разве иногда в «славный дом», но об этом позже.

Итак, рыцарь, почти беззубый, с лицом изрытым оспой, как шрапнелью, заросший и бородатый, плюсом вшивый, со средним ростом 160 см, смог всё же заинтересовать современную молодую женщину. Чем? Явно не красотой. Готовностью помогать по домашнему хозяйству? Это вряд ли. Остаётся что – знатностью и благородством.

Культ Прекрасной Дамы, восходящий к поклонению Богородице, позже стал чем-то вроде модной мужской игры, имевшей свои правила. Основной закон рыцаря, составленный, между прочим, поэтом Овидием – Кодекс чести предписывал ему выбрать Даму сердца и служить ей. Как правило, знатной, замужней, желательнее за рыцарем выше рангом, а ещё лучше быть женой сеньора. Изредка некоторые рыцари-беспредельщики могли отбить у сюзерена особо понравившуюся даму, но переход её из объекта поклонения в субъект вождения был не сильно выгоден, так, шило на мыло. Поэтому традиционно рыцари тешили плоть в «славных домах» с блудницами.

«Небесной» и недоступной Даме рыцарь посвящал свои подвиги и победы на турнирах и битвах. А она, в свою очередь, могла на него бросить ласковый взгляд, а то и платок, за особо опасные раздраконенные мельницы.

Однако сам он тоже мог быть женат. И отнюдь не на своём идеале красоты и непорочности. К жене и остальным особам женского пола рыцари относились как к несовершеннолетнему и ничтожным созданиям, земным воплощениям дьявола: «Женщина есть смущение мужчины, ненасытное животное, постоянное беспокойство, непрерывная борьба, повседневный ущерб, буря в доме, препятствие к исполнению обязанностей. Нужно избегать женщину, во-первых, потому что она запутывает мужчину, во-вторых, потому что она оскверняет его, в-третьих, потому что она лишает его имущества».

Всё. Это минимум, который нам нужно было вспомнить и продолжить чтение.

Так насколько права средневековая мораль и как же выглядит современная главная героиня, находящаяся в обидном статусе «сено к лошади не ходит»?

«Пока ещё стройная, хотя и крупноватая, совсем уже не девочка в свои почти тридцать два, впрочем, и не тётка».

«Поиски (рыцаря) не проходили бесследно – родилось двое детей, в паспорте стояло шесть штампов: три о заключении брака и три о расторжении, причём два последних не поместились на положенных страницах, где «Семейное положение», и их поставили на странице, предназначенной для записей о детях...».

Ну что же вы на меня смотрите, товарищ рыцарь, как солдат на вошь? Обалдели от счастья? Да и как не быть сумрачным и бледным бедному рыцарю! Почти тридцать два, это не почти тринадцать, а кому приятно обнаружить на брачном ложе вместо Джульетты её мать?

Но поскольку нынешние люди живут дольше, сделаем поправку на повышение пенсионного возраста, которое автор рассказа провидчески предсказал ещё в 2015 году.

Сюжет простой, как анекдот. Встретились поужинать два разнополых москвича. Предположительно 11 октября.

«Деловая женщина по имени Анна, в правильной одежде, с правильной сумочкой, на правильном автомобиле, при правильной работе. Квартира своя в относительном центре столицы, дача в Малаховке», держащая в голове и примеряющая на всех мужчин образ рыцаря, и «высокий, мускулистый, с мужественным лицом и манерами аристократа Илья». Он хоть несколько лет и прожил за границей, и высокую должность в крупной компании занимает, но ни сном, ни нюхом про это её намерение и сам процесс не подозревает.

А дальше как в пословице – «пили, ели, веселились, посчитали, прослезилась».

Сакраментальная кульминация: «Минуточку! За чей счёт этот банкет? Кто оплачивать будет?».

Оба обеспечены, даже по московским меркам. Простодушный читатель из провинции, удалённой от «относительного центра столицы» на тысячи и тысячи километров, присвистнет и затылок почешет: «Что не так-то?». Кто заказывал, тот и платит. Любого официанта спросите.

Или всё же наоборот? Кто девушку ужинает, тот её и танцует?

«В первом же переулке Ипполит Матвеевич навалился на Лизу плечом и стал хватать её руками. Лиза молча отдиралась.

– Слушайте! – говорила она. – Слушайте! Слушайте!

– Поедем в номера! – убеждал Воробьянинов».

После сосисок и огурцов горячий предводитель дворянства возжелал утех любви, и ему, на минуточку, 52 года, и он революцию пережил. А тридцатисемилетний понторез Илья, начав раскрутку с ростбифа с кровью и зрелых сыров, стал заболачивать Anne мозги *«специфичностью русского бизнеса»* и мутить душу Достоевщиной...

Вечер, так и не став томным, заканчивается обменом взглядами и обоюдным пониманием, *«что партнёр не против продолжить общение дальше, не здесь...».*

Хай гайс! Хеппи-энд.

Но всё испортил проклятый денежный вопрос.

Anne вдруг, так по-женски, захотелось *«чтоб и любил, и заботился, и был, как скала».*

Но ведь надо было слушать внимательно! Общие знакомые, да и сам господин автор предупреждали – *«истинный англосакс».* Ей тогда почему-то казалось, что они *«отзывались о нём очень хорошо».* Хотя ещё Марк Твен называл англосаксов позором человечества, а действующие российские официальные лица предпочитают использовать слово *«англосаксы»* для обозначения главных врагов *«русского мира».*

Да и не о любви вся эта история. Больше о дегустации, но не редких напитков, хотя об этом тоже есть. В ресторане, пригубив немного матово-бордовой жидкости, Анна как опытный сомелье определила: *«Вино было терпкое, но сразу чувствовалось, что эта терпкость порождена природой и умелым хранением, а не добавками-стимуляторами».*

А это значит, что пригласил её Илья не в какой-то зашварный кабац, а в правильный ресторан. Под сумочку подходит. И вино тут правильное: диоксид серы, ешки всякие разрешённые были, а всей этой амфетаминово-оксибутиратовой мерзости нет, хотя в это время вечера и для такого случая...

Но всё же главное «блюдо» по жизни героини другое: *«Перепробованные мужчины в памяти Анны представляли собой красновато-серую, едко пахнущую массу. Там в единый ком слиплись два сорта представителей противоположного пола: слизни и животные».*

Тут прямо хоть пиши Томасу Харрису и спрашивай: были ли у Ганнибала Лектора дети женского пола? Наверняка же передаётся генетически эта гастрономическая «особенность».

В начале 90-х некоторые издательства ставили перед авторами план: по три трупа на страницу. И бывшие филологи, журналисты, а то и вовсе беспартийные, резали, жгли, вешали, что твоя святая инквизиция, кровища с книжных прилавков рекой текла. Но времена меняются, нравы смягчаются, «рука бойцов колоть устала, и ядрам пролетать мешала гора кровавых тел», подросли новые читатели.

Думается, что смысл, цель и великую миссию этого небольшого рассказа сформулировал Станислав Ежи Лец: *«Просвещайте своих детей сексуально, чтобы их потом не изгнали из рая».* Но вызывает искреннее недоумение: почему Роман Сенчин не пишет о том, что ему знакомо, прочувствовано и близко по природе. Женская логика, душа и сексуальность непостижимы в принципе, особенно, когда за это берётся мужчина невнимательный, нечуткий и руководствующийся абстрактными умозаключениями.

«Со слизнями было приятно время от времени посидеть в кофейне, поболтать, посплетничать. Можно иногда и сексом позаниматься, чтоб такой представитель поласкал там, где животное никогда не согласится – типа, «отлизывать западло, если что – на тюрьме зачмырят». Но долго рядом с собой слизней Анна не выносила; после секса или выпроваживала из квартиры, или, если была у них, уезжала сама...».

И на том спасибо, что не съедала. Предпочтения понятны – приятно, но недолго.

А вот здесь уже начинаются сексуальные девиации.

«Животные были предпочтительней. Точнее, секс с ними нередко доставлял ей настоящее удовольствие. Когда мощный парень брал её стальными руками и делал с ней то, что считал нужным. Правда, нужно было торопиться достичь удовольствия – эти не ждали её, не помогали, а, удовлетворившись, откидывались и, лёжа на спине, громко дышали и фыркали».

Понимание сцены из-за скупой недосказанности текста на совести читателя. Но поневоле закрадывается ужасное подозрение, уж не в буквальном ли значении закладывает автор в уста героини слово животные? Фыркают кони во время приятных событий в их жизни, олени – в случае опасности, лоси – от страха, ежи вообще не только фыркают, но ещё и чихают, хрюкают, ворчат, храпят и клацают зубами.

Может, «крупноватая» героиня в порыве страсти навалилась на бедное животное всем своим центнером красоты, а потом, удовлетворившись, откинула, и оно лежит на спине и громко дышит, как в последний раз?

Только готовность защищать свою хрупкую жизнь до последнего может вызвать такую реакцию: *«И только попробуй в эти минуты прильнуть, намекнуть, что ты ещё не закончила, – он посмотрит на тебя презрительно-недоуменно и произнесёт убивающее: «Что?». После этого оставалось или истерику устроить (но рискуешь при этом схлопотать по лицу), или смириться и ждать, когда он снова захочет тебя, быть к этому готовой, разогретой, чтобы успеть добраться до пика раньше него или вместе с ним...».*

Строчка из стишка-пирожка вспомнилась: *«Оксана терпеливо ждёт...».*

Это ж как широко сеть закидывать в поисках рыцаря нужно и на какие жертвы идти ради своих иллюзий? Может, стоило бы автору хоть немного придать человеческий облик этой неведальной героине, чтоб её хотя бы по лицу не били?

А то ведь, если сказать по совести, есть за что. Представителей противоположного пола она делит на «сорта» – «слизней и животных», своего – на «особей», «страшненьких Сонечек» и «истеричек Настасий». Налицо психологическая, гендерная и сексуальная стигматизация во всей красе. И чем ниже уровень развития и образованности героини, тем сильнее склонность к навешиванию ярлыков.

О крахе светлых надежд Анны на простое женское счастье стало понятно гораздо раньше и кульминации, и развязки. Всё пошло наперекосяк с того момента, как *«Илья поднялся ей навстречу. Вышел из-за стола. Руку не поцеловал, но так нежно погладил вместо пожатия, что Анна почувствовала возбуждение. Такие прикосновения её особенно волновали...»*.

Хочется крикнуть: «Остановись, Илья! Ты ступаешь на скользкую дорожку, по которой ползает слизнь! Возьми её стальными руками, зря, что ли, ты пиджак снимал и истязал себя в фитнес-залах и на домашних тренажёрах?».

Автора подводит не только логика, но и склероз, пунктиром намечающийся. Несколькими абзацами выше чётко же было описано, какой секс доставляет ей настоящее удовольствие и к чему тогда эта ваниль?

Почему было высказано предположение о возможной дате встречи? Да потому что 11 октября во всём мире отмечался День каминг-аута.

В финале подробно рисуется образ перепуганного, униженного и раздавленного Ильи, хотя с чего бы из-за малознакомой женщины так потерять лицо и напрочь не владеть своими эмоциями, но этого захотел автор. Почему же Илья так мельтешит?

«Я считал, у нас гоу датч...».

Нет, дорогой соискатель, у вас «coming out of the closet».

Во-первых, потому что слизень. Во-вторых, не мужчина. В-третьих, не рыцарь...

Несколько выбиваются из списка правильных аксессуаров деловой женщины три предыдущих мужа и дача в Малаховке. Мужья из раза в раз попадались неправильные. То ли они мешали ей искать рыцаря, то ли после свадьбы были разжалованы из рыцарей, непонятно. И кто должен понимать эти намёки, почему штампы о расторжении браков злокозненные работники загса ставили на странице, где должны быть дети?

Дачный посёлок Малаховка по содержанию и общему настроению напоминает писательское Переделкино. Видимо, у автора рассказа проскользнула ностальгическая московская нотка, отсюда же и пошла сцена, где герои пережёвывают кровавый ростбиф и рассуждают о Достоевском, «половой истекая истомою», – добавил бы «московский хулиган» Сергей Есенин.

Был он однажды в Малаховке, приезжал погостить к другу на улицу Тургенева. Однако, принимая во внимание стоимость земельных участков с немудрёными строениями в посёлке Малаховка – от 15 до 200 миллионов рублей, пусть будет у героини до кучи и правильная дача.

В наше время с учётом новых реалий «с таким счастьем и на свободе» уже не говорят, а завистливо-злобно шипят вслед – «насосала», что особенно оскорбительно для деловой женщины. Но почему героиня рассказа постоянно не находит читательского понимания и сочувствия, не говоря уже о восхищении?

Почему герой, о котором сообщается информация, подразумевающая обязательное наличие определённых качеств, как минимум, ума, ведёт себя, как даун?

Ведь, казалось бы, так просто заранее спросить у женщины, которую пригласил в ресторан: «Вы не будете против, если я оплачу наш ужин?», тем самым выразить уважение к ней, как к личности и партнёру.

И дело не в том, что он плавает в русской классической литературе:

«– Извини, что? – Илья совсем по-американски приподнял одну бровь, склонил голову набок, выказывая готовность понять слова Анны.»

– А! – широко и облегчённо улыбнулся Илья. – Да-да, князь Мышкин... Ты любишь Достоевского?

– Ну, второе маловероятно, – пожал плечами Илья. – Как можно специально стать... гм... Свидригайловым? Это, если мне не изменяет память, мерзавец бесспорный.

– Да-да, – не совсем уверенно кивнул Илья.

– Кажется, да. Но может быть, это в природе?».

Это не та краткость, которая сестра, а та, что хуже воровства и уюстилась в языковом диапазоне между глухонемым дворником Герасимом и Эллочкой-людоедкой. Эти бессмысленные междометия Роман Сенчин пафосно называет анализом героев «Идиота». Общий анализ крови расскажет больше, чем эта якобы литературно-художественная характеристика. Или это последние веяния преподавательской деятельности профессоров литинститута им. М. Горького? Боже, пропал дом.

Все неудачи героев начались ровно с того момента, как в голове у автора «дзынькнула» идея создать их из ничего, пренебрегая фундаментальным законом природы – законом сохранения энергии.

Давно ведь сказано: «...восстань, и виждь, и внемли». Многообразие жизни в постоянном движении, изменение света и красок, непрерывное борение в душе человека – вот что должно становится идеей и материалом писателя.

А этот текст – каркас, подстрочник, задел на старость, когда можно сесть и основательно нарастить на него реальные нервы и мышцы, если другой, более значимой темы не найдётся.

Публицистика

Западники были неправы потому, что они отрицали своеобразие русского народа и русской истории.
Николай Александрович Бердяев (1874–1948)

Алексей ЯШИН

г. Тула

Алексей Афанасьевич Яшин – главный редактор всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат ряда российских, белорусских и международных литературных премий. Образование получил в Тульском политехническом институте, Ленинградском госуниверситете и Литературном институте им. А. М. Горького Союза писателей СССР. Учёный-биофизик, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два учёных звания профессора, лауреат премий Комсомола, им. Н. И. Пирогова и Макариевской премии 2022 года.

Ёлки-палки из Парижа

К истокам повреждения русского языка

Тогда
Из глубины молчания родится
Слово,
В себе несущее
Всю полноту сознания, воли, чувства,
Все трепеты и все сиянья жизни!

Максимилиан Волошин «Подмастерье»
из книги «Selva oscura»

Язык как самоидентификация народа. Шатов, персонаж «Бесов» Ф. М. Достоевского, обстоятельно толкует: «Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем обособленнее его бог».

А у Державина бог – это поэзия, то есть высшее воплощение гармонии языка. И заменив в речи Шатова слово «бог» на «язык», получим логически непротиворечивое утверждение: нет народа без своего языка, а народ, по той или иной причине утративший свой исторический язык, становится социумно аморфной биомассой, хотя бы отчасти ещё мыслящей. Действительно, услышав даже в русском переводе известные фразеологизмы: «Бостонское чаепитие», «Буря в викторианской чашке чая», «А деньги – это не твоя чашка чая», – тотчас, не ошибаясь ни на йоту, представим себе Англию и своеобразие английского языка (вовсе его не зная...), которое назовём исчерпывающей краткостью. Опять же не ошибёмся. Но вот всё о том же чае: «В Тулу со своим самоваром не ездят», «Чай не водка, много не выпьешь», «Чай не наше казацкое питьё» (это из «Капитанской дочки»), «Чай да сахар», «Не просят на водку, а просят на чай», «По чаям ходить, добру не быть», а у Даля и Афанасьева ещё с полсотни характерных пословиц и присказок о чае найдёте. – И в них уже вся исподвольная Россия и русский язык, уже не с исчерпывающей краткостью, наоборот, с его широтой и красочностью, не жалеющий слов даже в афористических рамках «жанра». Здесь Тургенев на все предшествующие века сказал.

Итак, предмет один и тот же – чай, кстати, на Британских островах не растущий, а у нас приказом Вождя-генералиссимуса успешно разведённый, но высказывания о нём настолько полно «озвучивают» два совершенно различных (только древний санскритский корень для них общий) языка, что ошибиться невозможно.

Народ и его исторический язык в их разделении теряют свою корневую естественность. «...Здесь нет Отечества и отчеств тоже нет», – грустила в ресторане «Корнилов» в Париже белая эмиграция. И не раз, не два в истории «языковые» войны случались... увы, Россия сейчас именно в такой ситуации, хотя бы движущая причина здесь далека от филологии, а запрет русского языка на канонической его территории есть «долгоиграющая» и хорошо продуманная атлантическим Западом завязка мирового конфликта. Опять же вызревший в веках «то давний спор славян между собою» («Клеветникам России» Пушкина). Опять же разрушение СССР мировым империализмом создало ситуацию, которую во многом можно охарактеризовать строками Ф.И. Тютчева:

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поёт, что море.
И ропщет мыслящий тростник?

Их можно трактовать как разлад и противоречивость человеческого сознания и стихийной бессознательной природы. Понимая под последней стихию родного человеку языка, разлад возникает в сознании человека, когда тот, что называется директивно, отъединяется от этого языка. Либо наоборот, столь же искусственно повреждается исторически сложившийся язык, тем самым отъединяемый от его традиционного пользователя.

И без ссылок на Достоевского, Тютчева и приверженность русских и англичан к чаепитию интуитивно, скорее даже инстинктивно, каждому здравомыслящему человеку понятно: именно язык самоидентифицирует конкретный народ, нацию. Сам человек, рассматриваемый как индивидуум в социуме, по биологической природе своей не склонен отклоняться от норм, то есть словаря, грамматики и фонетики, своего родного языка. Многоучёные – в последние тридцать лет по переводным американским учебникам – доценты от психологии, которых сейчас селедочными бочками штампуют многочисленные «университеты классического типа», что в девяностые года лихо образовались на базе заштатных уездных педучилищ, как дважды два четыре, скороговоркой расталдычат вам о таком языковом консерватизме.

Мы же, ничтоже сумняшеся, как профессор биологии (с уклоном в эволюционную эпистемологию), объясним эту верность исторически сложившемуся языку просто: человек есть животное, склонное к лени, то есть природно выработанному стремлению к экономии физических и умственных сил, вот и все. А там... *«laissezfaire, laisserpasser»* (предоставьте вещам идти своим ходом (чередом), фр.). Но вот здесь-то мина замедленного действия, скорее, палка о двух концах. Генетически врождённая лень спасает человека от покушения на его исторический язык, это замечательно. Но она же склоняет его к обеднению своей лексики. Так возникают слова-паразиты, понимаемые как «универсальные заменители» сразу нескольких десятков, а то и сотен слов – для нас «живого великорусского».

За примерами и ходить далеко не надо. Сижу, пишу этот очерк, а в нескольких метрах тихо урчит на малой громкости телящик, для звукового фона включённый. Но что-то меня насторожило, потому на экран пару раз оглянулся, «врубился в тему» (отголоски лексики лихих девяностых...). На экране здоровенный, пышущий неподдельным здоровьем мужик в густых пшеничных усах, со сложной должностью, переводимой на понятийный язык как главный в общероссийской ассоциации какой-то вечнонеразрешимой доуки. Говорит хорошо поставленным густым баритоном на хроническую в последние два десятка лет тему «европейски поставленной... и так далее». А насторожило частое упоминание слова «история» – и именно в отношении к предмету беседы, а не к исторической дисциплине. Сработал профессиональный исследовательский «охотничий инстинкт»: начал считать частоту употребления пшеничноусым этого слова – это как в известном четырёхтомном «Частотном словаре А.С. Пушкина». И насчитал: за четверть часа вдохновенного монолога о пользе европейского опыта не менее полсотни «историй»! Александр Сергеевич? – смеяся и плач.

Но всё равно той же *истории*, новомодным *локации* и *генерации*, старинчатым братковским «темам», ох, как далеко до лидера – паразитарного американизма «проблема».

Опять же давно исследовал причину и истоки появления этого победительного американизма, обеднившего «живой великорусский» если не наполовину, то на одну десятую точно: одно «лечить проблему» чего стоит! Заметим, что до американизации русского языка слово это использовалось, да и то редко, в научной лексике, например, «проблемы Гильберта» в математике. Да-а, ещё в среде студенчества и образованной (то есть с «вышкой») молодёжи ходило ироническое «ноу проблем!»

Но вот началась американизация девяностых годов. Вся заваль голливудчины, о которой сами американцы говорят, что её смотрят только кретины и иностранцы, хлынула на российские экраны. Надо заметить, что американский диалект английского языка, как нации деловой – время деньги! – весьма беден, а в голливудской «продакшен» и вовсе сведен к языку Элочки-людоедки: «доллар», «бизнес», «проблема», «надрать задницу» и где-то ещё сотня – полторы.

Вот и народ наш простодушный, прильнув к экранам телевизоров, в нераспроданных ещё под ночные клубы и «маркеты» кинотеатрах, в расплодившихся подвальных видеосалонах (которые с порнухой тож), слушает косноязычный любительский перевод голливудских фильмов, а там сплошняком идёт: проблема, проблема, проблема... Вот и сработал биолого-физиологический механизм лени-экономии: сначала эсмишники, передовой отряд вредителей русского языка, а с их подачи и народные массы начали использовать это универсальное словцо, заменяя им множество исконно русских. По моим прикидкам, это паразитическое слово заменило тридцать восемь (!) полных русских аналогов, понятно, контекстных, а число неполных и счёту не поддаётся!

Опять же народные массы... А «масса», – пишет выдающийся философ и мыслитель XX века Хосе Ортега-и-Гассет в трактате «Что такое философия?» – *это те, кто плывёт по течению и лишён ориентиров* (выд. нами. – А. Я.)... *И как раз этот человеческий тип сегодня решает».*

...Это нас пшеничноусый с телеэкрана с его хронически неразрешимой «историей» раззадорил, несколько сбил с последовательной колеи размышлений. Но ведь попутно и роль физиологической лени в языковой сфере разъяснили. – А это важно для нашей темы рассуждений.

Но вернёмся к языковой самоидентификации, вернее, завершим настоящее введение.

Вот пшеничноусый – надо же навязался на язык не хуже «проблемы с историей»! – отдежурил своё на телеэкране со своей «исторически» неразрешимой (у нас) «проблемой» с помойками, отправился в приличное необщепитовское заведение перекусить от трудов праведных семужкой под стопку-другую приличного грузинского «Асканели», а мы продолжим о своём, девичьем.

«Нет, кажется, и вправду уже грядёт час, и ныне есть, когда здравый разум будет не в состоянии усматривать во всём совершающемся хотя малейшую странность», – писал Н.С. Лесков в «Соборьях». Действительно, за тридцать с небольшим лет язык наш, вообще языковая культура, так изменились, что попадаи попуткой с машиной времени (а таковая реально следует из достославной общей теории относительности, как логико-математически строго доказал Курт Гёдель, выдающийся учёный прошлого века) человек семидесятых-восьмидесятых годов в наши дни, а то без переводчика с американо-нижегородского ему сложно было бы обойтись... Мы же – в массе своей – протопавши из этих годов в нынешнее время на своих-двоих, уже вроде бы по-лесковски мало чему

удивляемся. Потому что шли-шагали вровень с этим временем. Человек же – упомянутые психологи подтвердят – из всех биологических видов самое адаптивное существо. Допустим, объявили из всех радиоточек и с телеэкранов некоторое время назад, что футбол – национальный вид спорта россиян (не лапта или городки!), и – все на стадионы... в смысле к экранам и репродукторам! И в чём-то народ даже благодарен за футбольную эйфорию (или психоз?), потому как в воплях десятков тысяч на трибунах и криках «судью на мыло!» как-то временно отходят на второй план все сложности нашего нелегкого бытия. Понятно на что намекаем в связи с футболом – национальной игрой... но только жителей Британских островов. Однако опять же – и всякий раз! – прав Фёдор Михайлович («Записки из подполья»): «Я даже думаю, что самое лучшее определение человека – это существо на двух ногах и неблагодарное». Как о нацигре футболе скоренько позабыл наш народ, двуногий и неблагодарный, так и в неполных двух поколениях запамятовал: а как это по-русски? – попривыкли понимать американско-нижегородскую феню, льющуюся из репродукторов и с телеэкранов. Именно слушать и понимать; сам же народ в массе своей упорно придерживается словаря традиционного великорусского.

А великодушные наши эсмэи так и подбрасывают по-стахановски уголёк лопатами-шахтёрками в топку локомотива, что мчит всех нас в безликое, безъязычное светлое глобалистское будущее. Мало того, что на телевидении программу с подковыркой назвали «А как это по-русски?», но вот из тех же репродукторов на главной всероссийской радиоволне порой развеселившаяся дикторша, назвав некий предмет щегольским американизмом, сделает паузу, оговорится: «Как бы это по-русски сказать?». Слушатели среднестаршего поколения в унисон пробормочут: «А я знаю, как сказать... только матом!».

...Опять на пшеничноусого своё раздражение перекинем, дескать, перейди на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого. С другой стороны, пшеничные усы, особенно пушистые и аккуратно подправленные, – создают их владельцу видимость добрейшего, прекраснородушного человека. И говорил он о своём неразрешимом деле вовсе не унылым, как то обстоятельства требуют, но даже весёлым, оптимистичным баритоном. Работа у него такая. Как и у тех эсмэишников, что уже за тридцать лет приучают наш народ к американско-нижегородскому наречию. Дудки! – не приучите. Хотя бы потому, что в американском языке нет родного нашего мата.

Так-то, начали с учёной самоидентификации, а всё на матерок перевели. Вот это чисто по-расейски, по-нашему посконно-домотканному. Чего мудровать с громоздкой терминологией, когда просто можно сказать: «Каков народ, таков у него и язык», или ещё понятнее: «Как потопашешь, так и полопашешь». Хочешь говорить на родном, исконном своём языке, так стряхни языковую лень, не переводи весь словарь живого великорусского на «историю» и «проблему», не засоряй свой слух и память гнусными американизмами. Вот и весь наказ. А то и вовсе с оружием в руках отвоевывай право говорить на родном языке... Не грех в этом деле и у кичливой заграницы поучиться. Один мой знакомый в девяностые и двухтысячные, когда русских ещё в европы-америки пускали, особенно при деньгах которые, многие страны объехал. Сказал мне удивительную вещь: «В той же Европе все говорят с иностранцами на английском языке. Так что зная пару сотен слов из этого языка и элементарные правила их сопряжения, языкового барьера не ощущаешь: от Варшавы до Лиссабона – по географической широте, от Стокгольма до Средиземноморского побережья – по долготе. Ты иноземцу – хао ду ю ду, он тебе: йес, сэр-мистер, плиз за ваши доллары-евро!».

...Но только не в Италии. Там даже за эту конвертируемую валюту с тобой на инглиш не станут спикать. Для итальянцев только один в мире язык существует – итальянский, дальний правнук меднозвонящей латыни Древнего Рима. Хоть флэшмобом его по карширингу, хоть кешбэком его мать онлайн, но не хочет макаронник понимать твою ломаную английскую речь. На пальцах приходится объясняться: в подбородок себя щелбанёшь – несёт тебе тамошний халдей бутылку фалернского, да обязательно нарочито по-итальянски добавит: «Фалернум винум, синьор!». Совсем просто со слабым полом пониженной социальности: ты ей про русско туристо облик морале, а она тебе на пальцах таксу в евро показывает... Никакого косоротого инглиша.

А всё оттого итальянцы такие языковые патриоты, что в разное время, с различной идеологической подоплёкой, но одинаково внушили ему Джузеппе Гарибальди и Бенито Муссолини: хотите жить в едином государстве, а не в десятках самостоятельных княжеств и уединённых городов, так прежде всего говорите безо всяких диалектов на одном языке; главное, не подлаживайтесь под австрияков и французов – пусть они, если им так надо, в Италии говорят по-итальянски! Дуче, правда, австрияков опускал – ведь самого фюрера земляки.

Так и Русь-Россию объединил московский акающий говор, ставший великорусским, имперским языком. Хотя и окающему нижегородскому, цокающему поморско-архангельскому, южнорусскому говору здесь место нашлось: через единую грамматику. А раз историю (настоящую, филологическую) русского языка помянули, так и перейдём к ней.

Как сложился тезаурус великорусского языка. В любом языке первичны слова, словарный запас, тезаурус – полный свод этого запаса. Как это ни покажется, на первый взгляд, странным, но грамматика вторична. Ведь нынешние вредители русского языка, то есть эсмэишники, в своём американско-нижегородском всё же русскую грамматику используют. Они бы, кешбэкистые парниши и файновые герлы, зная англо-американский язык (ещё в девяностые школьниками в ущерб другим предметам заучили, готовясь сделать ручкой «этой рашке и смотаться за бугор»), перевели бы все на его же грамматику, но поопасались потерять слушателей-зрителей. ...Кстати уточним: под эсмэишниками мы понимаем *масс-медиа*, хотя это и амерканизм, едрить его в хвост и гриву!

Открывая свою «Пространную русскую грамматику» (СПб, 1830), ставшую базовой для всех последующих учебников русского языка*, включая нынешние, Николай Иванович Греч вдохновенно писал: «Язык, как дарованная человеку свыше способность и необходимое последствие действий его ума, рождается при первом соединении его в общество с подобными себе (выд. нами. – А.Я.), и бывает в объёме своём сообразен с числом понятий живущих в обществе людей, следственно распространяется и усовершенствуется по мере развития в них умственных способностей».

...Даже несколько неудобно становится за славного нашего баснописца Крылова, что обидел Греча и приятеля его Фаддея Булгарина («Кукушка и Петух»), когда читаешь этот великолепный труд, основание научной русской грамматики, где первые десятки страниц посвящены собственно истории возникновения и становления русского языка. За прошедшие два века ничего нового сотни академиков и тысячи диссертантов от филологии по существу не сказали. И сейчас, когда всё в мире оцифровано, а все мы суть узники электронного концлагеря с цифровым рабством, так и зришь этот том в старинном тисненном переплёте, что стоит на почётном месте, о котором волшебным образом сказал всё тот же Максимилиан Волошин («Облики. Р. М. Хин», из книги «*Selvaoscura*»):

Я мысленно вхожу в ваш кабинет...
Здесь те, кто был, и те, кого уж нет,
Но чья для нас не умерла химера,
И бьётся сердце, взятое в их плен...

Именно «в обществе с подобными себе» формируется национальный язык. И классики отечественного языкознания, те же Потебня и автор яфетической теории академик Мар, столь жёстко раскритикованный Сталиным («Марксизм и вопросы языкознания»), не отходили от этого определения Греча. Но это дела сложной в восприятии филологической науки. Наше же внимание отнесём к историческому формированию словарного богатства русского языка. А его тезаурус действительно богатство, не уступающее по словарному запасу английскому языку (имеется в виду язык Шекспира, не Голливуда...), который полагается западными естественно филологами, наиболее словесно обширным в среде европейских языков, идущих от индо-европейского праязыка (санскрит здесь промежуточен).

...Современному умственному содержанию голов человека глобалистского (*homoglobalicum* на учёной латыни) уже неприлично удивляться; см. выше реплики Достоевского и Лескова, но вашего покорного слугу в полный восторг привёл свежий номер областной «молодёжной» газеты, посвящённой недавнему закону об ограничении использования иностранных слов. Оно и закон-то наспех написан: где ограничивается? – не указано, а главное, как-то постеснялись прямо сказать: ограничить использование именно *американизмов*! Это-то и дало повод писарчукам из «молодёжки», выпускникам журфака местного университета, бывшего политехнического института с оборонным профилем, разразиться ядовитыми – с их точки зрения – филиппиками, дескать, всю научную, латино-греческую в основе, терминологию теперь следует из обращения убрать?

Это мы к тому припомним, что латинская и греческая научная, отчасти социальная, терминология вовсе не в один русский язык *совершенно естественно* вошла, но и *во все* европейские! Даже в современный вариант иврита – государственного (кстати, наряду с арабским – повертите в руках монету в шекель достоинством!) языка Израиля. Другое дело, если за Европой две тысячи лет эпохи цивилизации и культуры и прямое преемство от античного мира, то Россия удивительно молода и ей всего лишь триста лет тому назад пришлось столкнуться с мировым наследием науки, образования, культуры. Наверное, мы уже прискучили *своему* читателю частым упоминанием в очерках слов Льва Давидовича Троцкого (Лейбы Давидовича Бронштейна в «девичестве»), но слов-то гениальных! а именно, что Россия слишком поздно пришла в семью цивилизованных народов, поэтому и принуждена была спешно доучиваться *по сокращённому европейскому учебнику*.

С латынью и греческим всё понятно, поэтому даже современники посмеивались над старинными писателями-славянофилами (Хомяков, братья Аксаковы и Киреевские – все наши тульские земляки...), пробовавшими переиначить геометрию в землемерию, теологию в богознание и так далее. И если греческий лексикон пришёл в русский язык из Византии вместе с православием, то учёная латынь только с началом регулярного образования, то есть в XVIII веке.

Этот же век пополнил русский язык сотнями, даже тысячами слов германского корня, собственно немецкого, голландского, отчасти английского. Если кому попадётся в руки учебник географии позапрошлого века для кадетских корпусов, а именно издание второй трети XIX века, то, непременно, ваши глаза выделят в самом начале книги слова о том, что «*Россия государство не торговое и не земледельческое, а военное, и призвание его – быть грозой света...*». Понятно, что несколько самонадеянно, но – в духе того времени. Но вот Пётр Первый явно поставил воинское дело во главу державных устремлений. Отсюда и оправданное заимствование иностранных слов из лексикона военного, нового для России. Тем более, в части военно-морской, учитывая, что доселе страна была отрезана от морей (Каспийское и замерзающее Белое моря не в счёт), флота не имела: здесь всё полностью пришлось Петру брать у морской заграницы, той же Голландии, Англии и ганзейских германских земель.

* Справедливо известное с XIX века утверждение, что все лучшие учебники и словари русского языка написали немцы. Немцем был и русскоподданный Н. И. Греч.

И всё тот же XVIII, с продлением на две трети XIX века, установили в России французский язык на уровне «первого государственного». Именно первого, коль скоро на нём изъяснялся не народ, а его высшая, дворянская власть. Кстати говоря, от почти полуторавекового господства в «образованных классах» этого *парле ву франсе*, удивительно – и относительно! – небольшое число слов вошло в общерусский обиход: в основном бытовые термины, слова французской кухни (фужер, антрекот, лангет...). И это есть свидетельство того, что Россия уже вошла в европейский мир и особо не нуждалась в сколь-либо обширном заимствовании иностранных слов. Тем более, уже к началу последней трети XIX века в образованных кругах начало складываться понимание того, что Россия не совсем Крайний Восток Европы, но, скорее, Крайний Запад Азии. Хотя бы оформил в этих словах такую мысль Редъярд Киплинг.

...А собственно в широком разговорно-бытовом русском языке всего-то три (!) французских слова отложилось; все после Наполеонова нашествия, и крайне неодобрительные: шваль, шаромыжник и шантрапа.

Совсем понятно большое число тюркских, татарских слов, общеупотребительных в разговорном и письменном русском языке: ведь почти три столетия Русь – под названием Улуса Джучиева – входила в состав Золотой Орды, являвшей собой средневековое союзное государство. Как, кстати говоря, и Священная римская империя германской нации (таково официальное название) в Европе. И тот же русский мат, ныне притча во языцех на радио-ТВ, из татарского языка, где все эти слова сугубо нормативные, как сейчас принято говорить... И как не быть тюркско-татарским словам в русском языке? – вспоминаю своё детство-отрочество-юность в мурманском Заполярье, когда на лето семья наша уезжала в родную отцову калужскую деревню, в велосипедной доступности от которой соседние деревни именуются Ярлыковым и Баскаковым!

Даже не задумываемся о происхождении таких «истинно русских» слов, как пуд, тонна, князь, баня, имён – Олег, Ольга, Игорь, которые явно не из православных святцев. Их принесли ещё в Киевскую Русь варяги: торговые и военные с призванием Рюриков (кстати, слово «рюрик» исконно русское; в новгородской речи оно означало изгородь на реке для ловли сёмги).

Ещё раз оговорившись про молодость России – Московской Руси, в сравнении с Европой, резюмируем: ко второй половине XIX века русский язык окончательно сложился – с его *естественным* словарным запасом. Более того, выдающиеся мыслители-соотечественники того времени чётко осознали национально- и государственнообразующую роль русского языка, особенно литературного, образовательного, сложившегося на основе московского говора, что достаточно гармонично сочетается с естественными же разговорными диалектами, в основном фонетическими: северными архангелогородским, вологодским, новгородско-олонецким; южнороссийским, тем же воронежским; восточными нижегородским и волго-вятским; белорусским и малороссийским, в языкознании того времени рассматриваемыми (у того же Греча) как переходные формы от русского к польскому языку.

Пожалуй, что лучше всего о роли родного, русского языка в воспитании гражданина своей Отчизны сказал в своих воспоминаниях* Николай Иванович Пирогов, не только выдающийся русский врач и организатор медицины, но и признанный педагог и мыслитель: *«Да, я считаю позором для нас, русских, что наши родители, воспитатели и само правительство поощряли эту паскудную, пошлую и вредную меру. Говорить детям и не детям одной народности между собой на иностранном языке без всякой необходимости, для какого-то бесцельного упражнения, – это, по-моему, верх нелепости и, главное, нелепости вредной, мешающей развитию и мысли, и отечественного языка. Много я думал об этом при воспитании моих детей; я имел средства воспитать их в упражнениях на французском диалекте и, вероятно, этим повлиял бы благотворно на их будущую карьеру в нашем обществе; но я не мог преодолеть в себе отвращения от этого нелепого способа образования детей. Мыслить на двух и трёх языках, и даже мыслить на винегрете из трёх языков, каждому из нас возможно; но чтобы мыслить всесторонне, ясно и отчётливо на чужом языке, нужно знать его с пелёнок, точно так же, как свой родной, и, пожалуй, лучше своего, или же изучить этот чужой язык глубоко, как изучит его тот, кто видит в нём единственное средство к приобретению какого-нибудь знания или к достижению какой-либо цели жизни».*

Заметим *inpendant*, что почему-то (?) не афишируемый ни в масс-медиа, ни в серьёзных исследованиях, вопрос о связи многоязычия (индивидуального человека) и мышления. Возможно, представляет интерес концепция, разработанная в томе 18 нашего многотомного исследования* (этот том был удостоен в 2022 году старейшей, престижной научной Макариевской премии в области естественных и точных наук).

Выше, говоря об установившемся ко второй половине позапрошлого века русском языке *incorpe*, мы имели в виду единую грамматику и фонетику московского говора, сложившийся тезаурус в исторической последовательности его формирования, которое не противоречит, как мы аннотировано убедились, обычным правилам и законам языкознания. То же самое можно сказать и о четвёртой составляющей – алфавите русского языка. Здесь не лишним будет снова обратиться к историческим истокам. Отличительной особенностью славянского алфавита Кирилла и Мефодия является его изначальная избыточность в сумме как букв, взятых из греческого языка, так и предложенных внове славянскими просветителями. Можно уверенно предположить, что они имели в виду, вводя такую избыточность, следующее: во-первых, алфавит предназначался для многих славянских народов с

* Пирогов Н.И. Быть хирургом: записки старого врача. – М.: Родина, 2019.

* Продолжающаяся серия наших книг под общим названием «Живая материя и феноменология ноосферы»; на сегодняшний день издано двадцать томов (различные издательства: «Московский Парнас», «Астерион» (СПб), URSS (Москва), «Триада» (Тверь), Издательство Тульского госуниверситета; в электронной форме см. на различных научных сайтах по поисковику).

охватом фонетических особенностей их языков; во-вторых, они гениально предвидели, что по мере эволюции этих языков и их письменности алфавиты будут исторически оптимизироваться, а любая оптимизация всегда предполагает сокращение смысловой символики – актуальный к рассматриваемой теме вывод из так называемой «бритвы Оккама», классической философии.

Именно поэтому и имевшие место в XVIII – начале XX веков изменения в русском алфавите можно полагать естественными и даже «благословленными» самими создателями славянской письменности. Вполне справедливо (по факту!) можно упрекнуть Петра Первого в «латинизации» русского алфавита введением «гражданского», то есть и нынешнего, начертания букв вместо прежнего «фигуристого», преемственного от церковного, старославянского. Но естественным образом такое упрощение написания букв совпало с требованием времени: грамотность в эпоху кардинальных реформ-преобразований Петра вышла за церковные и административные рамки. Как следствие резкого возрастания письменной культуры и гражданского книгопечатания, прежние начертания букв русского алфавита стало заметным тормозом. Скоропись и тиражирование печатных изданий требовали *качественного* упрощения написания: письменного и печатного. Словом, король умер, да здравствует король!

Сокращение числа букв в русском алфавите, которое мы отнесли к предвидению Кирилла и Мефодия, то есть переход от 42-буквенного церковно-славянского алфавита к нынешнему его составу, также полагается естественным. Во-первых, сугубо «церковные буквы» – юс, от, кси, пси (начертание их достаточно «фигурно», поэтому в машинной графике вряд ли присутствует) – вряд ли уместны в общегражданском алфавите. Поэтому они и были, как бы сейчас сказали, явочным порядком изъяты из общего обихода в реформах русского языка графа Уварова в XIX веке.

Во-вторых, буквы ѿ (фита) и ѷ (ижица) по церковно-славянской традиции писались *только* в словах греческого происхождения, причём не «обрусевших», исключая первую букву греческих имён навроде ѿедор. То есть использовались достаточно редко... сразу вспоминается классика девятнадцатого века: посадить на фиту, то есть чиновника-регистратора «посадить» на документы, начинающиеся с фиты, – значит дать ему самое малоходное место...

Наконец, буква і и сведшая с ума не одно поколение гимназистов ять ѣ – гласная где-то между э и ие утратили в XIX веке свои фонетические выделительные особенности.

Поэтому подготовленную в начале 1910-х годов реформу русского алфавита с изъятием указанных выше букв, а также слова «ер», то есть написания твёрдого знака в конце слов, заканчивающихся на согласную, разработанную специально созданной комиссией Министерства просвещения Российской империи, комиссией из авторитетных учёных-филологов и лингвистов, подошедших к делу очень ответственно и выверено, можно без оговорок считать своевременной, актуальной и полезной для великорусского языка, его аутентичности сложившейся фонетике, избавлению от излишней зубрёжки в школьном образовании. Словом, в этой реформе были тщательно, аргументированно и научно-обоснованно продуманы все моменты сохранения грамматического, фонетического строя современного для начала XX века русского языка. Словом, это можно считать наиболее удачной, пожалуй что, и единственной реформой в истории русского алфавита и правописания (комиссия и другие вопросы рассматривала) в отличие от бездумного «реформаторства» в последующем. Но об этом в своём месте скажем.

Начавшаяся Первая мировая (империалистическая) война отодвинула введение нового алфавита и некоторых изменений в грамматике, но в 1918 году Наркомпрос РСФСР во главе с А. В. Луначарским без каких-либо изменений реформу эту провёл.

...В девяностых годах яростно брызжущие слюной антисоветизма либералы, к тому же отчаянно неграмотные, всесторонне и все-теле-радиоволново обличали «большевиков, что испоганили и обеднили «великий и могучий» введением нового, обрезанного алфавита». А вот сейчас мы уже вплотную перейдём к истинным вредителям русского языка.

Неугомонные «реформаторы» русского языка. Император Пётр, граф Уваров, комиссия Министерства просвещения Российской империи, тож комиссия советского Наркомпроса во главе с А. В. Луначарским для пользы русского языка на десять уже ненужных букв сократили изначальный алфавит Кирилла и Мефодия. Именно для пользы. Но нашёлся человек, что решил сделать обратный ход: ввести в алфавит новую букву.

Всё началось с нашествия на Россию XVIII века масонов. Они люди серьёзные, конспирологи, поэтому для смущения народа и расшатывания царств (как в Ветхом Завете) используют зазорные ватаги несколько образованных людей, обычно литераторов. Это как в деревенских драках стенка на стенку сначала выпускают помахать кулачками малых ребят: для затравки и куражу. Масонские же кураж-ватаги составляют из либералов. Причём русские либералы из всего этого отряда двуногих суть наиболее всполошные, переимчивые, обычно попадающие впросак. Опять всё от той же молодости нации. Как всегда, припечатал Достоевский (это не цитирование, пересказ): не потому неприятны ему русские либералы, что они либералы, а потому что они *не русские* либералы; дайте ему *русского либерала*, и он его расцелует.

...Это грех Екатерины, разумной немки и императрицы, правильной, полезной для России, что заигралась она (пока Великая Французская революция в 1789 году не грянула) в переписке с Вольтером в части полезности идей французских просветителей, руссоистов и пр. ответвлений европейского масонства. Она-то играла в просвещённую государыню, опять же для европейского авторитета России, но ближе её окружение всерьёз, по русской наивности, восприняло интерес и поощрение императрицей идей просветительства. Отсюда и открытие в Петербурге и Москве различных воспитательных пансионов, в которых по швейцарско-французским калькам ставился

эксперимент по выращиванию «передовой русской интеллигенции». Наиболее известным стали воспитательные дома, учреждённые Бецким, придворным чтецом Екатерины.

Получилось в итоге по-черномырдински: «Хотели как лучше, получилось как всегда». Собирались создать интеллектуальную элиту государственников, но вместо этого получили либеральную фронду. Бунтарь Радищев и потерявший осторожность масон Новиков заставили Екатерину завершить заигрывание с европейским либерализмом. Но своё-то, нерусское, по Достоевскому, либеральное течение уже пустило корни.

Этот экскурс к тому, что и выдающийся русский просветитель, историк и писатель, автор «Бедной Лизы» Николай Михайлович Карамзин также является выпускником пансиона Шадена при Московском университете; в этом пансионате декларировалась педагогическая система «воспитания сердца» в русле того же европейского просветительства. Литературная деятельность Карамзина началась с середины 1780-х годов. Уже в первых его произведениях просвещается весь будущий, всероссийски известный писатель и историк: чистой воды либерал, воспитанный на нравственной философии европейского просвещения; его любимые авторы, начальные путеводители в мир творчества: Лессинг, Галлер, Жанлис, Геснер, Томсон и Шекспир.

В русском литературном мире Карамзин весьма скоро стал видной фигурой. Если «Бедной Лизой» он открыл направление сентиментализма в отечественной прозе, то «Письмами русского путешественника» стартовала эпистолярная публицистика, ставшая в девятнадцатом веке одним из самых излюбленных жанров в творчестве многих известных русских писателей, упомянутых выше Достоевского и Лескова также.

При всём том, не подвергаемому сомнению, большому вкладу, что Карамзин внёс в становление великой русской литературы XIX–XX веков, воспитание и образование духовно-нравственное и историческое, Николай Михайлович был истинным либералом-западником. Достаточно прочесть одно лишь его высказывание из «Писем русского путешественника», весьма характерное: «Путь образования или просвещения один (выд. Н. М. Карамзиным. – А. Я.) для народов; все они идут им вслед друг за другом. Иностранцы были умнее русских: итак, надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано?». Хотя слова эти написаны Карамзиным двусмысленно, в контексте полемики «западников» и «патриотов», но подтекст-то предельно ясен...

Копнём глубже. С одной стороны, либерал европейской ориентации, но с другой – дитя восемнадцатого века становления России как империи, к тому же «века цариц», фаворитизма, да ещё густо поперченного русской неизбывной традицией: чем ниже поклонись, тем выше поднимешься. Вот и «Историю государства российского», при всём своём западно-просвещенческом либерализме, Карамзин, не хуже своих последователей из категории «чего изволите?» XIX–XX (тот же Покровский наркомпросовский) веков, написал «под Романовых»; дескать, рюриковичи много чего неверного сделали, только с воцарением Романовых дела пошли по правильному пути. Умных, самодостаточно мыслящих людей не проведёшь. Именно поэтому карамзинский труд, несмотря на его исключительно обширную историческую фактологию, выверенную научную методологию, хронологическую достоверность и пр., всё же с осторожностью в последующие века воспринимался в учёном историческом мире. Пальму первенства здесь отдают С. М. Соловьёву и В. О. Ключевскому.

Сказанное выше вроде как не имеет прямого отношения к русскому языку, но весьма конкретно характеризует (см. цитату выше) Карамзина как либерала западнической направленности.

Но – история историей; как сказал один классик: «История – плачь и смеяться», – но именно Карамзин нанёс непоправимый урон русскому языку в части его фонетики. Он совсем молодым, начинающим литератором отправился путешествовать по Европе, а именно в год Французской революции. Из «Писем русского путешественника» видно, что с восторгом, хотя временами и несколько критическим, неопита он жадно впитывал новые впечатления об открывшейся ему иной, нежеле в России времен «поздней Екатерины», жизни. Явно по причине этого восторга и не сложившейся ещё по молодости твёрдости, самодостаточности убеждений, возможно, и некоторого тщеславия «первооткрывателя», он и «привёз» из Франции букву ё ... к читателю: прогуливаясь, отметьте глазами французскую машину марки «Ситроен» и прочтите это название: *citroën*. Кстати, буква это достаточно редко используется во французском языке. По мысли Карамзина, эта буква в словах русского языка должна обозначать фонему *йо* – по аналогии с буквами *ю* и *я*, обозначающими фонемы *йу* и *йа*. Словом, молодой литератор уподобился персонажу Маяковского, что «в духе парижан назвал себя электротехник Жан».

Дело-то всё в том, что московскому говору, то есть уже устоявшемуся русскому языку, времён Карамзина, фонема *йо* была совершенно несвойственна; тем более, что её не было и в предшествующих формах русского языка: старославянском, церковнославянском, древнерусском и старорусском XVI–XVII веков. Но зато фонема *йо* присутствовала в «параллельном» русскому французском языке дворянского сословия. Короче говоря, случилась ситуация, в психологии именуемая как *сдвиг мотива на цель*. Поэтому, ввиду чуждости фонемы *йо* русскому языку, искусственная, привезённая Карамзиным из «города Парижу» буква-«елка» потыкалась, потыкалась в русском алфавите, пробуя потеснить *е*, *э* и *ять* (ѣ) в каких-то гласно-согласных словесных контекстах, но место своего не нашла, так и оставшись на последующие два века непризнанной парижанкой-чужестранкой. Посмотрите, полистайте словарь Даля, к счастью, по ряду причин, в том числе конспирологических, до сих пор не переведённый на современную русскую орфографию. Авторитетнее этого издания в части русского словаря в природе нет. ...Как и нет у Даля раздела на букву ё (впрочем, как и на *й*; она упоминается лишь как частный случай фонемы *и*).

Но вот дворянство, особенно провинциальное, то есть форсистое и малограмотное, в том числе в части французского языка, за эту-то новоявленную букву уцепилось: хоть здесь проявить

свою «учённость»! И начало коверкать русский язык. Сразу вспоминается: в школьные годы почему-то увлёкся романами классиков латышской литературы (в русском переводе, разумеется) от её родоначальников братьев Каудзит («Времена землемеров») до исторического писателя Андрея Упита и уже советского классика Вилиса Лациса (он же председатель президиума Верховного совета ЛатССР). И у него персонажи 30-х годов из «образованцев» щеголяли словечком «фардон» – вместо «пardon», а потому, что фонема *эф* в латышском языке отсутствует. Так и у «образованцев» карамзинской пары...

Карамзинская же попытка явочным порядком ввести французскую букву в официальный алфавит ему не удалась. Её «гражданство» не признали в XIX веке, по понятным причинам; см. выше вкратце. Поэтому её и не увидишь в печатных изданиях XIX века. Соответственно, и фонема *йо* если и использовалась в просторечии, то приносили её жители северных и верхневолжских губерний с их отличительными от московского говора фонетическими особенностями. Пролетаризация России после реформы 1861-го года вызвала к жизни достаточно массовую миграцию.

После обновления русской орфографии и алфавита (см. выше) в 1918 году комиссией Луначарского – Крупской положение буквы *ё* стало и вовсе двусмысленным. С одной стороны, она появилась в букварях и прописях младших школьников, но до окончания двадцатого века *в печатных текстах она по-прежнему отсутствовала*. Но школьные буквари сделали своё дело: детская память остаётся на всю жизнь, её ничем не перешибёшь! Дальше – больше: как только в русифицированном *Word'e* буква *ё* появилась к началу нового века и тысячелетия, так она и утвердилась в печатных текстах. Аминь! Более того, с подачи наших вечных либералов с их «нынче не то, что было завтра» в последние два десятка лет вспыхивают в СМИ кампании по полной легализации парижской карамзинской буквы. Один волжский губернатор даже освятил памятник ей в форме ели. И госвласти поддались: не так давно законом утвердили эту букву как обязательную для документов навроде паспорта, водительских удостоверений и пр. И литераторов уже явочным – пока не законодательным! – порядком достают: вашего покорного слугу не печатают некоторые, даже дружественные литературные журналы: условием публикации ставят простановку буквы *ё*!

...Чёрт говорит в бреду Ивану Карамзину: «*То-то вот реформы-то на неприготовленную-то почву, да ещё списанные с чужих учреждений (выд. нами. – А.Я.) – один только вред!*».

И хотя не чёрт нашептал Николаю Михайловичу привезти из Парижа в Россию злосчастную буквицу, но результат налицо: не мытьем, так катаньем, с подачи <авторитета> Карамзина, в течение двух столетий подспудно, явочно и пр. (см. подробно выше), но внедрение французской буквы «ё», совершенно чуждой фонетике русского языка, с «подачи» всего лишь одного, ещё молодого литератора, эта самая фонетика «великого и могучего» была основательно, искусственно повреждена!

И ещё одна *notabene*: в связи с «легализацией» в последние годы буквы *ё* в русском алфавите уже встречались публикации, обеляющие роль Карамзина, но настолько неубедительные и малограмотные, что только со смехом их читаешь. Навроде: буква *ё* появилась в русском языке ещё до Карамзина – в царствование Екатерины Второй*...

Да-да, уважаемый читатель, той самой, что с удовольствием читала первое, журнальное издание «Писем русского путешественника» молодого ещё писателя Карамзина! Это всё одно, как недавно по «культурному» ТВ-каналу запиаренный «телевизионный историк» восхищался: дескать, хотя восстания Разина и Пугачева разделяют три века, но ведь оба они из одной донской станицы! Станичники, значит...

И Карамзин не одинок во Вселенной, в смысле в России. Он-то, при всём нанесённом русскому языку повреждении, вообще действовал из благих побуждений, правда, по молодости не продумал возможных последствий. И тем уж извинительно, что по молодости, а не по дурости малообразованной, а пуще всего – из обезьянничества подражательного.

...В 1858 году в Лондоне, в Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарёва, что из английского своего издалека (это как через сто с лишком лет Солженицын из Вермонта) с 1855 по 1869 гг. либерально просвещали русского читателя изданием газеты «Колокол», журнала «Полярная звезда», сборниками «Голоса из России» и «Исторических сборников Вольной русской типографии», вышла сдвоенная книга (конволют – издательско-типографский термин), содержащая два запрещённых в России издания: «О повреждении нравов в России» князя Михаила Щербатова и «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Радищева. Имеется современное издание*.

Попутно заметим, что эта книга, как и все остальные издания Герцена и Огарёва, да и собственно сама «Вольная русская типография», имели выходные данные: «*London, Trübner&Co., 60, PaternosterRow*», – то есть издавались издательством Н. Трюбнера, официально уполномоченного агента Ост-Индской компании, которая имела свою мощную разведывательно-пропагандистскую службу, поддерживающую революционную деятельность в странах – потенциальных противниках Британии, прежде всего, Российской империи. Таким образом, «Герцен, который разбудил Россию» (В. И. Ленин), состоял на службе антирусских государственных сил. Опять-таки из благих побуждений, столь любезных сердцу и душе извечного «нерусского русского либерала» (Ф. М. Достоевский). Вот откуда ноги растут у антирусских, антигосударственных либералов XIX, XX и уже XXI веков, пишущих из западного «издалека»!

* Одна из версий: букву «ё» привнесла в русский язык Дашкова с позволения своей подруги Екатерины... Вряд ли, женщины очень осмотрительны и подозрительны!

* О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева: Факсимильное издание / Под ред. акад. М. В. Нечкиной и д-ра ист. наук Е. Л. Рудницкой. – М.: Наука, 1983.

Опять же к слову, но нелишне напомнить. В названном конволюте Герцен представил две крайние точки зрения: левого либерала Радищева и предшественника славянофилов князя Щербатова. Последний пишет: «Таковыми степенями достигла Россия до разрушения всех добрых нравов, о каком при самом начале я помянул. Плачевное состояние, о коем токмо должно просить Бога, чтоб лучшим царствованием сие зло истреблено было» (переводим на современную орфографию).

В своей книге князь Щербатов (1733–1790)* уже в царствования Елизаветы и Екатерины Второй отмечал, что «повреждение нравов» в России началось с излишней переимчивости (опять же ещё молодого!) Петра Первого с Европы. Что мы уже пояснили на примерах Карамзина, Герцена и Огарева. И опять же в авангарде антирусизма идёт повреждение языка.

В 1840–44 гг. в Москве была издана в трёх томах (!) поэма И. П. Мятлева с затейливым названием: «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже», относящаяся к жанру макаронической поэзии (от ит. *maccheroni* – макароны, значит), то есть вида шуточной поэзии, в которой стихотворный текст пересыпан иностранными словами, возникший в Возрождение в Италии как пародия на испорченную латынь.

В поэме Мятлев едко высмеял всероссийскую страсть к иноземным словечкам. Тот же незабвенный «аршавский портной»! Ведь самое страшное, когда повреждение языка укрепляется в мещанской среде... воистину получают «ноги в шляпе, сапоги всмятку», а русский язык обыденный превращается в тот же одесский (при всём его своеобразии!) *Ungepotchket* (идиш), то есть «составленный из лоскутков и обрезков». И надо нам всем в пояс поклониться тем, кто в XIX веке не только сохранил русский язык, но выкристаллизовал его, сохранив весь исторически сложившийся словарный запас. Прежде всего – великим русским писателям, а также столь ругаемым в советских школах графу Уварову и адмиралу Шишкову, решительно пресекавшим неугомонных реформаторов русского языка, напрочь отвергавших попытки официальных, законодательных реформ. ...Равно как и советскому руководству двадцатых годов во главе со Сталиным, отвергавшим бессчётные попытки рьяных реформаторов урезать правила грамматики «по самый пояс», обескровить алфавит и вообще (пример турецкого Ататюрка что ли вдохновил?) перейти с кириллицы на латиницу. Не верите? – Откройте на главе XIX книгу одесских классиков «Золотой телёнок»: «В ответ на наглое бесчинство бухгалтера Кукушкинда, потребовавшего уплаты ему сверхурочных, ответим... л) поголовным переходом делопроизводства на латинский алфавит».

Дальше не до реформ русского языка было. Правда, «волютарист и пробобелист» Хрущёв какую-то урезанную (заеца вместо зайца отсекли!) реформишку утвердил. Но настолько несущественную, что лично мне запомнилось только упрощение переноса слова: раньше тире нужно было ставить – в письме только – дважды, в конце строки с началом переносимого слова и в начале новой строки с окончанием того же слова. Теперь же только в конце строки. И то мне сейчас не верят...

...Но всё это печки-лавочки. В страшном сне не приснился бы Федору Михайловичу и Николаю Семеновичу (Лескову), Генералиссимусу Сталину и адмиралу Шишкову, Карамзину и князю Щербатову, Герцену с Огаревым, Луначарскому с Крупской и пр. и пр., что придёт пора апокалипсического повреждения русского языка, о чём ниже.

Атлантический вал американизации: отmodusvivendi и modusoperandi до русского языка.* Если бы, например, Козьма Минин, Лев Толстой и известный русский писатель Алексей Хомяков несколько лет тому назад, реинкарнировавшись, попали в наши дни, то были бы приятно удивлены, а именно. Первый, прослушав 4-го ноября 2019 года, в День народного единства, утренние новости на Центральном ТВ, узнал бы, что он, «Козьма Минин, был крещёным татаринном и, как сейчас говорят, занимал должность сити-менеджера Нижнего Новгорода» – в кавычках дословно цитируем. А вот наши тульские земляки, Лев Николаевич и Алексей Степанович, с некоторым смущением прочли бы тексты плакатов на входе в свои родовые имения: «*Tolstoy Weekend*» и «*Хомяков – home Поэзия*». Толстой бы срочно написал 200-страничный обличительный трактат, а трезвенник Хомяков сходу выпил целиковый штоф «очищенной». Как славянофил, коньяком и виски он манкировал. И если Гитлеру не удалось исполнить свою мечту о переименовании Москвы в *Moskaustadt*, то современные её власти сами, без указки с Запада, часть города нарекли Москва-сити... И не одного нижегородского старосту менеджером обозвали, как оплевали: несколько дней назад из того же телеящика (у меня он старинчатый, не плоский) услышал, что маршал Жуков был *кризис-менеджером Красной Армии*.

Опять же почему географическое название Средняя Азия напрочь в СМИ заменено Центральной Азией? Это ведь тоже смысловой американизм. Это для них бывшие советские союзные – центр Азии, то есть Центральная Азия. Для России же, ранее СССР, самой крупной азиатской страны, протяжённой от Кавказа до Тихого океана, это именно *Средняя Азия!*

А всюду проникший, даже в школьные и вузовские методички, обезьяннический термин «дорожная карта» – калька с американского. Сам читал в местной газетке: «Дорожная карта реализации муниципальной программы раздельного сбора бытового мусора...». А я помню когда, с чьей подачи штамп этот к нам попал: в начале 2000-х годов, когда закончилась очередная стычка Израиля с палестинцами, в наших утренних новостях диктор объявил: «...в подписанном перемирии содержится дорожная карта по разграничению территорий Израиля и Палестины». И далее пояснил для народа, что это аналогия с дорожной картой у американских автомобилистов; поскольку

* Михаил Михайлович Щербатов, известный историк, автор многотомной «Истории российской от древнейших времен», доведенной до Смутного времени. В словаре Брокгауза и Ефрона, а это авторитетнейшее издание! прямо говорится, что «История» Щербатова стала основой для «Истории» Карамзина... Либерал!

* Образ жизни и образ действия (лат.).

америкосы слабы в географии (это уже мой комментарий), то это просто перечень населённых пунктов вдоль конкретной дороги. Поскольку это было на центральном радио России, то новый американизм вмиг разлетелся и был освящён к употреблению. Так что история языка на глазах творится!

Если в позапрошлом веке русские писатели вовсю иронизировали над «смесью французского с нижегородским», то нынешний *американо-нижегородский* победно шествует уже третий десяток лет. Официальное подтверждение тому – недавнее сообщение в СМИ: только что в словарь Виноградова, а это академический свод, то есть закон для русского языка! – внесены 600 американизмов, навроде «кешбэк», «коворкинг», «хайп» (я-то, по наивности, доселе полагал это гавкающее словечко американским матом?) и остальные 597 того же типа.

Значит, теперь уже «виноградовской» стала обычная лающая телерадиореклама: лайф! драйв! – и поперхнулся старый цепной пес, прохрипел: кеш-бэк вашу фейкину экономию на экваринге... И совершенно защитительское: «Подледный дайвинг, а также кайзинг и джипинг – любимые зимние забавы россиян» (ТВ, зима 2020-го года). Вроде недавно опять ещё триста таких же слов «овиноградили»? – но не гарантирую истинности: дикторша очень уж малограмотная попалась, слушал вполуха.

Сформулируем два базовых тезиса, которые, как объективно представляется, лежат в основе нынешнего повреждения русского языка: (а) все варианты такого повреждения директивно исходят... от СМИ в категории масс-медиа; (б) оптимистичное: несмотря на тридцатилетнюю «обработку» масс-медиа, народ наш, исключая некоторые замкнутые социально-профессиональные группы, в целом и в массе своей практически не воспринял (!) и не перешёл на «американо-нижегородский» сленг и на американские кальки в мышлении.

Некоторый негатив наблюдается в молодых поколениях, что не застали советского воспитания-обучения, но уже в полной мере оказались в сетях интернета-уманета. Согласно одному из опросов, 36% людей в возрасте от 18 до 36 лет хотелось бы изменения норм русского языка по принципу «как слышится, так и пишется». То есть все тот же заец вместо зайца, упомянутый выше. И второй момент: для данной возрастной группы характерен в полной мере компьютерный солипсизм: если чего-то нет в компьютере, то оно и вовсе в природе не существует... Протестов против такого ущербного мышления в молодёжной среде нет, иначе будешь белой вороной... хотя в последнее время и «затаскали» в ТВ-программах характерные слова Оноре де Бальзака, но вернее здесь не скажешь: «Там, где все горбатые, стройность становится уродством». Ещё жёстче выразился по схожему поводу А. П. Чехов, что-де дело не в оптимизме или пессимизме, но в том, что у 99 людей из ста нет ума...

Раскроем тезис (а). Сразу оговоримся, что полагаем эти рассуждения сугубо объективными (см. выше ссылку на наш двадцатитомник, где данные положения научно выверены), поскольку высказывает их профессиональный писатель, автор более тысячи публикаций, а одновременно и профессиональный же ученый-исследователь также с тысячей опубликованных работ. Это ведь тоже пресса, отчасти и масс-медийная. Опять же и выступлениями на радио не манкирую. Был бы субъективен, так в свой колодезь-то плевать не принято?

...Когда Наполеон, человек большого ума, хотя бы сам плохо кончил, поименовал прессу и вообще печать четвертой властью, то, словно за два века, в будущее смотрел. Русские цари, а потом генсеки тоже не рядового ума людьми были, тем более с такими своеобразными подданными: наивными и подозрительными одновременно. Потому-то как коронованные в соборе Кремля, так и избранные (или «избранные»?) на заседании Политбюро по соседству, в здании на Старой площади, воли «четвертой власти» не давали – особенно генсеки, попросту сделав её канцелярией по минимально-достаточному информированию народа. Именно поэтому к началу лихолетья девяностых годов народ наш и преемники кремлевской власти (тем более, что они и сами в ней состояли) пришли с генофенотипически выработанной уверенностью: что сказано по радио, показано по телевизору и напечатано в газете – есть истина в последней инстанции.

На Западе же, с его блестяще отработанной – от доктора Геббельса и штаб-квартиры ЦРУ – техникой информационной пропаганды, тотчас прибрали под своё крыло российскую масс-медиа, благо она сама, даже без обещания скромных опресноков, то есть долларов, радостно бросилась в омут либерализма: дескать, семьдесят лет терпели-мучались, дождались родненьких, слава ихнему богу, про которого и на баксах написано: «*In God we trust*», то есть «в Бога мы верим»! И помчалось в ритме холерического рейг-тайма и иных западных плясок.

А уроки американского начались строго с самых первых утренних телерадиоизвестий. Включаешь, заваривая чай для завтрака, кухонный динамик, оставшийся от советской обыденности, а там веселая дикторша задаёт урок на сегодняшний день: «...Одно из благ нашей молодой демократии – постепенное уменьшение фактов взаимного унижения полов в браке, или, как сейчас принято говорить: лайкинга и козлайкинга». И так изо дня в день на протяжении тридцати с лишком лет. Поскромничали «виноградовцы»: вместо полутора десятков тысяч всего-то шестьсот американских слов «обрусили»!

Но здесь сами масс-медийцы подкачали: слащаво-весёлые дикторши иногда забывали (память девичья коротка!) ранее сказанные ими новорусские словечки, а ведь для закрепления в головах слушателей-зрителей, как и на школьных уроках, их надо произнести несколько раз (и доктор Геббельс это авторитетно заявлял). Вот почему из пятнадцати тысяч американизмов только шестьюстами обогатился великий (доселе) и могучий... Карамзин с княжной Дашковой и самой Екатериной Второй вовсе понурили бы головы: они-то единую букровку с парижан списали, а тут тысячами слов *американских* ворочают безродные всякие...

Как только ежедневное новое американское слово произнесено в утренних радионовостях, так к полудню-вечеру (не к вечерне!) оно переключалось уже в новостные и многочасовые «авторские» телерадиопередачи, в задумчивые беседы актёров, одетых «ведущими политологами». Через неделю

и разного ранга чиновники, особенно чиновницы, всевозможных оттенков административные труженики в интервью этим словечком не преминут щегольнуть. Через месяц и в свежих выпусках бесконечных сериалов американская составляющая в диалогах «говорящих голов» тоже обогатится.

Сближение в Америкой, оруэлловским Старшим Братом, словом. Сразу вспомнилось из истории нашего переимчивого Отечества. Когда «англичанка» решила создать Антанту, чтобы руками Франции и России приструнить своего экономического материкового конкурента – Германию, то начала опутывать Россию французскими займами из мощны Ротшильдов. Хотя Александр Третий Миротворец умён был, но не сразу сообразил, что к чему приведёт, морщась поддался на политику сближения с Францией. Поэтому и заказал Чайковскому балет на французский литературный сюжет. Так появилась «Спящая красавица»...

...Таким-то образом – мы уже не о Чайковском говорим – в считанные начальные девяностые годы и появился феномен американо-нижегородского языка. Пусть славные нижегородцы не обижаются: это из девятнадцатого века тянется в подобных ситуациях. Казалось бы, смирились, раз такая планида нам выпала в нынешнее время, ломай язык чужеземными словами... ан нет! Вспомните о тех трёх ругательных словесах, что только и остались в народной речи от двухсотлетнего офранцуживания русских: с мирными и вольными нашествиями. Поэтому перейдём к оптимистическому.

Раскроем тезис (б). Говорю по личному опыту общения с людьми различных социальных, как сейчас казённо говорят, групп, а он-то, собственный опыт, редко обманывает. И круг общения достаточно широк по роду занятий: студенчество, университетские преподаватели и административный персонал, люди науки, образования, медицины, литературного творчества и пр., вплоть до рабочих, служащих, пенсионеров, дворовых мирных «алконавтов» и дворника – узбека Кизима, то есть всех тех, с кем сталкиваешься в быту. И за все тридцать с лишним лет принудительной, масс-медийной американизации, исключая студенческие, по малому ещё их уму, «о'кей» и «вау», ни от кого, ни разу не слышал ни единого слова из тех шестисот, что внесли в словарь Виноградова, тем более из тех ~ 15000, что в утренних телерадионовостях подарили нашим ушам весёлые дикторши и телеведущие. А если и употребляют иногда, то только с юмором, с сарказмом в адрес «просветителей»: «Пока не сделаны уроки, забудь про виски «Джонни Уокер». Или в недавнюю пандемию: «Сегодня ты без антител, а завтра в НАТО захотел»; «Каждому кто привился, хотдог в подарок!»; «Бигчикен острый – только по кюар-коду»; «Лазанью Васька захотел, пошёл и сделал ПЦР»... и так далее.

Вывод очевиден: с одной стороны, в русском человеке, обширно понимаемом, то есть который *думает* на русском языке, генофенотипически живёт настороженность к чуждо звучащим для него словам, причём это вовсе не пресловутая «русская лень» – избегать умственных усилий, семантические осваивая новые слова, но именно *неприятие* всего чужеродного, что они несут в его традиционное мышление *по-русски*, хотя бы это мышление *исторически* включило, но уже считает *своими* сотни и тысячи слов древнегреческого и латинского корня; названий предметов и действий варяжских, татарско-тюркских; бытовых и научных немецких и французских (как бы мы ни иронизировали над ними...). С другой же стороны, всякие нововведения в языковую норму – а это закон науки филологии! – приживаются в ней именно в историческое время. Если же за пару-тройку десятков лет, что историческим временем не является, в уши человека «влетает» не одна сотня-тысяча чужеродных слов, причём в язык (русский), который является самодостаточным, развитым, не уступающим по словарно-семантическому запасу и обиходу «языку-донару», то в сознании человека «языка-акцептора» интуитивно возникает вопрос в части осознанного восприятия привносимых слов. Значит, «невакцинированным и неотолмаченным* вход строго воспрещен!».

...Чтобы не превращать литературно-публицистический очерк в суховатое филологическое исследование, вернёмся к заявленной теме о повреждении русского языка, к натиску его американизации в последние три десятка лет. Опять же – для понятности – на характерных примерах. Возьмём четыре наиболее «въевшихся» в организм современного русского языка американизма: *бизнес*, *ЗД* – <далее название предмета>, *контент* и *фейк*. Первое – наиболее *частотно* употребительное в масс-медиа, в административно-управленческих и бюрократическо-чиновничьих кругах (не в личном, конечно, общении, но «для прессы»). Сам термин *business* в американском, вообще англоязычном его употреблении несёт семантический смысл *наживы любым способом*. Поэтому обычно переводимое американское приветствие при встречах: «Как ваши дела?», – в оригинале есть: «Как ваш бизнес?». При этом вид бизнеса-наживы даже не обсуждается (вспомните из фильма «Брат-2» наивный вопрос героя Бодрова-младшего: «А что, им интересны мои дела?»). Нажива и только нажива. Отсюда в «лихие девяностые» расхожие уточнения: торговый бизнес, наркобизнес, бандитско-воровской, даже военный и церковный...

То есть смысл слова (в первоисточнике) сугубо неприемлем – по Христовой морали, которая и доселе ещё жива в нашем народе. Именно поэтому самодостаточно мыслящий – без телеящика – русский человек, слыша этот самый «бизнес» со всех экранов, трибун и пр., невольно и досадливо морщится. Тем более, что у этого чуждого слова в русском языке имеется – контекстно – до двух десятков семантических синонимов.

...Полный обезьяннический идиотизм с пресловутым *ЗД*, которое, как горох из прорвавшегося небесного ящика, уже который год сыпется отовсюду на наши уши. Народ (см. тезис (б)) этого цифро-буквосочетания на дух не переносит, ибо грамотен и знает, что это есть американская аббревиатура слов *threedimensional* с переводом, яснее ясного, на русский язык: трёхмерный, то есть объёмный. Что

* От древнерусского толмачить – переводить; само это слово в русском (и в других славянских языках) является заимствованным из тюркского; по другим данным (см. словарь Фасмера) – из печенежского языка.

за любовь к «трём дэ»? – Может, что-то таинственное, сакральное чудится за ним? По мне, так полная потеря смысловой составляющей мышления... 17D – водка оцифрованная, безалкогольная.

Далее на очереди *контент* – с конкретным, не допускающим разночтения, русским переводом: *содержание*. И без перерыва в перечислении – словечко *фейк*, то есть вранье.

Владимирский централ – ветер северный.
Этапом из Твери – нас немерено.
Когда я банковал, жил размеренно,
Но не очко обычно губит,
А к одиннадцати туз!

Дожили-таки до времён, когда песни Михаила Круга (а они ведь вовсе не лишены вкуса и содержания?) в параллели с масс-медиа стали высокой языковой классикой!

Раз уж вспомнили о лагерной поэтике Миши Круга (Пусть земля ему будет пухом!), то приведём в контексте ТВ-рекламу с предложением работать в УФСИН, то есть тюремном ведомстве: «Сотрудники силового блока и принудительного исполнения наказаний обеспечиваются конкурентным окладом содержания и дают возможность самореализации». Добавим шутейски: при отмене моратория на смертную казнь – самореализации «технического ликвидатора»... Мд-д-а, похоже не только американизацией делают из русского языка «словесный нужник». Одно «цифровое министерство» чего стоит? – это ведь снова калька с американского (на Украине – Министерство цифровых трансформаций).

...У яростного ненавистника советского социализма, а значит, и вообще традиционного русского народа, Солженицына, «вермонтского отшельника», всё же есть хорошее, меткое слово подмахивать («Один день Ивана Денисовича»). И его действенность сказалась в повреждении русского языка в начале девяностых, когда, якобы «в уважении к бывшим союзным и пр.», забыв напрочь о филологической науке *ономастике* (исторически сложившихся именах собственных), в масс-медиа началось такое подмахиванье: Ашгабад, Алматы, Кыргызстан, Таллинн, Молдова (порусски Молдавия) и даже Минск! (правда, всего год продержалось – снова вернули Минск).

Это всё одно, как бы вдруг велено было масс-медиа Норвегию именовать Норге, Германию – Дойчландом, Францию – Франсе и пр. Со Швейцарией вышло бы затруднение, у неё три языковых самоназвания: Швитццерланд, Зюссе и Гельвеция. Вроде как в последние пять-десять лет вернулись к ономастической норме ... за исключением Киргизии (?!). С состраданием народ смотрит по телевизору на высоких чиновников, что с напряжением выговаривают: Кыргызстан и (живущие в нем) кыргызы. Наверное, так надо.

...Кстати, в *pendant* на учёной латыни, вспомнил. Когда в первой половине 2010-х годов, то есть до «времён очаковских и покорения Крыма» (это не я – Грибоедов сказал, а сейчас столичные либералы поделдыкивают...), у нас на медфакультете учились очаровательные юные хохлушки из Черниговской и Полтавской областей, то есть из самого сердца Малороссии, где говорят на языке Тараса Шевченко, а не на искусственном галицийском «украинском» языке, то они, наивные ещё создания, с удивлением спрашивали: «А почему у вас в России так странно говорят: «Приехать в Украину» и «Уехать из Украины»? – «А у вас как говорят?» – «Как обычно: «Приехати на Украйну» и «Уихать с Украйны».

...Не буду же им объяснять, что как-то их президенту Ющенко, тому, что, объевшись раками с салом, покрылся пятнами и обвинил российских агентов в отравлении, показалось обидным российское же «приехать на ...» и «уехать с ...». Он просто не задумываясь сказал это, но вот у нас явочным порядком СМИ, а за ними все госслужбы, с тех пор и поныне говорят «приехать в ...» и «уехать из ...». Слово,

*Жили-были я и он,
Подружились с похорон...*

– вроде как Саша Чёрный (или Велимир Хлебников?).

...Вовсе не страшны языковые агрессии, даже столь мощные, скоординированные и направляемые, как нынешняя американизация: народ в массе своей как проглотил картавые словечки из телерадиопередач, так и выплюнул: тому свидетельства истории; см. выше. И если чиновник что-то по написанному тексту и промялит на американско-нижегородском, а также учительница среднестарших лет, у которой берут интервью, пропустит пару-тройку «челенджей», «контентов» и «Толстой-уикэндгов», решив, что так надо для массового озвучивания, то народ пропустит это мимо ушей, понимая: положение обязывает. Тем более, Россия – с великокняжеских времён – страна не ровного движения в истории, но бурных или дежурных кампаний. Вот и нынешнее положение страны обязывает власти на кампании по очищению языка от американщины, что и видим на экранах ТВ. Конечно, до очередного переименования СПб в Петроград, как то имело место быть в 1812 и 1914 годах, не дойдёт, но – всё же остановит повреждение русского языка.

Но вот где пессимизм полный и неизбывный – это массовое оскудение мышления, а отсюда и полное обеднение русского языка, даже без иностранных словечек, до уровня суконно-цинковой казёнщины. Увы, это следствие глобализации, которую, как ход эволюции, кампаниями и пристрожением масс-медиа не отменишь.

Ваш же покорный слуга, завершив очерк злободневной, для России – вечной с петровских времён, темы (а мысль изречённая есть ложь!), примет с устатку рюмку грузинского «Асканели» и для успокоения растревоженной души посмотрит по телеканалу «Культура» шедевр мирового кино «Маленький Будда» Бертолуччи...

П р о з а

Расскажите любую жизнь, и вы расскажете мир.

Юлий Айхенвальд

Наталья ЯЧЕИСТОВА

г. Москва

Член Союза писателей России. Окончила МГИМО и Курсы литературного мастерства при Литературном институте им. Горького. Автор книг художественной прозы и поэзии – «Туманган», «Голландские изразцы», «Пути земные и небесные» «Тонкая грань», «Вечное лето» и др. Лауреат ряда международных литературных конкурсов. Награждена специальным призом издательства Сретенского монастыря по итогам конкурса духовной литературы (2022). Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Чеджу – остров мира

Рассказ

Это была моя первая поездка на Чеджу, и моё любопытство настраивало меня на нетерпеливый лад. На карте я уже успела рассмотреть этот остров – он завис на самом юге Южной Кореи, на довольно большом расстоянии от материка, напоминая собой крупный алмаз овальной формы, аккуратно отодвинутый в сторону от пыльной россыпи мелких островков, теснящихся поодаль. Место расположения Чеджу по-своему уникально: находясь между Жёлтым и Восточно-Китайским морями, Чеджу ещё имеет выход и к Корейскому проливу, и к Японскому морю, и к российским дальневосточным и северокорейским портам. Нам в Туманганском офисе так и грезилось создание показательного транспортно-туристического коридора, который соединил бы с помощью Чеджу приграничные территории соседних стран. Наверное, особая роль этого острова виделась не только нам – иначе зачем было бы создавать здесь Институт мира и проводить ежегодные конференции, посвящённые глобальным проблемам?

Активная международная деятельность на Чеджу объясняется, конечно, не только его географическим положением – есть в этом острове нечто совершенно особенное, что настраивает на мирный, добрый лад, на поиск компромиссов, на уверенность в том, что все проблемы, в конечном счёте, разрешимы. Однако мирная жизнь не всегда царила здесь. Были и завоевания монголами в XIV веке, и оккупация японцами во время аннексии Кореи с 1910 по 1945 годы. Было и жесточайшее подавление правительственными войсками вспыхнувшего на острове восстания в 1948 году, во время которого погибло до десяти процентов местного населения. И, конечно, тяжёлые последствия межкорейской войны. В 1953 году Северная и Южная Корея, истощённые до крайности Трёхлетней войной, подписали перемирие – с ним они живут до сих пор, уже семьдесят лет. Но, как говорится, «худой мир лучше хорошей войны». Жизнь продолжается, народ и руководство острова делают всё для того, чтобы никогда больше не повторились трагедии прошлого, чтобы и местное население, и гости острова испытывали здесь радость и умиротворение. Наверное, поэтому за Чеджу и закрепилось название «Остров мира».

Все острова, в общем-то, имеют особенности, отличающие их от «большой земли». Вот и Чеджу будто создан из совершенно особого материала. Так оно собственно и есть: миллион лет назад горячая лава вырвалась из-под земли, взлетела к небу огненным фонтаном из горнила ревущего вулкана и разлилась по острову красными реками. Доходя до моря, лава постепенно остывала, превращаясь в чёрные базальтовые туннели и пористые утёсы. На Чеджу просто так в море не зайдёшь: побережье и сегодня представляет собой частокол из чёрных остроконечных скал. Из воды тут и там торчат небольшие горбатые утёсы, на которых лишь чайки да цапли чувствуют себя вольготно. Вода в море остаётся холодной практически круглый год, лишь в августе ненадолго подпущает к себе смельчаков.

Но почему же так притягателен этот нелюдимый берег, эти волны, быстро меняющие свой цвет: от чёрного – до свинцового, от серого – до изумрудного, от синего – до голубого? Почему хочется часами смотреть в высокое небо, будто оно способно дать ответы на самые важные, волнующие тебя вопросы? Почему здесь чувствуешь себя так легко, так спокойно? А как чист воздух, как прозрачна вода! Будто Творец только что выпустил из Своих рук это совершенное произведение. Но какие же при этом на Чеджу ветра! Это не просто ветра, а свирепые вихри! Каково бывает местным жителям, остающимся с ними лицом к лицу в зимнюю пору! Недаром перед нашей гостиницей стоял необычный памятник – согбенная под порывом ветра женщина, несущая на плечах вязанку хвороста.

Вообще женщины играют на этом острове особую роль, можно даже сказать, главенствующую. Ведь как было раньше? Мужчины-моряки уходили надолго в море; многие из них никогда не возвращались, поглощённые яростной стихией. Чем было кормить детей и питаться самим на этом каменном холодном острове, ничего не родящем, вдали от материка? Взор женщин устремлялся на то же море – и со временем в этих местах среди женщин развилась удивительная профессия – водолазов, или правильнее было бы сказать – «водолазок»; они ныряли в ледяную

воду и доставали с глубин морские дары. Образ этих отважных див, затянутых в тугие чёрные водонепроницаемые костюмы, и сегодня является культовым на острове – без них жизнь тут давно замерла бы. «А почему же только женщины занимаются здесь этим промыслом?» – поинтересовалась я как-то у Кима, своего корейского помощника. «Они менее чувствительны к холоду», – не задумываясь, ответил он. Для меня это было неожиданно: я и не подозревала о таких способностях то ли всех женщин, то ли только жительниц Чеджу.

Море всегда вводило в вечность значительную часть мужского населения, и женщины оставались на острове в большинстве. В утешение себе, а отчасти из суеверия они стали устанавливать у входа в свои деревни статуи из серого, пористого камня в человеческий рост – с выпученными глазами и доброй улыбкой. Таких «харыбан» – «каменных дедушек», как их тут называют, можно встретить повсюду на острове. Безмолвные часовые, призрачные защитники и утешители...

Со временем население острова научилось возделывать каменистую почву, и каким-то непостижимым образом здесь распространились мандариновые деревья! Сегодня они заполонили собой весь остров, давая по несколько урожаев в год. Круглые оранжевые солнышки светят со всех сторон, даря радость и надежду: мол, вовсе не такой уж суровый тут край – смотрите, как щедро одаривает всех природа! Мандариновое царство на базальтовом, вулканическом острове – это и впрямь удивительно! Мандаринов на острове так много, что их используют всюду, где только можно – и в кулинарных целях, и в косметических, и даже в текстильных!

Мне повезло: Ким, который сопровождал меня в этой командировке, был родом из этих мест, что значительно облегчало нашу поездку. Ким, собственно, родился не на самом Чеджу, а на одном из тех мизерных островков, что рассыпаны в море. В их большой семье он был самым младшим. Семья Кима была бедной, ютилась в небольшой лачуге с земляным полом, еды в иные дни не было вовсе. Но почему-то у него не осталось грустных воспоминаний – напротив, то было такое интересное время, вспоминал он, когда мир будто вырослел и рос вместе с ним, раскрывая всё новые тайны. Однажды, увлечённый скользящим у берега морским угрём, Ким преследовал его всё дальше, пустившись вплавь, пока не оказался так далеко от берега, что вдруг стало жутко, страшно, и он начал тонуть. Но тут внезапно чья-то сильная рука подхватила его, подбросила вверх и повлекла к берегу. Так, одна из ныряльщиц спасла ему жизнь.

«В доме зачастую не хватало самого необходимого, но, тем не менее, у нас всегда были книги: соседи обменивались ими, – рассказывал Ким. – Я старался во что бы то ни стало прочитать их все, хотя далеко не всё мне было тогда понятно. Читал запоем – и днём, и ночью. В доме света не было, поэтому, когда темнело, я выходил на улицу и читал при свете луны. Иногда она светила так ярко, как настоящий фонарь!»

Когда Киму исполнилось пятнадцать лет, умер его отец, и старший брат взял на себя обязанности главы семьи. С тех пор он заменил Киму отца, заботясь о нём и наставляя его. Когда Ким окончил школу, решено было, что он поедет на Чеджу. А ещё через год он прибыл на материк, в показавшийся ему тогда огромным Пусан, чтобы поступить в местный университет. Вступительные экзамены он сдал успешно. Останься Ким после окончания университета в Пусане, это уже было бы успешной карьерой. Но старший брат, веря в способности Кима и видя его усердие, настраивал его на новые победы. По совету брата Ким рискнул ехать в столицу, в Сеул, чтобы поступать там в аспирантуру. Вот так, благодаря своему упорству и труду, он стал вскоре столичным жителем, а после получения учёной степени устроился на работу в Министерство финансов! И тут фортуна по-прежнему благоволила Киму – а может, дело было в нём самом, в его трудолюбии, искренности, незлобivosti. Так или иначе, к сорока годам он стал директором Департамента в престижном министерстве, а ещё через три года был делегирован на наш международный проект в Пекин.

Мы с Кимом приехали на Чеджу в декабре, в такую пору я не ждала особых впечатлений от встречи с островом. Тем удивительнее и неожиданнее была картина, представшая моему взору: остров с его маленькими домиками из серого камня утопал в зелени и цветах, на деревьях яркими пятнами красовались мандарины, голубые волны весело накатывали на отполированные скалы, в чистом небе плыли лёгкие прозрачные облака – и было совершенно тепло, как в конце лета. Но не успели мы насладиться этой природной негой, как на следующий день ветер сменился, и тут же до неузнаваемости изменилось всё вокруг: пошёл дождь, небо заволочили мрачные тучи, море расходилось крутыми валами, и стало вдруг так холодно, что пришлось надеть пальто. Что же делать в такую погоду (когда основные дела в офисе уже переделаны)? Куда податься?

К счастью, к этому времени к нам уже успел присоединиться друг Кима, примчавшийся на своём автомобиле через перевал с другого конца острова. Вернее, это был друг его друга, которого Ким видел впервые в жизни: сам друг никак приехать не мог, поэтому прислал своего приятеля. Теперь «приятель» стоял рядом с нами и терпеливо ожидал наших распоряжений. Дружба на Чеджу крепка, как базальтовые скалы.

– Может, взберёмся на гору, к вершине вулкана Халласан? – неуверенно предложила я. Несмотря на разыгравшееся ненастье, мне очень хотелось увидеть местную гору и сравнить её со знаменитой горой Чанбайшан, что находится на границе Китая и Северной Кореи и где мне уже удалось побывать.

Но Ким и «приятель» только улыбнулись в ответ: и в хорошую-то погоду подъём на кратер занимает около восьми часов, а уж в дождь это просто невозможно, пояснили они.

– А пойдёте-ка мы посмотрим Туманную впадину, – предложил в свою очередь Ким.

«Приятель» поддержал его, и вот мы выдвинулись под проливным дождём в направлении некой Туманной впадины. Когда мы прибыли на место, дождь закончился, но сильный ветер всё никак не унимался, обдавая нас порывами сырого воздуха и мелкими брызгами. Густой туман окутывал всё вокруг, скрывая не только видимые образы, но и звуки. Казалось, мы были тут одни на сотню километров, среди полной тишины и клубящихся паров, что ещё более подчеркивало странность местности, в которой мы оказались. Пройдя несколько метров, мы очутились у тропинки, тянущейся вдоль громадного глубокого оврага, заросшего непроходимым, дремучим лесом, спускавшимся крутыми ярусами вниз. Клубы тумана, подгоняемые ветром, продирались сквозь частокол деревьев, застревали в чащобе, оставаясь висеть на ветках подобно клочьям серой ваты. Ким и «приятель» молча, раскрыв рты, обозревали эту картину.

– Это и есть Туманная впадина, – пояснил мне Ким с чувством. – Как она образовалась, никто толком не знает. Но многие считают, что когда-то здесь упал метеорит, и образовалась огромная впадина.

– У нас на острове два кратера: один – в глубине, другой – на вершине горы, – уточнил, улыбаясь, «приятель».

– Здесь почти всегда бывают густые туманы, – продолжил Ким, – поэтому так и называется: Туманная впадина.

– Природа оберегает свои тайны, скрывает их от человеческих глаз, – задумчиво произнёс «приятель».

– Похоже, что никто не спускался вниз, в эту пропасть? – предположила я, осторожно вглядываясь в уходящую вниз чащобу.

– Никто, – подтвердил Ким. – Как минимум, тысячу лет.

Мы неподвижно стояли у края пропасти под порывами свирепого ветра, пронизанные сыростью и холодом, но магия этого места была столь велика, что казалось, тут можно находиться часами, вглядываясь в тёмные силуэты деревьев, вдыхая воздух, пропитанный запахом незнакомых трав и листвы, и пытаюсь разглядеть в клубах серого тумана контуры чего-то необычного, от чего в душу закрадывался лёгкий холодок.

Спустя какое-то время мы медленно направились вдоль оврага назад. Впадина была едва различима в сгустившемся тумане, но от этого ещё более усиливалось впечатление чего-то неизведанного, жутковатого, находящегося совсем близко, в двух шагах. Туманная впадина, как гигантская медуза, шевелила своими белёсыми щупальцами, простиравшимися во все стороны, тихо охала, ухала, вздыхала, томила неизвестностью и сокрытыми тайнами... «Найдётся ли смельчак, который отважится спуститься в глубину этой пропасти?» – подумала я, и тут же, будто в ответ, из оврага выпорхнула, громко хлопая крыльями, большая птица и быстро скрылась в тумане.

На следующий день снова выглянуло солнце и принесло с собой спокойное, ровное настроение. Мы решили отправиться на этот раз в Ботанический сад – Ким уверял, что это будет интересно.

– Ещё каких-нибудь сорок лет назад остров выглядел совсем иначе, нежели сейчас, – рассказывал Ким по дороге. – Он был каменистым, голым, неуютным, без какой-либо растительности. Жил в то время на острове человек по имени Сонг. Жил он тут всю свою жизнь – здесь родился, здесь вырос, здесь и разбогател со временем, открыв свой бизнес по строительству жилья. Разбогател он так, что хлынувшие к нему деньги он уже не знал, куда девать. Никуда уезжать он не хотел: он любил свой остров и мечтал сделать для него что-нибудь необыкновенное, что могло бы порадовать людей. Долго думал Сонг и вот решил наконец соорудить тут Ботанический сад – просторный и прекрасный. Мысль эта была настолько фантастична, что многие лишь с усмешкой качали головой – разве можно на камне устроить цветущий сад? Но Сонг вооружился терпением и не думал отступать – и вот уже поплыли к острову баржи с плодородной землёй и диковинными растениями, сотни людей взялись под его руководством за обработку почвы и прокладку траншей. Сегодня перед входом в великолепный сад можно увидеть фотографии тех лет: вот он, Сонг, стоит на этом самом месте, на пустыре, с лопатой в руках. А вот – идёт посадка саженцев...

Долго мы гуляли по этому саду – огромному, цветущему, великолепному, не похожему на другие сады. В нём чувствовалось какое-то удивительное изящество, гармония, неожиданные открытия, свет и красота. Это было совершенно особенное место, каким может быть только воплощение заветной мечты.

На каменистом острове ныне цветут деревья, поют птицы, в покое и гармонии с природой живут люди. Надо только захотеть.

Чеджу – таинственный Остров мира, на который хочется возвращаться вновь и вновь.

Дмитрий ВОРОНИН

п. Тишино, Калининградская обл.

Дмитрий Павлович Воронин родился в 1961 году в г. Клайпеда (Литовская ССР). Сельский учитель. Автор трех сборников рассказов. Член Союза писателей России. Лауреат премии «Золотое перо Руси». Публиковался в журналах «Подъём» (Воронеж), «Север» (Петрозаводск), «Вертикаль 21 век» (Нижегород), «Приокские зори» (Тула), «Петровский мост» (Липецк), «Лик» (Чебоксары), «Балтика» (Таллинн), «Берега» (Калининград), «Великоросъ» (Москва), «Бийский Вестник» (Бийск), «Алтай» (Барнаул), «Наше поколение» (Кишинёв), «Новая Немига» (Минск), «Простор» (Алма-Ата), «Нижегород» (Н.Новгород) и других.

Поздняя месть

Рассказ

Научное судно «Моноцит» уже целый день стояло у причала, вернувшись из полугодовой экспедиции по северным морям.

Радость встречи экипажа со своими родными осталась позади, и на борту шла обыкновенная работа по приведению судна в относительный порядок.

Часть «научников» выгружала образцы грунта для дальнейшего изучения в лабораториях института, другие писали всеразличные отчёты о проделанной работе, кто-то занимался уборкой кают, а кто-то валял дурака в кают-компани, играя в карты.

– Мужики, – в дверях кают-компани показалась голова боцмана, – вас там авансировать собираются в каюте старпома.

Карты тут же полетели на стол, средний и младший научный состав чуть ли не бегом устремился к старпомовской каюте. Шутки, подначки, подковырки зазвучали в толпе ожидающих. Приятная процедура выдачи денег постепенно подходила к концу, когда к столу подошёл техник научной группы Костик Ребров.

– Распишись вот тут, – второй штурман протянул ему ведомость.

Костик посмотрел на сумму, указанную на бумаге, и просиял. Таких денег он не держал в руках ни разу в своей двадцатитрёхлетней жизни.

– Получи, – отчитал указанную сумму второй штурман и улыбнулся Костику. – С почином.

– С тебя причитается, – похлопал Костика по плечу старпом, пряча в бороде улыбку.

– Обязательно, конечно, а как же, – смутившийся Костик сгрёб деньги и рванул к двери.

– А пересчитать? Вдруг обманули? – раздалось вслед.

– Не, всё верно, я доверяю, – прозвучало из коридора.

Костик быстро прошагал в свою каюту и заперся. Разложив на столе деньги, он минут пять рассматривал их, а потом начал раскладывать по кучкам и рассовывать по карманам.

«Эти – маме, – рассуждал Костик, – эти – себе на обновки, эти – Наташке на подарки, эти – на проставку ребятам, а эти – на поход в ресторан с Григорием Моисеевичем».

Для него этот поход был очень важен, решалась судьба: или Юнерман берёт его к себе в институт, или забыть о науке, экспедициях, новых друзьях и романтике.

Распределив деньги по карманам, Костик с опаской подошёл к каюте Григория Моисеевича. Юнермана он побаивался – и в силу разницы в возрасте, и в силу некоторой строгости начальника экспедиции. Юнерман всегда был хмур, сосредоточен, неразговорчив, и только глаза выдавали в нём незлобивого человека – высвечивалась в них какая-то озорная искорка, не позволяющая собеседнику оробеть перед всемогущим доктором наук.

Костик осторожно постучал в каюту Юнермана.

– Можно? – открыл он дверь.

– Входи, – поднял голову из-за стола Григорий Моисеевич. – Чем могу служить?

– Григорий Моисеевич, я вот тут, понимаю... – замялся Костик, теребя непослушный вихор.

– Ну, смелее, смелее, – ободряюще улыбнулся Юнерман.

– Я пригласю вас сегодня поужинать в ресторане, – выпалил Костик и покраснел.

– Ого! – сделал удивлённое лицо Юнерман. – Вы меня приглашаете? А где же цветы?

– Я... нет, вы не так меня поняли. Я не приглашаю вас, то есть... нет, я приглашаю, но никак... а по-другому, – Костик умолк, окончательно смутившись.

– Ну, это понятно, что по-другому, а никак, – заиграли озорные искорки в глазах Юнермана. – А то и говорить не о чем, потому что в нашей стране это совсем не так, а всё гораздо хуже, если не сказать, что совсем капут.

Костик стоя умирал от стыда и злости на самого себя. Так глупо, так бездарно завалить всё дело!

Но Юнерман не был бы Юнерманом, если бы продолжал шутить и дальше. Понимая состояние Костика, Григорий Моисеевич серьёзно произнёс:

– Ладно, Константин, пошутили и хватит. Я согласен посетить с тобой это заведение, но с условием – обедаем каждый за свои. А спиртное за мой счёт. И не отрицай, тебе деньги самому нужны. А сейчас иди занимайся своими делами. В час встречаемся у «Меридиана». Знаешь такое кафе?

Костик кивнул.

– Ну, до встречи.

Костик, всё ещё смущённый, быстро выскочил из каюты начальника экспедиции.

Ровно в час Костя с Григорием Моисеевичем входили в кафе. Расположившись за столиком, Юнерман стал внимательно изучать меню.

– На правах старшего заказ делаю я, возражений не принимаю.

Костик согласно кивнул.

– Так, – обратился Юнерман к подошедшему официанту, – два оливье, два салата из кальмаров, два борща, две отбивные, бутылочку армянского коньяка и минералку. Попозже – кофе.

– Сделаем, – записав заказ, официант ушёл.

Костик, поникший, молчал, не решаясь начать важный для себя разговор.

– Ну, как тебе экспедиция? – спросил Григорий Моисеевич. – Понравилась?

– О, это такой кайф, такой адреналин! – оживился Костик. Глаза его загорелись, спина выпрямилась. – Я ничего подобного не испытывал никогда. Жалко, что пролетело всё очень быстро, как один день, даже нет – как один миг. И так не хочется верить, что больше этого не повторится!

– О, да он у тебя поэт, – вдруг раздался за спиной Костика насмешливый голос.

Костик покраснел и быстро повернулся назад.

– Всё, всё, сдаюсь, сдаюсь, – притворно вскинул руки вверх полноватый мужичок небольшого роста, одетый в потёртые джинсы и незаправленную линялую тельняшку. – Гриша, скажи своему юному другу, что я пошутил, а то он меня сейчас съест.

Григорий Моисеевич поморщился.

– Знакомся, это местная знаменитость, поэт Леонид Лямкин, – представил он своего знакомого. – А это Константин, наш младший научный сотрудник, – обратился Юнерман к Лямкину. – Кстати, тоже пишет стихи.

Лицо Кости из красного сделалось пунцовым.

– Любопытно, любопытно, – несколько поскущел Лямкин, подсаживаясь за столик. – Многие сейчас себя считают поэтами, но о поэзии потом. Гриша, ты, я вижу, с морей, и, конечно же, при деньгах. Угощаешь старого друга и поэта?

– Ну, а куда от тебя деться, – натянуто улыбнулся Юнерман. – Тем более ты уже уселся.

– Вот и хорошо, вот и ладушки, – потер ладони Лямкин и прокричал в зал: – Официант, добавь сюда бутылку армянского и парочку салатиков для начала!

Вскоре на столе появились салаты, коньяк, минералка и борщ.

– За встречу, – поднял свой фужер Лямкин. – Гриша, за тебя, – и, не дождавшись остальных, опрокинул в себя содержимое. Тут же налил снова. – За поэзию! – выпил и второй фужер.

Костя молча поглощал борщ, украдкой поглядывая на Леонида Лямкина. Первый раз в своей жизни Косте довелось встретиться с настоящим поэтом. Весёлый, раскованный, компанейский. Вот бы ещё его стихи послушать, а может, рассказы о встречах со знаменитостями. Ведь такой наверняка знаком с лучшими поэтами и писателями.

– Гриша, – налил себе третий фужер коньяка захмелевший Лямкин, – а давай за музу, за такую музу, которая всегда с нами, с истинными любителями искусства!

– Лёня, – укоризненно покачал головой Юнерман, – третий тост поднимают не за музу, а за...

– Да брось ты, Гриша, банальности разводить, – скорчил недовольную гримасу Лямкин и залпом выпил коньяк. – За тех, кто в море, за тех, кто не с нами... Фигня всё это. Пить надо за себя любимых, а не за кого-то там вдали.

Григорий Моисеевич чуть сморщился, но спорить с поэтом не стал, зная его капризный характер.

– Слушай, Лёня, ты что-нибудь новенькое написал? – перевел он разговор на другую тему.

– Не уважаешь, Гриша, ты меня, – обиженно вытянул нижнюю губу Лямкин. – У меня ни дня без строчки, как сказал один известный мудака. Кстати, и на вашу морскую тему есть немало. Счас, только выпью чуток и выдам. – Лямкин выпил очередной фужер, крикнул, закусил и повернулся к Костику.

– Слушайте, молодой человек, оценивайте и запоминайте, как сидели за одним столом с гением русской словесности, потом внукам похвалиться будете.

Поэт встал, покачнулся, одной рукой схватился за спинку стула, другую вытянул вперёд и начал с пафосом:

Корабли уходили в ночь,
Далеко от родного берега,
И волна убегала прочь
За кормой к берегам Америки.

Спи, родная, в тиши ночной,
Приплыву я к тебе сквозь туманище,
Охраняю я твой покой,
Ведь я главный в морях капитанище.

И когда мы вернёмся домой,
Ты на шею мою облокотишься.
Я поверю, что берег мой
Не Америка, а родных скопище.

– Bravo, Лямкин, bravo! – ухмыляясь, захолопал Григорий Моисеевич. – Это величина!

Не заметив сарказма в голосе Юнермана, поэт гордо продолжал:

– И ещё из недавнего.

Люблю себя в своем лице,
И невозможно быть иначе,
Когда на зорьке на крыльце
Коровы мыкают на даче.

Я есть советский гражданин,
Я патриот своих началов,
В стране я Чацкий господин,
Как говорил актёр Качалов.

Мы все рождались из полей,
Из жнив, из гумен, из пшеницы.
Ты трогать Родину не смей,
Она – орёл, она – жар-птица.

Большой державною рукой
Она карает и лелеет,
И я иду по ней ногой,
И сердце гордостью смелеет.

Костя изумлённо уставился на Лямкина. Поэт, заметив это изумление, тут же продолжил:

– А теперь самое что ни на есть самое! Да что слова, слушайте!

А вот и встал на веки миг
Во славу музе потрясённой,
Нырнул в пучину яркий блик –
Поэта стих замороженный.

Я будто памятник себе,
Ещё не есть, но скоро буду.
Пишу поэзию судьбе,
Покуда живы, не забудут!

И пусть гремит во все концы
Известное моё творение.
И пусть читают подлецы
Одно про них стихотворение.

А в нём весь я, с конца в конец,
Моё нутро, моя судьбина.
Своим стихам я сам – отец,
А кто не внемлет мне – дубина.

– Ну, Лёня, вот тут ты весь, вот тут ты себя превзошёл, аки Бог, – налил себе коньяка Юнерман. – Вот этим ты меня сразил, убил наповал!

– А, понял, Гришка, понял потаённый смысл, – светился всем лицом Лямкин. – Я знал, знал, что поймёшь! На руках за такое носить надо.

– Да-а-а, это точно, на руках выносить, это шедевр на все времена, – криво улыбаясь, согласно кивал головой Григорий Моисеевич. – Много выпил, пока родил это?

– Не знаю, не считал. Ещё прочесть?

– Хорош, хорош, – отстранился от поэта руками Юнерман. – Дай это переварить.

– Эх, Гриша, слаб ты на восприятие серьёзной поэзии, – пренебрежительно скривил губы Лямкин. – А вот молодой человек хочет послушать настоящую поэзию. Ведь так? – обратился поэт к Костику.

Костик согласно кивнул и застенчиво сказал:

– Да, хотелось бы послушать кого-нибудь.

– В смысле – кого-нибудь? – набычился Лямкин.

– Ну, Вознесенского или Евтушенко, например, – тихо произнёс Костик две пришедшие на ум фамилии.

– Дерьмо и дерьмо, – брезгливо вытянул губу Лямкин.

– В смысле? – не понял Костик.

– В смысле – два дерьма, – ответил поэт.

– Ну, может, тогда Ахматову или Цветаеву?

– Дерьмо и дерьмо.

– Ахматова и Цветаева? – недоверчиво посмотрел на Лямкина Костик.

– Ахматова и Цветаева – ещё два дерьма.

– Да вы что! Как же так? Ну а Пастернак, Блок, Есенин?

– Ещё те вонючки, одна тошнота, – изобразил отрыжку Лямкин и обратился к кажущемуся безучастным Юнерману. – Гриша, что за идиота ты привёл? Он ни черта не понимает в поэзии!

– А Пушкин, Пушкин кто? – Костик приподнялся из-за стола.

– Дерьмо – твой Пушкин!

– Всё, – ненавидяще произнёс Костик, схватил мускулистой рукой за ворот Лямкина и пинками начал подталкивать к выходу.

– Как ты смеешь! – кричал, вырываясь, Леонид Лямкин. – Ты кого пинаешь? Ты ответишь! Ты пожалеешь! Я отомщу-у-у...

Вышвырнув поэта за порог, Костик вернулся назад к Юнерману, уверенный в том, что поставил своей выходкой крест на собственной карьере. Как же, выставил друга Григория Моисеевича. Каково было удивление Костика, когда он услышал:

– Молодец, Константин, наш человек. Быть тебе в нашей команде.

Через тридцать лет известный поэт Константин Ребров шёл на встречу со своими читателями в областную библиотеку. У центрального входа из салона «Тойоты» пожилая женщина вытаскивала две небольшие упаковки книг.

– Давайте я помогу донести, – предложил свои услуги Ребров.

– Вот спасибо, – обрадовалась женщина. – Тут рядом, на второй этаж, в хранилище.

Поднявшись на второй этаж, Ребров поинтересовался:

– А кого я нёс-то, скажите?

– Да этого... Леонида Лямкина.

– Вот чёрт, – рассмеялся Ребров, хлопнув себя по бокам. – Отомстил всё-таки, старый графоман, заставил себя на руках носить!

Игорь БЕЗРУК

г. Иваново

Безрук Игорь Анатольевич. Родился 30 мая 1964 г. в Первомайске Луганской области. Окончил Харьковский авиационный институт. Автор 11 книг прозы. Лауреат премии «Дебют» журнала «Наука-фантастика» (Киев, 1995), Международного литературного конкурса им. Я. Корчака (Иерусалим, Израиль, 2005), городской литературной премии им. В. С. Жукова (Иваново). Публикуется в ряде российских и зарубежных литературных журналов. Член Союза писателей России.

Если верить в чудеса

Рассказ

Вам никогда не бывало тошно в толпе от одиночества, даже если вы достаточно предприимчивый и обеспеченный в жизни человек? Вам всё удаётся, ваш талант и трудолюбие должнo оценены, у вас есть интерес в жизни, и вы, в сущности, совсем не пустышка. Но именно поэтому и одиноки. Жёны боссов и ваших приятелей вас давно не интересуют, знакомства по объявлению из-за односторонности и предвзятости порядком надоели, озабоченные разведёнки сто раз вывернули вашу печёнку наизнанку. Что вам в таком случае остаётся, если за плечами безвозвратный сороковник, а вы выглядите ещё на двадцать восемь, свои восемьдесят пять на тренажере выжимаете в лёгкую, и случайные подруги в постели покидают вас без разочарования? Остаётся скука, одиночество и беспредельная жажда любви. Но если со вторым и третьим вы как-то определились и в какой-то степени смирились, то первая леди из этого списка иногда нет-нет, да и берёт безжалостно за горло, как взяла сейчас меня и не отпускает.

До Нового года остаётся три часа, а я уже, как говорится, сыт, пьян, и нос в табаке. Боулингом пресытился, шутки сослуживцев и анекдоты, праздно порхающие над праздничным столом, выучил наизусть, подруга, которую мне подсунули на новогодний вечер, какая-то желеино-студенистая, и от её манер и жеманства меня просто тошнит. В общем, я ещё не надрался до чёртиков, а всё мне давно порядком осточертело. Плохо. Очень-очень плохо. И я вновь ухожу в себя и мечтаю о большой и светлой любви! Неужели я в свои круглые сорок не могу помечтать о самом малом – о большой и светлой любви! Неужели я для Амура совсем конченный человек, и лебединая песнь любви больше не коснётся меня своим хрупким, ажурным крылом! Я в это не верю и продолжаю мечтать о самом возвышенном. И чтобы не чернить светлые мысли, незаметно покидаю своих веселящихся друзей, оставляю гудящий всеми предновогодними красками и звуками боулинг-клуб и спешу на улицу, где всё сияет по-праздничному, снега по пояс и лёгкий морозец не портит радужного настроения. На меня накатывает эйфория, возникает желание неустанно идти куда глаза глядят, взобраться куда-нибудь повыше, широко распахнуть объятия наступающему Новому году, и я спешу на мост, продолжающий проспект, но вдруг оступаю, соскальзываю, кубарем скатываюсь со склона и ударяюсь головой о тумбу, будто нарочно поджидавшую внизу. Ну не глупец же? Захотелось всего и сразу. И что теперь?

Я открыл глаза и увидел над собой снисходительную улыбку Деда Мороза.

– Так и разбиться недолго, молодой человек, – сказал он и помог подняться.

– Да, набрался, видно, хорошо, – я стал стряхивать с себя снег.

– А ведь ещё нет и двенадцати, – с той же ироничной улыбкой заметил Дед Мороз. – И вы не все ещё подарки разнесли.

– Я? – изумился я столь явной определённости.

– Вы, – подтвердил, нисколько не удивляясь, Дед Мороз и показал мне на свой полный мешок.

– Вот сколько подарков осталось, смотрите, – заставил он меня заглянуть в пурпурную торбу. Я заглянул. Действительно, там было ещё много разных подарков: машинки, зайчики, погремушки...

– Но почему я? – поднял я глаза на своего собеседника, но его будто и след простыл. В руках моих оказалась тяжёлая шуба, а сверху накладная борода, шапка и рукавички.

«Чудеса! – подумал я. – Прямо как в новогоднюю ночь. Не хватало только Снегурочки».

Но и она не замедлила вскоре объявиться. Только я, напялив на себя красный тулуп, шапку и рукавицы и взвалив на спину мешок с подарками, зашёл за угол, как прямо передо мной возникла настоящая Снегурочка, в голубой с хрустальными блёстками шубке, в такого же цвета шапочке с диадемой из стекляруса и с длинными белоснежными косами на груди. Только стояла она понуро, и крупные слёзы стекали по её алым озябшим щекам.

– Вот ещё Новый год! – не удержался я от удивления. – Вы-то почему плачете? – спросил осторожно, чтобы не быть навязчивым.

– А что ещё остаётся делать? – продолжая хныкать, ответила Снегурочка. – Вначале всё было нормально, а потом Трофимов, наш профорг, который был со мной Дедом Морозом, так набрался, что я его почти тащила на себе. Если б знала, что так всё будет, совсем бы отказалась от этих посещений. А сейчас он и вовсе бросил меня, оставив одну и без денег. Я домой даже добраться теперь не могу!

Мне стало жаль её, и я предложил вместе со мной разнести подарки, которые были в моём мешке, по квартирам.

– А у вас какие адреса? – поинтересовалась она, но я не смог на её вопрос ничего толкового ответить, спросил только:

– А у вас какие были?

– Вот у меня от Трофимова остался список, – выудила она из кармана перечень своих сослуживцев, которых они намеревались посетить. В нём была вычеркнута только треть.

– Пойдёмте тогда по вашему списку, – предложил я, не зная, в сущности, что делать с целым ворохом подарков.

И мы пошли, звоня в двери и стуча в окна, подзывая к домашним ёлкам детей и заставляя их лица светиться счастьем. Везде нас встречали как родных: шумно и радостно. Моя новая знакомая Снегурочка с одного оборота заводила малышей. Вокруг неё они быстро оживали, наперебой старались блеснуть стишками о Дедушке Морозе и Снегурочке, о зайчиках, которые едят морковку в лесу, о мишках, которые просыпаются под Новый год и лакомятся душистым мёдом, о белочках, которые спешат принести орешки на праздничную ёлку в детский сад.

Сама она тоже замечательно пела и знала немало стишков, куплетов и прибауток про Новый год, Деда Мороза и ёлку. И все взрослые приветствовали её, не замечая моей подмены. Один раз, правда, порядком набравшийся, расхристанный тип шепнул мне на ухо: «А Трофимов-то где?». Но я ему в ответ туманно закрутил вверх рукой, на что он заговорщицки подмигнул, мол, понимаю, понимаю, и кивнул в сторону Снегурочки: «Ради такой и я бы Трофимова сплавил». Он заставил меня пристальнее присмотреться к девушке, которая становилась всё более интересной и очаровательной.

Так незаметно пролетели два часа. Все подарки мы раздали, и я предложил Снегурочке отужинать в ближайшем кафе и, может быть, там встретить Новый год, тем более что домой к полуночи мы наверняка не попадали.

К тому времени я знал о ней почти всё: что зовут её Настей, что ей двадцать четыре и дома её ждут родители, что работает она менеджером в одной из крупных фирм города, но продолжает учиться, чтобы сделать карьеру, и самое главное – что у неё на сегодняшний день нет парня.

– Это же замечательно! – почти вскрикнул я, заставив её звонко рассмеяться. В моей груди закипало новое, долгожданное чувство. – Мне хорошо с вами, Настя, – искренне сказал я, накрыв ладонью её теплую руку.

– И мне хорошо с вами, – смущённо сказала она и не убрала свою руку.

Я запарил в облаках, мне вдруг захотелось закричать, как Кинг-Конг, от счастья, вырваться в космос, рассыпаться на мириады молекул и почувствовать себя частью Вселенной. Захотелось вдруг поделиться со всеми окружающими безмерной радостью, сказать всем, что наконец-то я нашёл свою любовь. Что стоит только сильно захотеть, только сильно пожелать, и твои желания обязательно сбудутся! И не только под Новый год. И, словно услышав меня, кивнул мне согласно в ответ мужчина, сидящий за третьим столиком, позади Насти. Я посмотрел в его улыбающиеся глаза и понял, что это тот самый Дед Мороз, который оставил мне полный мешок с подарками. Я поприветствовал его наполненным шампанским бокалом, и он в ответ поднял свой.

– С Новым годом! – сказал я ему и Насте.

– С Новым годом! – утонул её ответ в звоне курантов и гаме голосащих посетителей.

Евгений АСТАШКИН

г. Омск

Член Союза российских писателей. Автор 16 книг стихов и прозы. Лауреат всероссийской премии «Левша» им. Н. Лескова, седьмого международного литературного конкурса «Они сражались за родину». Член Петровской академии наук и искусств.

Категория сложности

Рассказ

1

В горах темнеет рано. Окружённый подковой горных кряжей, альпинистский лагерь готовился ко сну. Владислав Иванович Томилин, крепкий ещё старикан, руководитель секции, сидел в бытовке, окружённый своими питомцами, в основном студентами политехнического института. На него напала разговорчивость, что редко с ним бывало. Молодые любители гор – рады неожиданному подарку – во все уши слушали байки «снежного барса», втайне завидуя судьбе человека, побывавшего на пиках всех четырёх семитысячников страны.

Не догадывались молодые альпинисты, что неспроста разговорился наставник. Ну, хочется ему подбодрить дух перед завтрашним восхождением, что тут удивительного! Он ведь не перебарщивает и не прибегает к гротеску. Это сразу бы все почувствовали. Альпинизм не терпит сантиментов. Просто свербило ветерана одно сомнение.

В завтрашнем учебном восхождении будет участвовать четвёрка. Трёх из них Владислав Иванович хорошо знал: волевые, схоженные парни. А вот четвёртый – новичок, ещё ни разу не ходил в связке. Как он себя покажет? Пик Маншук Маметовой для начинающего не игрушка – категория сложности 3А.

А пока мастодонт выдёргивал из своего прошлого наиболее зажигательное – пусть ребята зарядятся, чужой пример бывает заразительным.

...Горами он заболел ещё в то далёкое время, когда его звали просто Владиком. У отца было альпинистское снаряжение, и сам он нередко уходил в горы на недельку-другую. Владик просил отца взять его с собой, но тот хмуро отнекивался: мал ещё!

Самовольный Владик нашёл выход из положения. Когда отец уезжал в командировку, паренёк бежал к соседу Сеньке – своему единомышленнику. Хватали рюкзаки, набивали их крючьями, верёвками и прочим верхолазным снаряжением.

Горы глядели на них монолитными глыбами, опасными осыпями, расщелинами. Дети, следуя интуиции, преодолевали шаг за шагом отвесные уступы, мало думая о том, что могут сорваться вниз с опасной высоты.

Однажды Владик с Сенькой решили тайком пойти вслед за восходителями, среди которых был и отец Владика. Несподручно было красться за взрослыми. Как ни старались прятаться, вскоре обнаружили себя. Отец, шадя мальчишеское самолюбие, при всех надрал уши Владике и тоном, не терпящим возражений, приказал: «Домой!».

Дети поплелись вниз, но через некоторое время им пришла в голову совсем уж сумасбродная мысль: а что если раньше взрослых забраться на облюбованный ими пик?..

Чтобы вновь не «засветиться», сделали добрый крюк и теперь шли своим маршрутом. Карабкались вверх почти без передышек. Дерзкая идея удесятряла силы. Наконец, безо всякого снаряжения они достигли вершины – гора была не очень высокой.

Под пустой консервной банкой нашли записку, оставленную прежними восходителями. Глянули на число: последний раз здесь были месяц назад. Значит, они опередили-таки взрослых! Хорошо, что в кармане Владика оказался блокнотик, теперь они оставят свою записку.

Давясь от смеха, Владик с Сенькой нацарапали на блокнотном листке: «Плетётесь, как вяленая вобла!». И подписались. Вот потом удивились взрослые, что детвора умудрилась их обойти!..

Обо всём этом вспоминал Владислав Иванович. Поведал он и о том, как с друзьями прошёл траверсом несколько вершин, чем немало удивил альпинистов со стажем.

К десяти часам ночи Владислав Иванович порывисто встал:

– На сегодня хватит!..

В своей комнатке он долго ещё не гасил ночника. Размышлял о каждом из четвёрки. Руслан Богораз. В горах пропадает постоянно, даже часто пропускает занятия из-за этого. Ахмет Искаков. Этот вырос в горах, отец его всю жизнь пасёт отары в высокогорье. Анатолий Мендиханов. Резок, грубоват, но товарищей не подведёт, отдаст последнее. И вот этот новичок, который называет себя Эдиком. Любит покрасоваться, такое ощущение, что он постоянно играет на публику. Или это только кажется?..

Когда Эдик впервые пришёл в альпинистский лагерь, кто-то из «старичков» показал ему снимок, вырезанный из газеты: пятеро альпинистов в контражуре закатного солнца идут по фирну. У Эдика испытующе спросили: сколько альпинистов, запечатлённых на снимке, участвовало в восхождении? Эдик беззаботно пересчитал фигуры – пятеро. «Старички» усмегнулись: а кто же тогда фотографировал? Не корреспондент же – на такую высоту заберётся не каждый. Эдик смущённо пожал плечами...

2

Четверо в пуховиках и с рюкзаками шли по ослепительно снежной долине к подножью горы. Альпинистский лагерь остался далеко позади, словно изображение в перевёрнутом бинокле. Утренний морозец щипался, но к обеду должно было распогодиться.

У подножья пика Маншук Маметовой альпинисты разбились на две связки. Мендиханову предстояло дальше идти в паре с Эдиком. Он пристегнул верёвку к поясу и посмотрел на своего напарника. Тот не то чтобы витал в облаках, но думал о чём-то постороннем. Пришлось поторопить его: «Эдик, пристегни, пожалуйста, замок!». Постороннего человека, наверное, несколько удивило бы, что в горах восходители ни с того ни с сего начинают обращаться друг к другу предельно вежливо, чуть что – сразу «Спасибо», «Пожалуйста»... Есть в этом свой резон, аккумулировавшийся в неписаный закон: когда карабкаешься по кручам, нервы на пределе, а словесами можно создать нужный психологический настрой. Хоть и эфемерная, но всё равно компенсация альпинистских тягот.

Анатолий стал карабкаться по обглаженному ветрами гранитному уступу. Забрался как можно выше и забил в трещину первый крюк. Кивнул вниз Эдику, и тот, хватаясь за натянутую верёвку, без особого труда поравнялся с напарником. Мендиханов вопросительно посмотрел на особенно не запыхавшегося Эдика, сбивавшего крошки снега с рукавов куртки аляски. Думал, догадается, что дальше его очередь. Но Эдик не торопился продвигаться вперёд. Тогда напарник снова полез вверх и метрах в восьми над напарником забил второй крюк. Эдик снова по верёвке поравнялся с первопроходцем и, примостившись на уступе, стал восторгаться: «Какая красота!..». А внизу начала подъём вторая связка, в которой были Руслан и Ахмет.

Спустя полчаса восходители преодолели первый жандарм – выступ в виде крохотной вершины на пути к главной. Своё название такие выступы заработали, должно быть, за то, что словно охраняют пики. За жандармом простирался снежный гребень. Правила безопасности требовали, чтобы каждый в паре намотал на руку несколько колец верёвки. Если снег вдруг поедет под ногой или невзначай покатишься с гребня, напарник должен немедленно прыгать в противоположную сторону. Потом уж можно будет подтянуться друг к другу по верёвке. Эти правила для альпиниста что таблица умножения, но Мендиханову после бесплодных ожиданий снова пришлось напоминать очевидное: «Эдик, возьми, пожалуйста, несколько колец». Тот неохотно намотал на руку три кольца и носком в несколько нажимов опробовал снег под ногой: «Вообще-то твёрдый...». Анатолий чуть не выругался. Вот гаврик! Если не думает о собственной безопасности, то хотя бы о товарище позаботился, ведь связаны одной верёвкой...

Возле второго жандарма Мендиханов снова взглянул на Эдика, ожидая, когда в нём проснётся инициатива. А тот беззаботно осматривался, праздная кратковременную передышку. Внезапно поднялся ветер, в полный рост невозможно было стоять. Анатолий сплюнул и принялся опять забивать крючья. Ему как-то сразу не пришёлся по душе напарник. Называет себя Эдиком, а не Эдуардом, словно пижон. Тут нечего красоваться, не на танцульках...

Уже на втором крюке рукавицы у Мендиханова заледенели. Работать в них стало трудно и опасно. Непрочно забьёшь крюк – не миновать беды. Горы не прощают такого, здесь всё должно быть основательно. Он опять обратился к напарнику: «Эдик, дай, пожалуйста, свои рукавицы». Тот растерянно расширил глаза: «А как же я?..».

Тьфу ты!.. Анатолий отвернулся от непробиваемого напарника и стал забивать крюк голыми руками, железо прикипало к пальцам, они отдирались от крюка с неприятным скрипом, на ладонях покраснели морозные ожоги. Ахмет с Русланом стояли внизу, у края выступа, они всё видели и всё понимали. С невероятным усилием их однокашник преодолел жандарм. Дальше вперёд пошла вторая связка. Переводили дух уже на вершине.

Спускаться решили другим маршрутом: по снежно-ледовому кулуару – длинной ложбине между горных пород. Кулуар довольно пологий и безопасный: спускаться можно безбоязненно. По инструкции все четверо обвязались общей верёвкой. Эдик в связке оказался последним. И тут случилось то, чего непосвящённым не понять. Мендиханов перехватил красноречивые взгляды Руслана и Ахмета. Он прекрасно понял, о чём молчали они. Не сговариваясь, все решили проучить неженку Эдика. Ахмет понёсся вниз первым, остальные следом. На таком спуске уже не остановишься – по инерции тянет вниз. Тут смотри в оба и лавируй, чтобы устоять на ногах и соблюсти нужную дистанцию в связке.

На одном из ледяных бугров Эдик споткнулся. Верёвка не даст отдышаться – дёргает при заминках. Несколько раз Эдик падал, потом запрыгал, как заяц, всё его существо превратилось в сплошное алкание равновесия. Бегущие впереди прекрасно чувствовали его состояние, но никто не сбавил скорости. Эдика мотало и дёргалo, сбивало с ног, и он невольно грёб снег руками, пытаясь подняться. Когда кончился кулуар, он выглядел помято и хватал ртом воздух, как окунь в только что пробитой лунке. Ни у кого это не вызывало сочувствия...

3

К лагерю Эдик приближался с понурой головой. Владислав Иванович намётанным глазом всё прекрасно разглядел и не стал задавать лишних вопросов. Ясно, что парень сплеховал, может быть, в мелочи. Но в альпинизме никаких мелочей не бывает. Самое страшное, что Эдика никто ни в чём не упрекнёт. Он будет вместе со всеми отогреваться у самовара и не услышит в свой адрес даже малейшего намёка. Всё останется прежним, «старички» будут шутить, балаболить. Но в горы с Эдиком уже никто не пойдёт...

Александр БАЛТИН

г. Москва

Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая Собрание сочинений в пяти томах), и свыше 2000 публикаций в более чем 150 изданиях России (в том числе, к примеру, в Якутии и на Дальнем Востоке), Украины, Беларуси, Казахстана, Башкортостана, Молдовы, Италии, Польши, Болгарии, Словакии, Испании, Чехии, Германии, Израиля, Эстонии, Ирана, Канады, США. Дважды лауреат международного поэтического конкурса «Пушкинская лира» (США). Лауреат золотой медали творческого клуба «EviArt». Отмечен наградами Санкт-Петербургского общества Мартина Лютера. Государственный стипендиат Союза писателей Москвы. Лауреат портала «Клубочек» в номинации «Проза» (2016). Лауреат газеты «Поэтоград» в номинации «Поэзия» (2016). Победитель конкурса «Миротворчество» (Болгария, София, 2017). Лауреат газеты «Поэтоград» в номинации «Критика» (2017). Лауреат журнала «Дети Ра» (2017). Эссеист года по версии журнала «Персона PLUS» (2018). Лауреат Ахматовской премии (София, Болгария, 2019). Лауреат газеты «День литературы» (2019). Победитель международного поэтического конкурса «Хотят ли русские войны?» (Болгария, 2020). Лауреат премии имени В. Б. Смирнова журнала «Отчий край» (Волгоград, 2020). Редактор отдела поэзии журнала «Северо-Муйские огни».

Гена

Рассказ-воспоминание

Всегда помнил его с бородой, аккуратно подстриженной, седоватой; и на фотографии его, молодого, глядя, удивляюсь – Гена ли это?

Гена, крёстный, отец моих двоюродных братьев, с одним из которых проводил столько каникулярного времени на калужской даче, с другим, поскольку с тем, из детства, взрослое общение не пошло, сошёлся, будучи старше, хотя и живём в разных городах...

Гена – крёстный: вот мы в недрах огромной пустотелой Николокозинки, как в просторечии называют церковь в Калуге, его друг – отец Михаил: чреватый, громадный, как из Лескова изъятый, басит: «Нельзя, чтоб кровные родственники крёстными были, Гена один будет...».

И Таня, тётушка моя, слегка опечалена, но священник благостно утешает: «Так то же нормально...».

Ходим с Геней за ним вокруг поблескивающей купели; длится обряд, непонятный мне, двадцатисемилетнему, решившемуся зачем-то, и старушка – крохотная, как сверчок – читает священную молитву...

Потом Гена везёт на дачу. Спрашивает:

– Как, Саш?

– Не знаю, – отвечаю честно. – Никак.

– Должно измениться что-то. Структуры снов...

Мелькают ленты Калуги.

Грибник и рыбак, – и меня, как братьев, стремился приохотить, и если грибными лесами я в детстве даже и бредил, всё спрашивая: «Когда поедим?», – то рыбалка нравилась больше атмосферой, компанией, хотя и таскал рыбку мелочь: верхоплавок, ершей...

Вставали в четыре утра, жевали сахарок для зоркости, бывало, когда выезжали, туманы ещё сложились...

Лес словно пел: таинственный и молчаливый, он исполнял мелодии свои больше, чем птичьими голосами...

Шли с Геней, расходились потом, пригибались, с лица снимая летучую паутинку, отгибали ветви, чтобы внизу найти толстый, ароматный боровик; или вдруг – расходился ведьмин круг лисичек-сестричек: жёлтых, китайских каких-то...

Гриб?

Подберёзовик?

Нет, листок...

Смеётся Гена...

Таня ползает по поляне, срезая, и Гена, вышедши на оную, кричит, шутя: «На колени, несчастная!».

Они не расставались.

Тётя пережила его на полтора года...

Он работал учителем труда и черчения в школе, летом подрабатывал, делая ремонты в школах: всё умеющий, любые инструменты по нему, и починит, что хочешь...

– Ген, ты сам бороду подстригаешь?

– Конечно. Знаешь, как здорово возиться? Подбривать ещё надо, чтоб аккуратная была.

Воспоминания теснятся, но, залитые кислотой времён, словно и частью попорчены теперь...

Совсем детское: редко в Калугу приезжал на зимние каникулы, и вот...

Ходили с гор кататься на Оку: путь мчался, нёс среди заснеженной, кружевной, ажурной, древесной массы; путь, сильно раскатанный, блещущий белизною, выносил прямо на Оку, и дух захватывало от летящего в глаза, от скорости...

А дома у них делали мороженое: мы с братом набрали снега, притащили его, и, как колдовали дальше Гена с Таней, не вспомнить; но вот – Таня раскладывает: в Сашину тарелку, в Димину...

Гена выходит из коридора: «А в Генино блюдечко?».

И долго дразнили потом – Генино блюдечко...

...ездили на машинах на море, несколькими семьями, я ездил с ними три раза...

Под Одессой жили в кемпинге, в другой раз – в частных домах; а ночёвки в пути – в лесополосах, в стогах – расходились формулами счастья.

Быстро разбивался лагерь – под руководством Гены; готовилась еда, краски заката пепельно и розовато слоились, волнуя...

Скоро и море откроется: несколько недель счастья.

Была и трагедия: мать Гены, баба Галя, плоха, ехать не ехать? Но сама же уговорила его, и – отправились...

На второй день морского изобилия Гена поехал в город: телеграмма, отправленная до востребования, была краткой: «Умерла 28, похоронили 1...».

Он ходил у моря, ходил один, пережёвывая, переживая, что – я тогда не понимал; а в тёмное время сидел я у моря; и Гена подошёл сзади, опустился за мной, племянником, ерошил мои волосы; и почувствовал я горячую слезу, обжёгшую темя.

Он сказал в палатке Диме:
– Меня в ногах матери похороните.
– Ещё чего! – начал было брат.

Но Гена прервал:
– Я не собираюсь умирать, просто говорю.

Он не собирался умирать: житейски активен, всегда при делах, хотя отдых любил – все варианты: от выпивки до бани.

Строили парилку на территории дачи, мы с Димкой строгаем и пилили вовсю; ладно подгонялись сильно пахнущие доски; и росла банька, возникала.

Потом, уже опробованная, столько часов отдохновения им сулила.

А я – не полюбил.

Они же – с другом-соседом Эдиком – выходили из парного зевла красные, в смешных юбочках, припадали к банкам с пивом, охали, отдувались...

Бильярд, появившийся на даче, вызвал восторги.

Гена учил...

– Туда цель. Смотри – вот в эту часть шара. И рукой не вихляй. Ну, давай!

У него ловко получалось.

...на рыбалке, осень уже, вода чернеет стеклянно...

Холодно, но Гена, раздевшись, лезет в воду – необходимо проверить плёнку.

Идёт медленно, чуть трогая напряжённую лесу, и вдруг – щучий финт раскалывает стекло воды, и Гена ухает под воду за мощным рыбьим экземпляром, с которым выбирается на берег потом.

Мелкие, острые щучьи зубы...

Гена не собирался умирать...

Рассказывал в недрах последнего нашего с ним застолья в Москве:

– Вот, Саша, были на Мужачах, ну ты помнишь, ещё один участок под картошку взяли, и решил я опять пособирать, леса же рядом – роскошь. Иду, нашёл пень, режу, и вдруг – бац! как укол шприца, и хвост чёрный мелькает... Забыл про грибы, бегу к Тане, она в машине ждёт...

Таня прерывает:
– Я гляжу не пойму: бежит, ведром размахивает, что такое?
Улыбаются они.
И я улыбаюсь...

– А рука, Саш, на глазах распухает. Да и антидота сразу не нашлось, пока доставили...

Через несколько месяцев нашу московскую квартиру ночью перерезал телефонный звонок.

Мама вскочила, и слышал я сквозь марево прерванного сна: «Да... да... Не может быть... Ужас... Едем!».

– Саша! – крикнула мне. – Гена умер.
...я сидел у его гроба, бормотал что-то.

Была масса народу – Гена дружил со всей Калугой, но на тот момент я оказался у гроба один, сидел, говорил ему что-то, и воспоминания мелькали пёстрыми веерами...

В разнотравье крутой спуск к Оке – под оркестры кузнечиков.

Чёрная, плоско текущая гладь ароматной воды.

...а вот – совсем уж из детства: «Тронь, Саш, эти штучки, разлетятся...».

Я трогал остро-пухлые фрагменты растений – и, названные недотрогами в народе, взрывались они в пальцах.

Смеялся мальчик.

...из Москвы уезжая в Анапу, отдали Гене, у которого был большой самодельный аквариум, гурами своих, опасаясь.

Одна сдохла, а вторая так и осталась у него: прожила десять лет, разрослась с ладонь...

Ничего не значащие картинки.

«Ген!» – «А!» – «Боровик прошёл!» – «Ну! Не заметил. Режь скорей...»

Он прожил простую, ясную, честную жизнь.

Он никогда не читал Данте и не знал квантовой теории.

Нужно ли?

От него шли лучи добра и тепла, и я, храня их и поныне, всё вспоминаю кадры минувшего, думая, сколь мало остаётся в грядущем, и не смея предположить, где он теперь: Геннадий Сергеевич, Гена, Генино блюдечко...

Рустам МАВЛИХАНОВ

г. Салават, Республика Башкортостан

Родился 15 июля 1978 года в Салавате. Публиковался в журналах и альманахах «Нева», «Крещатик», «Журнал ПОэтов», ««Невский проспект», «Традиции&авангард», «Нижний Новгород», «Дальний Восток», «Изящная словесность», «Метаморфозы», «Бельские просторы», «Истоки», «Балтика», «Идель», «Сура», «Воскресенье», «Полночь в Петербурге», «ЛиФФт», «Северо-Муйские огни».

Быть татаринoм

Рассказ

Приветствую вас, уважаемые потомки! Вы, наверное, уже Сахару озеленили? Смеюсь. Знаю: нет. Откуда во мне эта уверенность? – я расскажу.

Пару месяцев назад я гулял по ночному Кракову. От костёла на Скалке, мимо реконструируемых Королевских огородов Боны Сфорца¹, к тихой Рудаवे, превращающейся, увы, в сточную канаву. Хотел дойти до кургана Костюшко², но, знаете, старость внесла коррективы в желания. Далёкий хейнал – горни трубача, поясну вам, если этот обычай забылся, – застал меня на Дембницком мосту. Рыбаки чалили лодки, доставали свежий улов. К ним тут же устремлялись пышнотелые дамы – видимо, наступающий шаббат всем внезапно захотелось встретиться с гефилте фиш. Кстати, какой вы предпочитаете? Со сладким фаршем, по-галицийски или с обильно перчёным, как готовят литваки? Вот я люблю и тот, и этот – зависит от настроения и от того, сколько было выпито накануне зубровочки ли, кофе ли.

Да о чём я?.. Так вот, глядел я на Вислу, на лодочников, на крестьянок, несущих в город зелень, на телегу старёвщика и, как уже говорил, услышал гимн утру. Поднял глаза, и в тот миг солнце отбросило причудливую тень на замок. Как будто тень от пожара, от горящего города. Даже показалось на мгновение, что то ожил цмок, наш дракон.

Невольно стал вспоминать, сколько раз полыхал мой город. Даром что построен из камня, но выгорало порой и по три-четыре костёла с прилегающими улицами, а в правление Зигмунта Старого³, супруга нашего действительного короля Боны Сфорца д'Арагона, горел и Вавель⁴. Но, несомненно, самый страшный пожар принесли татары весной одна тысяча двести сорок первого года. Пожалуй, ныне нам должно давать некоторое утешение то, что новейшие средства массового убийства – газы – сберегут наше культурное достояние.

Но татары... Они побывали всюду, как сейчас везде – нефть и молитвы об отвращении войны.⁵ Даже это внезапное окончание хейнала приписали татарской стреле, пронзившей горло горниста (хотя, должен заметить, эту быличку на ходу придумала пани Анеля Прушинская⁶ всего несколько лет тому назад). Но больше озадачивает: а не принесли ли нам легенду о цмоке на острие татарского копья? Как корреспондировал Борис Борисович С., мой добрый друг из России, он часто слышал аналогичные сказки в татарском Поволжье: начиная от казанского Зиланта, похожего на иранского Симурга⁷ (хотя и не в суфийском смысле⁸), затем – в устьях каких-то рек (Б.Б. называл Зай, Шешму, Мензелю) и дальше, вверх по Каме и Белой. Все они звучат одинаково: «В горе, в устье такой-то реки, завёлся аждаха. Люди собрались, обложили пещеру хворостом и подожгли. Дракон с рёвом вырвался из неё и улетел на восток (судя по всему, к следующему устью)».

Размышляя об этом, я не заметил, как дошёл до Плантов⁹ и присел на скамейку у базилики Святой Троицы. Он появился, как всегда, неожиданно. Секунду назад, уверен, никого рядом со мной не было, и вдруг... Я атеист, но, когда он приходит на встречу, мне всегда не по себе.

– А что, по-вашему, быть татаринoм? – спросил он. В потёртом лапсердаке, без шляпы – солнце, просвечивая сквозь листья каштанов, придавало его лицу *зеленоватый оттенок*. – Не торопитесь отвечать: бёдра бредущего ещё не в доме Величия. А масло чёрного тмина излечит от всего. Абсолютно.

Я лихорадочно рассуждал, негодую на эти вечные загадки – неизменные спутники моего визави. Дом Величия, учитывая его еврейский костюм сегодня, скорее всего – сфира Ход¹⁰. Кого он имеет в виду под путником? Адама Кадмона, раз речь о бёдрах? И почему в таком случае чёрный тмин, столь популярный в мусульманской медицине?

Тем временем он протянул мне письмо. Не из России ли, первым делом подумал я: после недавнего переворота почта ходит с переборами, и от моего приятеля давно нет вестей, хотя он

¹ Королевские огороды (Ogrody Królewskie) – цветник, разбитый Боной Сфорца, «королём» (по закону престол мог занимать только мужчина, поэтому королевы в случае принятия реальной власти именовались в мужском роде) Польши в 1531–1556 гг.

² Курган Тадеуша Костюшко насыпан в 1920-х гг.

³ Зигмунт Старый – Сигизмунд Ягеллон, король Польши в 1506–1548 гг.

⁴ Вавель – замок Кракова, под которым, по легенде, жил дракон.

⁵ Они побывали всюду, как сейчас везде – нефть и молитвы об отвращении войны – отсылка к рекламе «Салаватнефтеоргсинтеза», где «салават» – «молитвы» (араб.).

⁶ Анеля Прушинская (Aniela Pruszyńska) – подруга Эрика Келли, американского детского писателя, преподавателя Ягеллонского университета (Краков).

⁷ Симург (тат. Семруг, баш. Самрау) – божественная птица, охраняющая Древо, покровительница рода Сама-Заля-Рустама, героев «Шах-наме»; обладает чертами Феникса.

⁸ ...хотя и не в суфийском смысле – здесь профессор намекает на «Диван птиц» суфийского поэта Аттара (1119 или 1145 г.р.).

⁹ Планты – парк в Кракове.

¹⁰ Ход – восьмая эманация на Древе Жизни, одна из лежащих в основе сущего.

планировал приехать с невестой. «Но нет, – была вторая мысль, – Он обычных писем не приносит». Потом я разглядел тяжёлую сургучную печать с не предвещающей ничего хорошего анаграммой.

– От них? – спросил я.

Конечно, ответа можно было не ждать:

– Вы подумайте, знахарь. И услышите песню, которая – потом – наведёт на верную дорогу.

Человек встал и, напевая что-то вроде «залэр-дурен-хонгор-урэ»¹¹, скрылся в дверях костёла.

(Право слово, мне хотелось выругаться, помянув и матку босху... вшистка едно (это публиковать не нужно; по крайней мере, до моей кончины). Но я предпочёл заглянуть в кафе к Новорольскому (помните фразку¹² Яна Штудингера об этой благочестивой даме¹³?), пропустить стаканчик дептухи¹⁴. Само собой, для подобной цели в столь ранний час более годилась бы Яма Михалика на Флорианской¹⁵, но в последние годы она превратилась в совсем злачное место: какие-то индийские палатки, молодые люди, невесты чем занимающиеся в них... В общем, позавтракать там не удалось бы – если только черниной¹⁶ из трябухи. А вот в «Новороле» отменно готовят – по заветам пани Вероники! С удовольствием закусил хлодником на телячьем бульоне со свекольным квасом и раками, татарским бифштеком (тьфу, и тут они!) с колдунами¹⁷ на луковом соке, начинёнными творогом, а к чаю взял мазурека¹⁸. Обязался прийти отобедать: шеф-повар обещал потушить хрющатину в пиве и приготовить квасницу по-подгальски.)

Я взял письмо, отправился домой и со всей тщательностью изучил его. Оно было написано на сложенном втрое листе великолепно отбеленной плотной бумаги. Почерк я узнал сразу: убористый, довольно небрежный, но без помарок. По начертанию букв и запаху чернил чувствовалось, что написано оно не перьевой, а какой-то другой ручкой. А главное – изобиловало словами (не считая написанных по-польски с ошибками), о смысле которых мне приходилось лишь догадываться, как то: Kot Schrödingera, transhumanizm, Wielki Wybuch, horyzont zdarzeń, teoria strun, multiwszechświat, а ещё Zimna wojna, wzajemne zagwarantowane zniszczenie, Часы Судного дня и прочая, и прочая. Всё это легко могло довести до головной боли, если бы не сытный перекус.

Когда-то первое подобное послание я счёл чьей-то неуместной шуткой. При втором задумался: рискованно шутить, ставя на сургуч печать с буквами *J.I.* После третьего убедился: как бы невероятно оно ни звучало, описанное может оказаться правдой.

(Не для печати. Дело в том, что мой таинственный доброжелатель предупреждал: когда вскрыется адюльтер моей дражайшей Беаты, следует держать себя в руках, иначе могу попасть в пренеприятнейшую историю, к примеру – потерять память. Признаться, я не верил до последнего, пока супруга не заявила, что уходит к тому прохвосту и намерена забрать с собой Марысю. Благо, сделанные приготовления спасли мою честь.)

Так завязалась наша странная переписка: я пишу статьи, публикую их в заметных журналах, а если редакторы отклоняют по политическим или иным мотивам – отправляю в Лондон до востребования. А мой друг из иного будущего каким-то непостижимым способом передаёт мне письма через эту странную организацию, о которой ходят всевозможные... слухи.

И вы будете смеяться, но он оказался татарин! Откуда-то из России, кажется, из Сибири.

Порой в нашем общении происходят неожиданные казусы. Так, лет пять назад я получил восторженный отклик на мою книгу «Закат империй в зеркалах культуры» – книгу, которую и не планировал писать. Это побудило меня оставить хирургию тел и заняться хирургией душ. И знаете, я обрёл своё призвание!

Первое время мой друг опасался говорить что-либо о будущем. Он описывал лишь теории, известные очень узкому кругу людей, а за разъяснениями советовал обратиться то к некоему Вольфгангу Паули, то к самому Нильсу Бору. Однако, когда выяснилось, что некоторые лица мертвы, а другие – как пара русских поэтов – ещё живы, его самоограничение как отрезало: мы «оказались в «распараллеленных мирах», где, подобно квантовому Чеширскому коту, свойства отделены от объекта».

Что сие означает? Боюсь, они, «потомки», и сами не знают. Единственное, мне удалось понять, что если время течёт как река – из будущего в прошлое, – то мы и они находимся в разных её рукавах, разделённых островом. Но факт того, что он читает мои статьи, говорит не только о том, что протоки где-то сходятся, но и о том, что время упруго, и в отдалённой перспективе не важно, выживет ли Польша в грядущей мировой войне.

Да-да, грядущей. Об этом я могу сообщить вам смело. Впрочем, вы и сами давно догадываетесь, что в 1918 году было заключено лишь перемирие – покуда не подрастёт новое пушечное мясо.

Вам, конечно, интересно, какое будущее у них? Скажу одно: оно ужасно. Анализируя письма неродившегося человека, я пришёл к выводу: рабство там приобрело такие утончённые формы, что стало неотличимо от свободы, а правда – от лжи.

¹¹ «залэр-дурен-хонгор-урэ» – «в поле, полном лошадей, дорогой ребёнок» (монг.); из песни о геноциде цинским правительством джунгар в 1757 г.

¹² Фразка – «пустяк», шуточная эпиграмма, стихотворный жанр польской литературы, сложившийся под влиянием королевы Боны Сфорца.

¹³ Ян Штудингер писал об этой благочестивой даме... – Штудингер (1904–1970) – польский поэт; «дама»: kawiarnia (кафе) – слово женского рода.

¹⁴ Дептуха – фруктовая наливка на козьем молоке.

¹⁵ Флорианская – в наше время одна из самых дорогих улиц Польши.

¹⁶ Чернина – чёрная поливка, суп на свиной или птичьей крови из субпродуктов (птичьих потрохов, обрезков и костей) с натертой в него булкой; широко распространённое европейское блюдо.

¹⁷ Колдуны – пельмени.

¹⁸ Мазурек – торт.

Однако мы обязаны пытаться изменить то, что кажется неизбежным. Не только ради себя – в их истории мы уже без пяти минут мертвецы, – но и ради честного имени своего города. Разве у нас есть выбор, когда всего через несколько лет окрестности Кракова станут «полюсом лютости XX века», где истребление людей будет организовано по всем правилам машинерии и индустрии?

«А для этого, видимо, предстоит взять уроки татарской жестокости. Нет, я не о пановнем сарматизме, когда высший класс возводил родословные к гордому степному народу, отделяя себя от славян. Я о татаризме, как он видится нам: хищном, беспощадном, хитром, зверином, таком, для которого каждый человек способен сжать волю в кулак, переступить свои слабости, свою жалость – и исполнить высший долг. Не мир принести, но меч.

А как иначе? Когда Польша осталась единственным островом разума, добропорядочности, настоящего католицизма, уважения к семье и традициям, окружённой со всех сторон хищниками с безумными идеологиями (и даже Англия нам не поможет – продаст так скоро, как то велит их вера в наживу), наш долг – объединиться вокруг нашего маршала, начальника государства Польского Юзефа Пилсудского и возродить Речь Посполитую от моря до моря. Так же, как татары и монголы когда-то объединились вокруг Чингис-хана и дошли до Последнего моря!» – так записал я спустя несколько дней размышлений.

Хм, а неплохая вышла заметка! Вполне годится для «Курьера Варшавского»¹⁹!

О, наивный взгляд европейца на Азию! Нам ли охватить разумом шесть тысяч лет их истории, стирившей не только города и цивилизации – саму память о народах и империях! Только я собрался отпраздновать удачно – на мой взгляд – найденный ответ (а поверьте, проигнорировать ЕГО вопрос страшнее, чем оказаться в руках политической дефензивы²⁰) у пана Новорольского (помните хрюшатины в пиве? действительно рекомендую!), как почтальон (на этот раз обычный) принёс письмо.

Писала княгиня Марта Бибеску²¹. Замечательная женщина с интересным, если так можно выразиться, чувством юмора, светская львица, родившаяся с серебряной ложкой во рту, в меру аристократичная, в меру демократка... Очередной роман привёл её на родину, посетить которую она приглашала и меня, известного ей в качестве медиевиста. Откуда? Бог весть. Могу лишь предположить, что через Бориса Борисовича, в 1917 году лежавшего в госпитале в Кишинёве, где служила сестрой милосердия королева Мария Александра²². А может, не обошлось без влияния одной организации: наскоро наведя справки, я выяснил, что в Румынии (как, впрочем, по всей Восточной Европе) тихая смута: принц Кароль²³, недолговечный заграничной жизнью с Магдой Лупеску²⁴, дочерью аптекаря-еврея, готовит переворот против матери и малолетнего сына Михая²⁵, а «Легион Архангела Михаила» требует очистить народ от греха железом и самопожертвованием. Но при чём тут я?

Отказаться от столь лестного и заманчивого приглашения я не мог и поездом через Словакию и Венгрию выехал в карпатское королевство. Вагон, замечу, был в высшей степени комфортабельным – княгиня позаботилась о моём уюте в дороге. Обед следующего после отправления дня застал меня где-то на просторах мадьярской Пушты²⁶, и в знак уважения к стране я заказал стаканчик биттера «Уникум» (для аппетита), халасле – любимый суп Иштвана Святого²⁷ из рыбы с паприкой и томатами, горячий лечо со свинными колбасками, а на десерт – варгабелеш (это такая творожная запеканка) и – о, боги! – блинчики по-гунделевски: тончайшие, как весенний воздух на берегах Тиссы, с пюре из грецких орехов и в шоколадной подливке с ромом!

Только ради этого стоило отправляться в путь!

Прибыв на Северный вокзал, я решил прогуляться по городу. Время позволяло. Специально приготовил молескин²⁸ и карандаш, чтобы записывать впечатления (как говорил один депутат, лучше положиться на плохой карандаш, чем на хорошую память). Расположился в отеле на шоссе Киселёва, где наскоро перекусил гуляшом, и нанял извозчика. Осмотрел Атенеум, послушал орган в кафедрале Святого Иосифа, хор в церкви ортодоксов, птиц в парке Чишмиджиу. Что сказать?.. Несколько опережая, скажу, что, посетив королевский курорт в Синае и погостив у княгини во дворце Могошоая – то ли византийском, то ли турецком, – я рассудил, что Румыния – страна эклектичная. Она до сих пор не может выбрать между Западом и Востоком, как и госпожа Бибеску не то порвала с православием, не то так и не стала католичкой. А Бухарест действительно можно назвать маленьким Парижем – в кольце окружной дороги, с речкой, отдалённо напоминающей Сену, с множеством

¹⁹ «Курьер Варшавский» (Kurjer Warszawski) – ежедневная газета, выходившая в Варшаве с 1821 по 1939 г. тиражом до 50 тысяч.

²⁰ Политическая дефензива – инспекторат политической обороны (defensyw) Главной команды Государственной полиции, орган политического сыска в межвоенной Польше.

²¹ Марта Бибеску (Марта Лючия Лаховари), княжна Маврокордат (1886–1973) – франко-румынский писатель и отчасти политик. В 2001 г. названа величайшей румынкой тысячелетия.

²² Мария Александра Эдинбургская (1875–1938) – последняя королева Румынии (1922–1930).

²³ Кароль II Гогенцоллерн-Зигмаринген (1893–1953) – король Румынии в 1930–1940 гг. Правление характеризовалось расцветом коррупции и усилением фашистского движения («Легион Архангела Михаила» и «Железная гвардия»). В 1938 г. установил личную диктатуру с ориентацией на Англию. Либерализовал политику в отношении нацменьшинств, ужесточил антисемитскую политику. Свергнут Антонеску, умер в Португалии.

²⁴ Магда Лупеску (1899–1977) – партнёрша Кароля II, оказывала значительное влияние на его политику, особенно в части манипуляции обществом; подруга Марты Бибеску. В 1947 г. официально вышла замуж за бывшего короля, став королевой Еленой.

²⁵ Михай (1921–2017) – король Румынии в 1927–1930 и 1940–1947 гг. Т. н. «король-комсомолец», кавалер ордена «Победа» за переворот 23 августа 1944 г., выведший Румынию из гитлеровского блока.

²⁶ Пушта – венгерская степь.

²⁷ Иштван Святой Арпад – король Венгрии в 995–1038 гг., крестивший мадьяр.

²⁸ Молескин – блокнот.

зданий, подражающих французскому Ренессансу, – если бы он не был одновременно похож своей неухоженностью на маленькую Москву.

Вечером за мной прислали авто, которое с примечательною быстротою доставило меня в Могошоау: князь Георгий²⁹ увлекается гоночными машинами и самолётами. Я аккуратно поспел к ужину, который не стану описывать по причине его «скромности». На нём присутствовал друг княгини аббат Мюнье, в своё время совративший её в римское вероисповедание. Разговор с обсуждения чудесных свойств карпатского воздуха перешёл к воздухоплаванию (на обратном пути из Индии верный товарищ Марты С.В.Т.³⁰ обещал навестить её на колоссальном дирижабле, а заодно привезти с собой некоего талантливого философа по имени Мирче Элиада³¹ – пани Бибеску имела на него планы), затем на религию и, наконец, на дела насущные: пресытившись литературной славой, Марта Бибеску стала увлекаться политикой.

– Право же, политика начинается с постели, – заметила она. – С вопроса, как укрыться одеялом так, чтобы дорогой друг, замерзая, не перетянул всё одеяло на себя! Кроме того, и в большом мире она порядочно щекочет нервы! Политика – это настоящий спорт!

Как я её понимал! Спорт, где ставки... Знаете, как обычный благодушный вельможа с гладкой шерстью превращается в дикобраза, рычащего, смертельно опасного вепря, стоит только коснуться политической стороны его бытия? И начинается коррида!

Хозяйка замка с воодушевлением рассказывала о новых веяниях в румынском народе. Когда-то она написала поучительную книгу «Изор, земля идв», повествующую об этих диких и добродушных людях, исповедующих суеверия, надежду и смирение. Чего стоит одна лишь пословица: «Целуй руку, которую не можешь укусить»! А сейчас народ решил показать зубы. Всё большую популярность набирали идеи лаконичного и тем загадочного Кодряну. Совсем недавно в Брашове полиция убила трёх студентов из его «эскадрона смерти»³² – их опознали по запрещённым песням. С другой стороны, сочувствовать им тоже не приходится: сложно сопереживать людям, соратники которых расстреляли какого-то политика, изрубили тело на куски и вдобавок танцевали аркан³³ вокруг останков – посвящали неофитов в Легион.

– Однако есть что-то вдохновляющее в том, чтобы собственной смертью – почему они и зовутся эскадронами смерти – смыть грехи народа, искупить Румынию перед Богом, – заключила княгиня.

Я нашёл её мысли достойными внимания.

Аббат поморщился. Возразил:

– Зло не способно к творению, ибо не самосущностно. Оно способно только к извращению. Искупить страну смертью, уподобившись Христу, будет означать тотальное извращение Его жертвы. И окончательную победу зла в людях. Очевидно, что монархия из страха перед большевизмом готова на любые сделки, но понимает ли она, что будет принесена в жертву следующей?

И его мысли были достойны внимания. Они оба были правы, на мой взгляд. Любой выбор нёс свои опасности. И сейчас княгиня снова пыталась сделать выбор, к которому прислушается регентский совет, – не зря же Луи Барту³⁴ назвал дворец Могошоая «второй Лигой Наций».

– А вы что скажете, профессор? – обратилась она ко мне.

Я задумался. При других обстоятельствах я бы предпочёл мирное безбедное существование. Но мир уверенно катится под гору, как утомлённое нами солнце скрывается в водах океана, только бы отдохнуть от наших бесчинств.

– Прошу простить, – собравшись с мыслями, я прочистил горло. – Мне плохо известна ситуация в вашей стране, но между двух зол, вероятно, следует выбирать меньшее. Между Бонапартом и Робеспьером я бы выбрал Бонапарта. Последнему нужна была лишь покорность общества его воле, а Робеспьер – человек глубоко гражданский, к тому же сентиментальный. Мирных людей я опасаясь намного более, чем военной диктатуры: мне привелось быть свидетелем погромов, которые устраивали обыватели. Самые обычные люди. Как я. И к тому же... Хорошо, допустим, их цель достигнута: народ отмыли кровью. Что дальше?

Княгиня закурила.

– В детстве Баба Уца, моя няня, рассказывала много сказок. Об острове блаженных рахманов – я им долго отправляла послания, бросая в реку скорлупу пасхальных яиц. Верила, что они через три-четыре недели достигнут их берегов – тех, кто после конца света займёт наше место на земле, – и тогда, может быть, они вспомнят обо мне. О Негру Водэ³⁵ и мастере Маноле³⁶... Румыны –

²⁹ Георгий Валентин Бибеску (1880–1941) – первый румынский авиатор.

³⁰ С.В.Т. – Кристофер Томсон (1875–1930) – британский дипломат, социалист, госсекретарь по воздуху. Погиб 5 октября описываемого года при крушении дирижабля R101 (крупнейшего в мире на тот момент), положившего конец британской программе воздухоплавания. Верный любовник Марты Бибеску с 1915 г. до смерти.

³¹ Мирча Элиаде (1907–1986) – великий румынский религиовед, философ и исследователь мифов. В описываемый год изучал санскрит и йогу у Свами Шивананды.

³² Эскадрон смерти – не путать с латиноамериканскими эскадронами смерти: если последние являются орудием ультраправого террора, то румынские эскадроны смерти исповедовали культ личной смерти.

³³ Аркан – гуцульский и западно-молдавский мужской танец-инициация. Описано убийство Михая Стелеску (1907–1936), основателя конкурирующей ультраправой организации *Cruciada Românilorului*, в реальности произошедшее 16 июля 1936 г.

³⁴ Жан-Луи Барту (1862–1934) – французский дипломат, инициатор системы коллективной безопасности. Убит в Марселе с Александром, королём Югославии, болгарскими националистами и хорватскими уставами при поддержке Муссолини.

³⁵ Негру Водэ («Чёрный воевода») – легендарный основатель Валахии. Ок. 1290 г. спустился с Карпат на равнину, оставленную татарами Ногай.

³⁶ Мастер Маноле – герой легенды, принесший в жертву жену для возведения собора в Арджеше. Судя по времени строительства собора, в образе мастера нашёл отражение османский зодчий Ходжа Синан (1488–1588), построивший более 300 зданий, мостов и т. д.

неприкаянный народ. У нас были обычные, человеческие витязи. Фэт-Фрумос совершал подвиги, спасал Иляну Косынзяну³⁷, нашу Артемиду, чтобы после – жить сыто и долго. Простая мечта, простой идеал. Так что же стало с нашими юношами, если им теперь недостаточно просто жить, если нам теперь нужна смерть за великую идею?

На этом беседа окончательно повернула в сферу философии, и причину своего визита я узнал лишь на следующий день. Мы отправились в путь на «Серебряном призраке»³⁸ – авто, чей мотор стрекочет не громче швейной машинки, хотя под капотом – табун в пятьдесят лошадей. Пролетели на скорости курьерского поезда Синаю – облюбванное дедом правящего короля³⁹ местечко, напоминавшее ему Швабию. Забавно: аббат убедительно просил не останавливаться там – не искушать его грехом похода в казино⁴⁰. Тогда я и подумал: «Может, тех юношей гонит на смерть голод? Ведь если рассудить, то единственное, что делает каждый человек – да что там, каждое живое существо! – ест. Или боится остаться голодным, боится, что кто-то отнимет пищу его». Я хотел было поделиться своей догадкой со спутниками, но тут автомобиль свернул к постоялому двору в Буштени: пани Бибеску рекомендовала отобедать именно тут.

Мы уже находились в теснинах Карпат, у ворот Трансильвании (страны стригоев⁴¹, упырей), ославленной Брэмом Стокером. Напротив шинка возвышался замок в непонятном, напоминающем что-то английское стиле. Я поинтересовался его историей.

– Это дом Кантакузинов, – ответила княгиня. – Старинного рода, считающего себя потомками византийских василевсов. Хотя, и это не тайна, его основателем был грек, дослужившийся до высоких должностей у султана Порты. Он мог даже патриархов переставлять, как шашки. Турки прозвали его Шайтан-оглу⁴², сын Шайтана – за щедрость, верно. И отправили к его наречённому отцу. Сына Шайтан-оглу⁴³ – получается, внука чёрта – тоже казнили. Но кровь есть кровь: и Георге Григоре⁴⁴, строитель этого «чуда», славился богатством и скупостью. Настоящий набоб. Или морой⁴⁵, если угодно. Его сместили, когда голодные крестьяне пошли громить евреев-арендаторов.

Марта была саркастична – и тем прекрасна. Даже когда подали на стол и аббат прочёл молитву, она не преминула вставить:

– А право на кусок хлеба – это естественное право человека? Или за него следует платить потом лица своего?

(Что и говорить, я с удовольствием отведал местной кухни! В жаркую погоду в качестве своего рода аперитива оказалась превосходной чорба с телятиной и грибами на квасу, следом поел яхнию⁴⁶, напоминающую турецкий жареный суп, закусил говяжьими мититеями⁴⁷, горячими, прямо с гратара, а на десерт, под сокатэ⁴⁸, наслаждался папанашами – такими пончиками с шелковичным вареньем и сметаной. Воистину, после такого обеда даже окружающие горы стали светлее и гостеприимнее!)

После трапезы княгиня вручила мне манускрипт. Пожелтевший, в каплях воска.

– Известная вам организация действительно, – подчеркнула она, – просила передать этот документ вам, профессор. Не знаю, какое вы имеете к ним отношение, но их просьбы равносильны... Я лучше взгляну в мутные глаза этого Морозова⁴⁹, чем откажу им. Его нашли в православном монастыре в Марамуреше⁵⁰. Среди легенд, которые рассказывала мне Баба Уца, была сказка о Сфынту Гюрге. В нём было что-то от Фэт-Фрумоса, победителя балаура, и от святого Георгия тоже. Взгляните на инициал.

Я присмотрелся. В заглавной букве было нарисовано двуногое крылатое существо.

– Это же Зилант! Зверь казанский, – прокомментировал я.

– Верю вам на слово. В той легенде некий богатырь, – продолжила пани, – приехал из степи и победил боллу – почему-то няня называла дракона по-албански, хотя нарисован как раз балаур. Болла спит весь год, но просыпается в Юрьев день и начинает... изучать мир, пока не найдёт в нём человека. Совсем как Диоген, – ввернула она шутку. – Тогда он пожирает его и засыпает до следующего года, чтобы на двенадцатый год превратиться в Кучедру – огнедышащего дракона, что

³⁷ Иляна Косынзяна – Sânziana (от лат. Sancta Diana) – св. Диана, получившаяся из римской богини Дианы.

³⁸ «Серебряный призрак» – Rolls-Royce 40/50HPSilverGhost.

³⁹ «Дед правящего короля» – Кароль I Гогенцоллерн, домнитор Валахии и Молдовы и первый король Румынии (1866–1914). Рафал Вильчур ошибся: Михай приходится Каролю внучатым племянником.

⁴⁰ Казино – казино «Синая», построенное как копия казино в Монте-Карло в 1912 г.

⁴¹ Стригой – упырь.

⁴² Шайтан-оглу – Михаил Кантакузин (1515–1578), основатель рода; сосредоточил в своих руках управление всеми греками Османской империи, смещал и назначал митрополитов и патриархов, получил монополию на меховую торговлю с Москвой и т. д.; повешен, имущество конфисковано и распродано с аукциона; выражение «у Кантакузина на распродаже» стало османской поговоркой.

⁴³ Сын Шайтана-оглу – Андроник Михал-оглу Дервиш (1553–1601), пытался восстановить влияние отца, но мог лишь смещать и назначать дунайских господарей. В 1593 г. поставил на трон Михая Храброго. Похищен в Джурджу и казнён в Молдове – предположительно, по решению валиде-султан Сафие-султан её протеже Юсуф-пашой (см. «Зажигая зелёную лампу»).

⁴⁴ Георге Григоре Кантакузино (1832 – март 1913) – крупнейший румынский магнат, премьер 1904–1907 гг. Смещён после кровавого отражения атаки восставших крестьян на Бухарест.

⁴⁵ Морой – живой упырь (в отличие от стригоя – упыря-покойника).

⁴⁶ Яхния и турецкий жареный суп – мясо и овощи, уложенные слоями в казан и потушенные (сваренные) на медленном огне.

⁴⁷ Мититеи – разновидность кебаба; гратар – решётка.

⁴⁸ Сокатэ – напиток из бузины.

⁴⁹ Михаил Морозов (1887–1940) – «румынский Канарис». Потомок запорожских казаков. Основал и в 1925–1940 гг. возглавлял тайную полицию «Сигуранца», активно преследовал железногвардейцев. Монархист. Запутавшись в интригах иностранных разведок и политиков Румынии, был арестован и убит железногвардейцами по приказу Антонеску в ходе резни в тюрьмах в период национал-легионерского режима (сентябрь 1940 – январь 1941).

⁵⁰ Марамуреш – область на севере Трансильвании и в Закарпатье; от праслав. «мёртвое море».

вызывает засухи и живёт человеческими жертвами, которыми засуху пытаются унять. Так вот, Сфынту Гюрге взял в жёны дракона, когда тот превратился в женщину, и как-то приручил его. Вам это ничего не напоминает?

– Минутку... Заххак... Даххак, – стал вспоминать я. – Да! Аждаха! Это такой крылатый змей у степняков, который через тысячу лет превращается в Юхá – красивую девушку-оборотня. Только тюрки, татары в частности, стараются убить её в течение сорока дней после свадьбы – иначе она выпьет кровь и душу. Где-нибудь в безводном месте. Подождите! – осенило меня. – Татары! Он и к вам приходил?!

– Он? – вскинула бровь Марта. – Ах! Вы о нём! Дело в другом, – уклонилась она от ответа. – Прочтите маргиналию⁵¹.

«Песнь брата Георга, записанная братом Манфредом в 1273 году от Рождества Господа нашего Иисуса Христа. Да хранит вас обоих Бог, братья!» – было написано рукой неизвестного схолиаста, отличной от почерка «брата Манфреда».

Я развёл руки: мне это ни о чём не говорило.

– Манфред фон Тодтнау. Рыцарь из Шварцвальда⁵², – наклонившись ко мне (с блеском в глазах!) и понизив голос, сказала княгиня. – В 1244 году он штурмовал Монсежур⁵³. Что-то с ним случилось, и он уехал на восток. В Венгрию. Защищать ципзерских немцев⁵⁴ от татар. Он – сооснователь братства, которое разрослось в эту... организацию. В *J.I.*

– Сооснователь? А второй?

Она еле заметно кивнула на манускрипт.

– Расскажите о нём, – попросил я.

– О Гюрге?

– Да. Что ещё было в легенде?

– Он появился ещё до Чёрного воеводы⁵⁵. Странствовал на вороном коне с белым в поводу. Приезжал в деревню и ехал верхом на кладбище, переступая могилы. Так искал стригоев: если какую могилу конь отказывался переступить – значит, в ней упырь. Потом женился на красавице. Когда крестьяне опознали в ней демоницу – по гибкому телу и любви расчёсываться у воды, – обложили избу своих защитников поленьями и подожгли. Тогда Кучедра превратилась в дракона и унесла мужа на восход. В двух словах так.

– Хорошо... И что я должен с ним делать? – взглянул я на документ.

– Что – не знаю, но что должны – несомненно, – улыбнулась Марта. – Возможно, дело в вашей статье о моей прапра-, много раз пра-бабушке, в честь которой я получила второе имя – Лючия. Вы наверняка осведомлены, что я происхожу из дома Маврокордато, но не о том, что наш великий предок Александр⁵⁶ был сыном Локсандры Скарлату⁵⁷, дочери Люции, – удивила меня княгиня. – И в той статье вы сделали вывод, помните: «чем позже начато движение в будущее, тем большей крови оно потребует»? Да, вы как будто угадываете веяния времени, всеобщее желание крови, потаённую ненависть... Но, может, вам предложат пересмотреть свои взгляды? Может, вы – та соломинка, которая способна склонить весы истории к войне или к миру?

Дальнейшая дорога для меня была как в тумане – таком же, какой окутывал эти горы и леса после дождя. Мы мчались серебряной пулей через городки и перевалы, по ночам мне чудился всадник на белом коне в сопровождении то ли чёрной лошади, то ли летучей мыши – должно быть, вылвы⁵⁸, как называют подобных духов здесь; не ко времени вспоминался Влад Дракула (к счастью, княгиня сказала, что стригои опасны только от Дня святой Люсии до Рождества). В Марамуреше я даже посетил православный храм, деревянный: на всякий случай. Даже подумал, какое счастье – верить простой верой и каждый день лицезреть такую красивую службу (однако отстоять её полностью я не смог).

Мы вели какие-то беседы, содержание которых помнится смутно – мной словно манипулировали, втягивая в интриги стратегического характера. Может, г-жа Бибеску играет видную роль в ордене и хочет каким-то образом укрепить своё положение в организации? Вполне вероятно, учитывая её связи – от аристократии до социалистов и от писателей до диктаторов⁵⁹.

Как бы то ни было, никоим образом повлиять на события я был не в состоянии, а потому принял за работу. В конце концов, если не знаешь, что делать – делай, что знаешь.

К Хусту, городку в русинском Подкарпатье, черновик был готов. Княгиня внесла в него кое-какие исправления и в целом одобрила.

– Не думайте обо мне скверно, – предупредила она. – Мы, аристократия, вымираем. Наш последний блеск превратился в грязь в полях Великой бойни. Сейчас мы – блик от разбитого стекла

⁵¹ Маргиналии – пояснения на полях рукописи; схолиаст – человек, оставивший схолию, пояснение. Например, автор данных комментариев является схолиастом, оставляющим маргиналии к тексту профессора Вильчура.

⁵² Шварцвальд – «Чёрный лес» в Швабии.

⁵³ Монсежур – последняя крепость еретиков-альбигойцев.

⁵⁴ Ципзерские немцы – немцы, переселившиеся в Марамуреш на земли, опустевшие после Великого Западного похода Батыя в 1241–1242 гг.

⁵⁵ Чёрный воевода – см. Негру Водэ.

⁵⁶ Александр Маврокордато (1636–1709) – великий драгоман Дивана империи, возглавлял османский МИД в период Великой турецкой войны (1683–1699), а также занимал пост великого логофета (посредника) между правительством Блистательной Порты и патриархом; сделал многое для улучшения положения христиан.

⁵⁷ Локсандра Скарлату (1605–1684) – интеллектуалка, основательница первого греческого литературного салона в Османской империи.

⁵⁸ Вылвы – румынские духи женского пола, защищающие родники, копи, бедняков, руины крепостей, дни недели и т. д.

⁵⁹ ...от аристократии до социалистов и от писателей до диктаторов – среди поклонников и друзей Марты Бибеску были М. Горький, Р. М. Рильке, испанский король Альфонсо XIII, Муссолини, Жан Кокто, чета Рузвельт, Экзюпери, Черчилль и многие другие.

на нейтральной полосе между мировыми войнами. А после следующей – сольемся до неразличимости с набобами и нуворишами. С новой «аристократией» из парвеню⁶⁰. Потому мы заигрываем с огнём: кокаиности, авиаторы, идеологи. Недаром мой муж любит скорость больше, чем своих содержанок. Приходит другое время – время людей, способных держать молот и винтовку. А вы, Вильчур, вы взяли бы в руки винтовку?

Я мог бы ответить «да». Каким бы сибаритом и гурманом я ни казался, мои руки помнят не только скальпель. Но искренняя надежда, что делать этого не придётся, сомкнула мои уста.

Вечером она уехала на поезде в Будапешт, подарив на прощание перстень с рубином, инкрустированным крестом из белого золота («Он откроет вам многие двери»), и оставив машину с водителем, которая должна была доставить меня домой. *Автомобиль казался серым, водитель – манекеном, а сноп лучей из фар – чёрным.* Должно быть, от дорожной пыли.

Дом, милый дом! Здесь, под тихий стук настенных часов, я оформил окончательно статью, разыскав в венгерских и семиградских⁶¹ хрониках сведения о сооснователях, которую, с вашего позволения, процитирую с сокращениями:

«Концепция «татарскости» в песне Георгия Трансильванского.

...Прежде всего, позвольте выразить признательность Анеле Прушинской за помощь в поэтическом переводе песни с латинского на польский язык.

...Нам немного известно о личности Георгия. Исходя из приписки: «В год чёрного водного кота, где-то между Туна-иделем и Узеу», – сделанной, по всей видимости, с его слов, – мы можем предположить, что Георгий был человеком степного происхождения, условно «татаринном», отставшим от войска Бату-хана, когда-то возвращалось из Западного похода 1235–1243 годов, и прошедшим все сражения от Булгара до Австрии (если верить Манфреду, о ком ниже). На это указывает год чёрного водного кота, соответствующий 1243 году, по европейскому летоисчислению. Туна-идель и Узеу в глоссе – это соответственно реки Дунай и Днепр. Однако, возможно, Гюрге был оставлен вместе с «расквартированным» в этой части Степи туменом (тем более что Валахия, Болгария и Сербия некоторое время были данниками Золотой Орды – особенно при Ногае⁶², чья ставка располагалась на Дунае).

По неопределённым причинам он покинул валахские степи и уехал за Карпаты, где крестился в православие под вышеназванным именем (вероятно, из-за созвучия с его родным именем Гюрге, означающим «волк» по-огузски⁶³) и стал странствующим монахом-воином, в чём-то подобным госпитальерам или тевтонам.

Другое имя, фигурирующее в манускрипте, – Манфред фон Тодтнау. Он принимал участие в бескровном (sic!) Шестом крестовом походе⁶⁴ под началом «чуда мира» Фридриха Гогенштауфена⁶⁵, а после – в кровавом крестовом походе в Южную Францию. Как писал сам Манфред в *Confessiones*⁶⁶, оба раза он вступал в конфликт со своей совестью: в Палестине потому, что его император находился под отлучением (а это разрушало саму идею крестового похода как способа искупления грехов и примирения с Церковью), а в Лангедоке – по причине чрезмерного цинизма крестоносцев. Правда, доминиканская инквизиция заявляла, что главную роль сыграла женщина – внучка сеньора Монсегюра Эсклармонда, «Свет мира». Но, во-первых, этот документ позднего периода, а во-вторых, в Ватикане известна конкуренция двух организаций. Как бы то ни было, летом 1244 года фон Тодтнау уехал к оставшимся в Трансильвании братьям Тевтонского ордена «помогать, исцелять и защищать»⁶⁷ Землю Барца⁶⁸ от гуннов (то есть монголов).

Где-то там и произошла встреча Манфреда и Георгия. Как гласит румынская легенда о Сфынту Гюрге, они бились три дня и три ночи так, что раскололись горы – при этом указывают на теснины рек Олт и Яломица, прорывающихся через Южные Карпаты. Поняв, что Господь на стороне обоих, они прекратили поединок и восхвалили Иисуса Христа. Любопытно, что Манфред тоже характеризует встречу как ордалию, Божий поединок.

Забегая вперёд, отметим, что для основанного ими впоследствии нового ордена место встречи и битвы приобрело глубокое символическое значение. В 1429 году, когда братство набрало

⁶⁰ Парвеню (фр. parvenu) – «выскачка», добившийся успеха и вошедший в аристократию, подражающий ей в манерах.

⁶¹ Семиградье (Siebenbürgen) – семь городов немецкой Трансильвании: Германштадт (Сибиу), Кронштадт (Брашов), Клаузенбург (Клуж) и др. В Союзе трёх наций, правившем Трансильванией в Новое время на основе сегрегации румынского православного крестьянского большинства, бюргеры-немцы подчинялись землевладельцам-венграм и секеям (привилегированной группе мадьяр неугорского происхождения, дольше всех сохранявшей кочевые традиции).

⁶² Ногай – темник, внук седьмого сына Джучи, фактический правитель западной части Орды в 1266–1300 гг. В 1273 г. Ногай женился на Ефросинии, дочери императора Михаила Палеолога, и тем самым как бы получил «международное признание» как владетельный государь, а не «чиновник» хана. Ногай держал под контролем соседние государства Венгрию, Польшу, Сербию, Болгарию и южно-русские княжества.

⁶³ Огузы – тюркский народ, предок торков, берендеев, чёрных клобуков, туркмен, турок, части печенегов, татар, казахов, башкир и т. д. Исторические государства: держава огузского ябгу в Западном Казахстане (750–1050 гг.), держава Сельджукидов, Османская империя.

⁶⁴ Шестой крестовый поход (1228–1229) прошёл без сражений: Фридриху II дипломатическим путём удалось восстановить христианский контроль над Иерусалимом на 15 лет – последние годы, когда христиане владели святым городом.

⁶⁵ «Чудо мира» (лат. stupor mundi) – император Фридрих II Гогенштауфен (1194–1250, правил с 1212 г.) сделал свой двор центром науки и поэзии, издал первый в Средневековье светский юридический кодекс и пр. По легенде, должен вернуться, чтобы реформировать церковь и установить на земле мир и справедливость.

⁶⁶ Confessiones – (лат.) «исповедь».

⁶⁷ «Помогать – исцелять – защищать» – девиз Тевтонского ордена («Helfen – Heilen – Wehren»).

⁶⁸ Земля Барца – область вокруг Кронштадта (Брашова), бывшая центром тевтонов в 1211–1225 гг. В Трансильвании Немецкий орден оказался по приглашению короля Венгрии Андраша II для борьбы с половцами.

существенный политический вес (хотя ещё не было признано Римом), оно инициировало всеевропейский съезд в Луцке⁶⁹, на котором отдельным вопросом стояла турецкая угроза. Тогда удалось привлечь германских рыцарей для защиты Барцланда, однако через три года они все пали в сражении.

Так, несмотря на религиозные различия, завязалась дружба двух рыцарей – «паписта» и «схизматика». Надо полагать, в её становлении немаловажны были и опыт Манфреда в Египте и при ставке Фридриха, и терпимость, вынесенная Георгием из Степи. В память об их союзе фон Тодтнау сохранил песнь, написанную товарищем по оружию. Разберём её.

(1) А мы с тобою, брат, татары.

Исходя из вышесказанного и нижеследующего, татары для Гюрге не столько этноним, сколько политоним или даже образ мышления. Что не отменяло бы его возможного происхождения из татар Восточной Степи, если бы Манфред не описал товарища как схожего с куманами (кипчаками) – то есть с менее выраженными монголоидными чертами.

(2) А лучше ехать одвукóнь.

Согласно степным обычаям, желательно иметь двух-трёх коней в дальней поездке и в набеге.

(3) К чему нам новых ханов свары?

Здесь речь, вероятно, о междуцарствии в регентство Дёрегене (1242–1246), вдовы великого хана Угэдэя⁷⁰ и матери Гююка⁷¹. Последний был давним недругом Бату, и в войске чувствовалось приближение гражданской войны.

(4) Неси дрова. Зажги огонь.

Сложно сказать, о каком огне идёт речь.

(5) Война расщедрилась добычей –

(6) Не искушай её грехом.

Певец говорит о войне как о живом существе, персонифицируемом в духе, одновременно являющемся божеством торговли. Скорее всего, речь идет о духе по имени Барын либо о Боз Курде⁷² – Небесном Волке. В таком случае становится понятен круг возможных грехов. Пантеизм вообще характерен для степного мировоззрения, порою одушевляющего не только объекты (горы, камни) или явления природы (гром, ветер), но и абстракции: войну, государство (причём наделяя его чертами злых духов), имя, разум.

(7) Сейчас бы к мясу – хлеб пшеничный.

Это удивляет европейца, основной пищей которого веками были крупа, зерно и овощи, тогда как о мясе он мог лишь мечтать. Для степного жителя всё было в точности наоборот.

(8) Тащи казан. Тут будет дом!

Дом начинается с очага, расположенного в центре юрты, хранильницей которого является Ут-эне, мать огня (у монголов – Отхан-галахан).

(9) Втоптали в степь мадьяров гордых

(10) И Киев сдобрили золой.

Здесь речь о событиях 1240–1241 годов. О золе песнь говорит не в контексте подсечно-огневого земледелия, а напоминая о степных палах, когда прошлогодняя растительность выжигается весной на огромных пространствах, чтобы дать место свежей траве.

(11) Да не видать конца походу...

См. комментарий к третьей строке.

(12) Кидай кошму. Про дом наш спой!

Когда одного из степных ханов пытались вернуть на родину, посла, отправляемого к нему, поучали: «Ему ты песен наших спой!»

(13) А ты под Вечным Синим Небом

Вечное Синее Небо, не имеющее зримых границ и форм, есть «тело» Тенгри-хана, высшего божества. Это обстоятельство определило лёгкое принятие тюрками и монголами буддизма, ислама или – в случае с Георгием – православия.

(14) Лежишь, источен до костей –

⁶⁹ Всеевропейский съезд в Луцке 1429 года – съезд монархов для решения вопросов Восточной Европы. Присутствовали короли Венгрии и Германии, Польши, Дании, Швеции и Норвегии; татарские ханы Дона, Волги и Крыма; митрополит Киевский и всея Руси Фотий; великие князья Литвы (Витовт), Москвы (Василий Тёмный), Твери и Рязани; магистр Ливонского ордена; князь Одоевский; представители папы, Византии и Тевтонского ордена. В повестке: сдерживание Турции; коронация Витовта (т. е. повышение статуса Литвы с великого княжества до королевства); конфликт Дании и Ганзы; уния церквей; борьба с гуситами; налоговая политика и правила судоходства на Балтике; раздел Молдовы.

⁷⁰ Угэдэй (1186–1241) – Великий хан в 1229–1241 гг. Кроме завоевания Западной Степи, Руси и Кавказа и начала завоеваний в Анатолии, Индии и Южном Китае, организовал почтовую службу в империи, развивал дорожную сеть и проводил другие реформы.

⁷¹ Гююк – правил лишь два года (1246–1248) и не успел развязать первую в Монгольской империи войну.

⁷² Барын, Боз Курд – вопреки широко распространённому представлению Сульдэ – это не бог войны, а лишь одна из душ человека, его дух (в смысле, употребляемом в словосочетании «сильный духом»), либо дух рода, воплощающийся в знамени (и только в этом смысле он становится покровителем войны, которую ведёт данный конкретный род).

Степной обычай предписывает оставлять усопшего на поверхности земли: звери и птицы, несущие своих духов, унесут его души в свои миры. Источенность до костей говорит о том, что Ветер благосклонен к погибшему «брату», к которому обращается сказитель.

(15) *Не отогреет дева телом.*

(16) *Держи кумыс. Со мною пей!*

Кумыс имел ритуального значение и применялся для жертвоприношений благим духам. Таким образом, учитывая роль ветра (строка 14), певец уверен, что «брат» находится в верхнем мире.

(17) *Мы все – в степном пожаре травы:*

(18) *Великий хан, пастух простой.*

После грозы самая страшная стихия в степи – пожар. Сама Жизнь («жан» – и «душа», и «огонь», и «жизнь») не разбирает, кто падёт перед нею. Это подчёркивается и образом самой значимой богини – Умай: она и та, кто даёт душу-счастье («кут») ребёнку, и кто забирает эту душу у умирающего.

(19) *Других пусть славит путь кровавый,*

как и испанцы, степняки почитали войну одним из наибольших удовольствий.

(20) *А мы пришли к себе домой!*

Здесь предстаёт простая концепция: дом – там, где я. Тем более, когда дом – переносная юрта. Гюрге прямо заявляет: «Меня устраивают эти, валашские, степи, и здесь будет моя новая Татария».

[...]

...Таким образом, мы можем сформулировать концепцию «татарскости»: это одновременно и готовность взяться за оружие – не только с целью защиты родины, но и ради удовольствия, – и уважение к смерти, и стоическая любовь к той, кто даёт и забирает души, и пренебрежение властью людей, но также – стремление к простому человеческому счастью, перекрывающее всё предеперечисленное. А для осуществления подобного нам нужна сильная и богатая держава.

Осталось добавить о судьбах братьев-сооснователей. Гюрге отправился в Орду (см. легенду о его жене-юха) и обосновался, по-видимому, в улусе Великого хана, в Китае: по крайней мере, спустя 250 лет документы ордена говорят о восстановлении связи с Востоком. Манфред агитировал рыцарей принять принципы братства, разработанные им с Георгием, сражался с пруссами под знамёнами Пржемысла Отакара⁷³, «короля железного и золотого», а после защищал детей своего патрона – Фридриха Гогенштауфена. Он снова, как и за четверть века до этого в случае с Эсклармондой, не смог спасти внука императора, шестнадцатилетнего Конрадина, обезглавленного по приказу Карла Анжуйского⁷⁴ – эта казнь шокировала Европу. Более успешны оказались его хлопоты об освобождении Беатрисы⁷⁵, внучки императора, пленённой в шестилетнем возрасте и проведшей в темнице восемнадцать лет, для чего принял активное участие в подготовке Сицилийской вечерни – пасхальной резни французов. После освобождения Беатрисы его следы теряются».

Я отнёс статью в редакцию «Исторического альманаха Ягеллонского университета» и с трепетом стал ожидать решения. Когда увидел её на бумаге, пахнущую типографской краской, с моих плеч словно гора свалилась. Но праздновать в этот раз решил не в «Новороле», а в загородной корчме. Её держал один татарин, в войну попавший в плен и осевший в наших краях.

К тому же, меня щедро вознаградили. Я не только о гонораре, но и о подарке небес... или не небес. Ко мне вернулась Беата. Она заметно изменилась: будто похудела, в лице появилось что-то кукольное... чуждое... Ну да бог с ней!

(Однако ела она с аппетитом, не уступающим моему. Не было никаких душевных сил разбирать оттенки вкуса, поэтому я просто заказал манты – что-то вроде колдунов на парú с рубленным фаршем, бишбармак – мелко нарезанную ягнятину с овощами, чашку крутого бульона с казиликом – колбаской из кусочков конины с жиром, плов – нечто наподобие рисовой каши с мясом, но совсем не похожее на неё по вкусу, шербет из виноградного сока с базиликом и розовой водой. К крепкому, коричневому чаю с молоком были чак-чак – какие-то шарики, залитые мёдом, крахмаленные кубики из мёда же со специями, сушёные абрикосы, начинённые молотыми орехами и чем-то очень кислым под названием то ли «крут», то ли «курт» (конечно же, политые мёдом), наконец, просто мёд в сотах. Ах, да, ещё большой пирог с начинкой из плова – правда, сладкого, с изюмом и ещё чем-то.

Да, без аперитива и дижестива такое количество – гастрономическое самоубийство! Беата сдалась уже на плове! Зато Марыся за обе щёки уплетала сладости.)

Там, в одиноком шинке с видом на далёкие горы, сидя на веранде в кресле-качалке, затягиваясь трубкой с миндально-горьковатым турецким табаком и ощущая блаженную сытую истому во всем теле, я глядел на коршуна, кружащего в безоблачном небе. И так же тихо, на совиных крыльях, кружилась в голове дума:

⁷³ Пржемысл Отакар (1233–1278) – король Чехии, герцог Австрии, основатель Кёнигсберга.

⁷⁴ Карл Анжуйский (1227–1285) – амбициозный монарх, король Неаполя, Албании, Иерусалима, князь Ахейский и пр., пытавшийся «возродить средиземноморскую Римскую империю». После Сицилийской вечерни его планы пошли прахом.

⁷⁵ Беатриса Сицилийская (1260–1307) – провела в плену с 1266 по 1284 год; вышла замуж за маркграфа Салуццо, т. о. её потомком является Франческа Мария дель Ватто-и-Урсуа.

«Я не строю иллюзий по поводу будущего. Человечество стало геологической силой, как пишет Вернадский, а потому – следуя своей природе – оно лишь увеличит Сахару. В этом наш рок и, кажется, предназначение, и, кто бы ни побеждал в грядущих войнах, итог будет один: время упруго. Хотя, признаться, страшно. И хочется жить. До дурного сумасшествия, до желания целовать эту грешную землю. И крикнуть: «Иди, Польша-мать, своею дорогой!».

Конечно, я смогу взяться за оружие. Возможно, даже смогу получить от этого удовольствие. Моральное. Но всё это потом. А сейчас... Вот воробьи купаются в пыли. Повозка бежит – ездока не видно в жёлтом море пшеницы. Где-то вдали, на поле – лошади. Жаворонок заливается. Марыся играет в салочки с сыном корчмаря...

Я хочу, чтобы вы были счастливее нас».

Мария ШУРЫГИНА

г. Красноярск

Шурыгина Мария Анатольевна. Родилась в Красноярске. Окончила факультет русского языка и литературы Красноярского педагогического университета им. В. П. Астафьева. В настоящее время занята в сфере строительства. Публиковалась в журналах «Октябрь», «Наш современник», «День и Ночь», «Новый Свет» (Канада), «Северо-Муйские огни», альманахе «Енисей».

Всё начинается с моря

Рассказ-фэнтези

Лена тревожно прислушалась. Казалось, в лесу кто-то щёлкает артритными пальцами. Зима – карга старая... «Щёлк, щёлк», – звук, сухой и звонкий, возникал и тут же тонул в сугробах. Птица так щёлкает, от мороза не найдя сил на длинную трель? Деревья ли сжимают кору поплотнее? Лена не успела понять – завьюжило, ветер схватил и унёс звуки. «Будет перебирать их на досуге, а какой надоест – выкинет, куда ни попадя. Поэтому в море иногда можно услышать крик петуха, а в заснеженных горах – кваканье лягушек. Брошенные звуки», – подумала Лена.

Мело все сильнее. Ведь хотела ехать на такси! Но «Пещера Дэва» (как Лена её про себя называла) оказалась недалеко от города – окраинные дома ещё не скрылись из виду, и она надеялась добежать от автобуса минут за двадцать. Кто же знал, что дорогу эту никто не чистит – колея едва намечена.

Лена устала вытаскивать ботинки из снежного месива и остановилась. Ветер сдувал снег с карнизов домов, и снежное полотно призраком, обрывком савана несло вдоль фасадов. Хорошо, что сейчас утро, вечером здесь должно быть жутковато. Самое место для нелюдимого Дэва.

Игорь Дэв, великий и... прекрасный. Лена никак не могла поверить, что всего через несколько минут она предстанет перед человеком, чьими книгами бредила в детстве (да что там – и до сих пор!), из-за чьих теорий сиганула на верёвке с моста над Яузой, чтобы проверить подвес, изготовленный по его технологии, чья книжная Вселенная превзошла Вселенную Гарри Поттера.

Мурашки побежали по позвоночнику: в голове это не укладывалось. Интервью, а точнее, краткие публичные высказывания этого властителя умов за сорок семь лет писательской карьеры можно счесть по пальцам одной руки. Тотальное молчание автора при невероятной смысловой плотности его текстов заставляло мучиться догадками уже несколько поколений читателей. Дэв неизвестно, где живёт, он не общается с журналистами, не проводит встреч с читателями, не сотрудничает с писательским сообществом, не, не, не... Как ему это удаётся: «вычеркнуться из широт», но держать мир силой мысли, вписать нашу реальность в свою собственную парадигму? Каждые четыре года выходит новая книга Игоря Дэва. Его цикл насчитывает уже одиннадцать оглушительных романов, и мир замер в ожидании двенадцатого, который, по слухам, выйдет совсем скоро.

Естественно, есть версия, что никакого Игоря Дэва на самом деле не существует, а пишет цикл артель мистификаторов, некий литературный кооператив. Лена презирала эти домыслы: уже простейший контент-анализ доказывал принадлежность текстов Дэва перу одного автора, не говоря уж о заключениях более сложных экспертиз.

Все эти инсинуации о лже-Дэвах понятны. Трудно поверить, что один человек может быть не только автором выдающихся фэнтези-романов, но и талантливым антропологом, химиком, конструктором, медиком... Подсчитано, что Дэв в своих книгах отразил девять областей знаний. Сколько кандидатских защищено на основании его научных озарений, сколько важных открытий сделано на их основе! А он по-прежнему в тени.

Лена уже несколько лет исследовала тему полиматов – универсальных гениев, начиная с Возрождения и до наших дней. Она пыталась определить коэффициент влияния этих мегаличностей на развитие общества, а главное, понять механизм воздействия и вычислить сумму обстоятельств, которая гений одного человека делает ключом к скачку всеобщего прогресса. Леонардо да Винчи, Гёте, Кэрролл, Ломоносов, Тесла... Но на месте, которое в ряду полиматов должен занимать Дэв, в её построениях обнаруживалось зияние, отсутствие всякой информации. И это приводило Лену в отчаяние.

А влияние Игоря Дэва на современность грандиозно. Хотя, казалось бы, линия, проходящая через весь цикл его фэнтези, предельно проста и во многом повторяет сюжет старого мультфильма «Ивашка из дворца пионеров». Только Ивашка попал в волшебный мир, всех победил при помощи «научной мысли», и гордо удалился на гусях-лебедях. А Дэв пишет историю взросления мальчика Гриши, живущего в двух мирах: нашем – обыденном, технократическом, и втором – построенном на магии, духовных практиках и слиянии с природой. Эта другая Вселенная, названная автором «Мир Снежной Синицы», мастерила прогресс, что называется «из лыка и прутьев». Мальчишка же, увлечённый техникой и не чуждый изобретательству, внёс в неё новый научно-технический подход. Пятнадцать (!) изобретений, описанных Дэвом в романах, были им запатентованы и, более того, стали настолько неотъемлемой частью нашего быта, что сложно представить, что их когда-то не было.

Уже первый роман «Абрис птицы на пене морской» вызвал среди фанатов-читателей невиданную волну попыток совместить в реальности науку и исследования духовных сфер. После выхода первого тома мир накрыло увлечение техническим моделированием, экстремальным туризмом с использованием собственных технических прибулд в сочетании с ментальной самонастройкой. Мир стал жизнеспособнее и практичнее, но при этом приобрёл «нравственную осанку», аристократический кодекс духа, новую этику поведения. Не удивительно, что многие страны используют идеи Дэва в своих образовательных концепциях для школ и вузов.

Пробираясь по сугробам, Лена не прекращала прокручивать всё это в голове. Подготовка к встрече с Дэвом была простой и сложной одновременно. Не существует предыдущих интервью, которые можно изучить, факты биографии отрывисты, как морзянка, да к тому же и недостоверны. Единственный ключ к личности этого автору – его книги. Лена могла цитировать их целыми страницами, карту мира Снежной Синицы (Снежносиничья) не раз рисовала чуть ли не с закрытыми глазами. Но две предыдущие ночи она почти не спала от волнения. В голове билась проблема: почему Игорь Дэв захотел вдруг встретиться с кем-то? И почему именно с ней?

Три дня назад, вечером, она правила свою статью для «Иностранки». В дверь позвонили: на пороге стоял почтальон. «Разве они ещё ходят по домам?» – удивилась Лена. «Вам телеграмма», – голос работника почтового отделения был сух и, как показалось, торжественен. Лена в состоянии странного дежавю расписалась в бланке. Прочла короткие строки раз, другой. Время, кажется, остановилось тогда – точно так же, как оно притормаживает в романах Дэва, когда разум героя не может совместить с реальностью происходящее чудо (автор назвал этот феномен «лакуна осознания»).

«Нам есть о чём побеседовать ТЧК Предлагаю встретиться ТЧК». И дата, время, адрес. Дэв назначал ей встречу! Вопреки домыслам армии поклонников, писатель, судя по адресу в телеграмме, жил вовсе не на базе «Борнео» в Арктике, а в пригороде, чуть дальше их Академгородка! Овладев, наконец, собой, Лена с удивлением поняла, что практически бессознательно, на автомате, собрала сумку для предстоящей поездки, почистила диктофон, поставила на зарядку два пауэрбанка и, кажется, уже отпросилась с заседания кафедры. Она поверила странной телеграмме сразу и безоговорочно! Так может поверить только человек, долгие годы ожидающий чуда.

Лена вдруг поняла, что уже давно идёт по лесу – ни домов, ни машин, ни людей, никаких признаков пригорода. Снег по обочинам не тронут, дорога превратилась в едва угадываемую тропу, а день не торопится сменить утренние сумерки. Снег под ногами скрипел отчаянно, но что-то на грани слышимости вливалось в этот скрип, цепляло сознание атональным звучанием. Она остановилась и услышала тихий свист, который словно струился над тропой. Морозный туман скрывал пройденный ею путь и источник странного звука, который, кажется, неумолимо приближался. Похолодев от неожиданно навалившейся жути, Лена кинулась прочь, всё дальше и дальше по тропе. Наконец, впереди забрезжил свет, и она выбежала к небольшому двухэтажному коттеджу, очертания которого напоминали одновременно текучую архитектуру Гауди и пасторальные домики Кинкейда.

Вот она, Пещера Дэва! Едва окинув взглядом цветные пятна мозаики на фасаде, Лена взбежала по ступеням и, схватив дверной молоток в форме птицы, отчаянно застучала по медной пластине. Преследовавший её свист казался всё ближе, но тут дверь открылась, и Лена ввалилась в прихожую.

Её встретила изящная пожилая женщина. «Нина, жена Дэва», – вспомнила Лена единственную встреченную давно фотографию. На сумбурное Ленино приветствие, она с улыбкой, будто извиняясь, молча приложила руку к горлу и приглашающим жестом указала на дверь, убранную голубым витражом. Лена замирая вошла.

Он стоял у окна, очень высокий, стройный, с прямой спиной. Невозможно... Дэву – девяносто лет? Черты лица крупные, размашистые, словно резчик прошёлся широким лезвием по дереву, кожа смуглая, а глаза – детские, васильковые. И бугристый, отчётливо различаемый шрам на шее – как он выжил с такой раной? Такой же шрам и у его героя Гриши, но того лечили магией...

Дэв пересёк комнату одним плавным, текучим движением и пожал Лене руку.

– Рад видеть. Пальцы холодные – замёрзли? Будем пить чай. Нина, прихвати того варенья, айвового! Любите айву? Оно у нас для особых случаев.

Речь простая, отрывистая. Глаза смотрят пылливо. Лена так смутилась, что выпалила непроизвольно: «Вы похожи на капитана Немо!».

Дэв расхохотался:

– Кажется, он был индус?

– Да, кажется, но... – Лена совсем смутилась.

Дэв улыбнулся и вдруг произнёс с выражением, будто считывая текст с невидимых страниц: «Он был высокого роста; резко очерченный рот, густые брови, тонкие, но сильные кисти с удлинёнными пальцами (Дэв по-детски выставил перед собой ладони) – всё говорило о возвышенном, страстном и благородном темпераменте, а его взгляд, казалось, пронизывал вас до глубины души». Тут он моргнул, включаясь в реальность:

– Это лестное сравнение, да. У вас звериная интуиция, Лена, вы знаете? Уверен, вы мучаетесь мыслью, почему я, убеждённый отшельник, пригласил вас. И тут опять прямое сходство с Немо – странно, что мне оно не приходило в голову! Помните, он говорит: «Одиночество, оторванность от людей – участь печальная, непосильная... Я вот умираю потому, что вообразил, будто можно жить одному!». Так вот, вы здесь примерно по той же причине – я умираю.

Лена охнула.

– Не пугайтесь! Скорее, не я умираю, а Нина, но... Я вас совсем запутал! – Дэв озадаченно запустил пятерню в седую шевелюру. – Но вы поймёте, непременно! Присаживайтесь!

Они разместились за круглым столом, и молчаливая Нина, улыбаясь, подала Лене большую чашку с яркими птицами.

– Для начала я расскажу вам историю из моего детства. Собственно, она о том, что было до «Абриса птицы на пене морской» – как бы предыстория первого романа, да и всех книг. Лучшие истории начинаются с моря... Подумать только, если бы я отказался ехать тогда в этот лагерь, ничего бы и не было! И уж, конечно, в то время я и предположить не мог, что стану писателем. Берите пирог, вот варенье, я люблю детали, так что рассказ будет долгим.

«А сейчас, обратите внимание, по левому борту – печально знаменитая в этих краях скала под названием «Разбитые мечты». Вон тот уступ издавна притягивал сюда несчастных влюблённых, банкротов – словом, неудачников всех сортов. Место выбрано не случайно. Уступ этот не высоко, но здесь проходит сильное течение, а ещё водовороты, не оставляющие самоубийцам шанса выплыть. А теперь вы можете видеть на той вершине старейшую метеостанцию, она была заложена здесь в двадцатых годах прошлого века...»

Экскурсоводша – пышная блондинистая тётка, колыхаясь под зонтиком от солнца, была похожа на медузу Аурелию. Речь её журчала, как волна за бортом. Игорю было интересно, хотя раздражала поверхностность информации – он привык проверять данные. Дома разрозненные тома БСЭ давно перекечевали из зала в его комнату, а сотрудники областной научной библиотеки уже года два как не удивлялись юному возрасту посетителя (его пускали по папиному читательскому билету). Родители поддерживали увлечения сына, хотя их и беспокоило его оторванность от сверстников и чрезмерное погружение в книги. («Умён не по годам. Такие дети, слышал я, долго не живут на свете», – процитировал Дэв и усмехнулся. – Я, получается, в какой-то степени, мальчик, который выжил.)

Эта поездка, будь его воля, не состоялась бы. Ну да, его авиамодель, вертолёт «Муха», простой по сути, но с расширенным функционалом, взял первое место на областном сборе юных техников. Приз – путёвка на фестиваль талантливой молодёжи. Он бы с радостью отказался: побывать на море, конечно, здорово, но перспектива общения с множеством незнакомцев из числа этой самой талантливой молодёжи удручала. Опыт контактов со сверстниками у Игоря был не самый приятный. «Очкастые ботаники редко бывают популярными до защиты кандидатской», – так шутил папа (в прошлом тоже очкастый ботаник).

Да и совсем некстати эта поездка: после его победы в школу зачастил инженер с новосибирского авиационного – дельный мужик, много расспрашивал про работу над моделью, звал на завод – посмотреть и поучиться. Но родители решили, что завод подождёт до осени и быстренько собрали чемодан под нехитрую сказку собственного сочинения: «Море зовёт! Заведёшь друзей-подружек, там же не будет Петраковского из вашего класса, там все одарённые, так что найдёшь общий язык!». Как ни странно, но Игорь даже поверил в такие перспективы. Может, там и правда все (ну или хотя бы большая часть) такие же ботаники, и контакт возможен?

– А это что за дом? – беспардонно перебил «медузу» кто-то из талантливых. Неподальёку от утёса самоубийц Игорь увидел половину дома. Внутренние стены и часть убранства двух комнат: кровать, шкаф, ширма – сохранились, а переднюю, выходящую к морю стену будто ножом срезало. Но эти руины явно были обитаемы. Седой, заросший щетиной старик, придерживаясь за остатки стены, наклонился и принимал какие-то сумки у худенькой женщины, причалившей к дому на лодке.

– О, это печальная история! – оживилась экскурсовод. – Ещё год назад здесь был небольшой посёлок, но после землетрясения всё ушло под воду, уцелел только этот дом. Все переехали, а старик, хозяин дома, остался, хотя здесь и не безопасно: берег постепенно обваливается. Кроме того, во время прилива вода поднимается так высоко, что он может ловить рыбу руками – она буквально плавает между ножек кровати! А что здесь творится в шторм, страшно представить!

Власти города пытались его уговоривать, и жильё его семье предоставили, но он отказывается. Говорят, старик тронулся умом после того землетрясения. Но соваться к нему никто не рискует – нрав у него, говорят, бешеный. Только его жена и сын навещают, привозят продукты...

Талантливая молодёжь с уважением проводила взглядом остатки дома. Его уцелевший угол делал эти руины похожими на нос корабля, выплывающего прямо из скалы. Солнце клонилось к закату.

Причалили они почти в темноте. Игорь неудачно спрыгнул с трапа, очки соскочили, и он под смехи ребят долго ползал по берегу, ощупывая песок. Рука его наткнулась на нечто гладкое и округлое. Тут же нашлись и очки, будто для того, чтобы он разглядел находку. В ладони его лежала дивной красоты раковина. «Cumatium Iotorium? Tibia martini?» – перед глазами Игоря замелькали страницы каталога морской фауны, но всё не то, не то... Раковина будто светилась собственным тёплым светом, пронизывающим перламутр и отбрасывающим на ладони блик, оранжевый с голубым.

«Игорёк, ты где?» – окликнул вожатый. Мальчик спохватился и сунул раковину в сумку. Ребята ушли уже метров на двести вперёд, и никто не заметил его сокровища.

Жизнь в лагере вошла в своё русло. Игоря не донимали – программа фестиваля была очень насыщенной – но и друзей у него не появилось. Скучать, впрочем, не приходилось, и Игорь был почти доволен, что очутился здесь, между морем и горами, заросшими колючкой и кипарисами.

В тот вечер, гуляя перед ужином, он наткнулся на маленькую книжную лавку на северном конце лагеря. Как странно, ему казалось, что он изучил территорию ещё в первые два дня, а тут – такой сюрприз! Поудивлявшись, Игорь вошёл в магазинчик, который был оборудован в старой ротонде (её выдавали купол и дорические колонны на входе).

Круглый прохладный зал, стеллажи, удивляющий разнообразием выбор книг. Ухватив томик Тарле (как давно он искал его в книжных!) Игорь оглянулся в поисках продавца. «Касса здесь!» – услышал он нежный голос, обернулся и замер. На него глядела лермонтовская Тамара. Точнее, такой могла бы, наверное, быть Тамара лет в четырнадцать. Тоненькая, смуглая, карие обжигающие глаза, а на голове хитро уложенные короной чёрные волосы.

Девочка стояла за прилавком, на лице её играл розовый отблеск от... Тут Игорь чуть не выронил книгу. На прилавке, хищно раскрыв зубчатое устье навстречу посетителю, стояла огромная раковина – очень похожая на ту, что он нашёл, только превосходящая её размером! Оробев от этого двойного чуда, Игорь подошёл к кассе, сунул руку в карман за деньгами и вытащил... свою раковину. «Ой, какая миленькая! Почти как у меня, только малышка! Это мне?» – воскликнула девочка. «Да... конечно», – не смог возразить Игорь. Раковина прощально блеснула. А ведь он уже считал её своим талисманом! Но эта девочка... Красота в обмен на красоту и, может быть, на дружбу?

«Ты... уже читала «Наполеона?»» – спросил он у девочки, показывая выбранную книгу. Та, едва взглянув на обложку, усмехнулась: «Папа говорит, что продавцы в кондитерском магазине терпеть не могут шоколад и никогда его не едят. Здесь кинотеатр новый, и выбор фильмов – закачаешься! Зачем ещё читать? А ты отличник, видимо? – насмешливо спросила она. – Мой папа – заведующий хозяйством в этом лагере, уже много лет», – гордо пояснила девочка, не дожидаясь ответа Игоря.

– Княгиня, закрывай лавочку, пошли на пляж! – в дверях появился рослый симпатичный блондин с двумя приятелями. Игорь удивился, насколько ей подходит прозвище. Пацан по-хозяйски прошёл к прилавку и налил себе воды из кувшина.

Девочка запорхала кокетливо ресницами:

– Я же работаю, Артём! Папа не велит уходить рано.

– А кто ему скажет? Не я и не ты. Может быть, ты? – неожиданно блондин ткнул пальцем в Игоря.

– Я? Нет, с чего бы... – забормотал Игорь, но тут же замолчал, поняв, что оправдываться не за что.

– А что это у нас? Наполео-он? – Артём выхватил книгу. – Похож, похож! – хохотнул он, оглядывая Игоря. – Синдром коротышки, слышал о таком? Княгиня, он к тебе пристаёт?

– Ты, Тёма, скажешь тоже! Первый раз его вижу. Ты платить будешь вообще? – Княгиня сердито глянула на Игоря.

«Раз, два, три, четыре...» – он медленно считал про себя, чтобы побороть смутение. Заплатить и просто отвалить на радость блондинчику? Бросить книгу на прилавок и гордо уйти? Но главное – раковина. Оставить её, свой талисман, этой Княгине? «Я люблю из горничных делать королев», – горько вспомнилось ему.

Игорь положил книгу, взял с прилавка свою раковину и пошёл к выходу.

– Эй, ты же мне подарил! – закричала девочка.

– Стопэ, ворюга! Ну-ка, не пускайте его!

Возле входа тут же возник один из приятелей Артёма – белобрысый дрищ с кривыми зубами (красавчики любят набирать себя свиту из таких чудовищ, для контраста). Игорь отступил и взялся за край небольшого стеллажа, стоявшего посреди комнаты.

– Я очень люблю книги... Но если дело дойдёт до драки... Силы неравны, и я буду вынужден устроить здесь разгром, – тихо сказал он, наклоня стеллаж.

– Артём, пустите его! – закричала Княгиня. – Книги денег стоят, я что папе скажу? Этот придурок всё тут развалит!

Игорь выскочил в дверь и, не притормаживая, побежал. Не было нужды оглядываться: за спиной явно слышался топот и сопение преследователей. Сразу стало понятно, что мастерство погони ими освоено вполне. Они отсекали пути, ведущие к корпусам, где взрослые могли бы заступиться и хотя бы на время отодвинуть расправу. Эта небольшая, но опытная стая отжимала Игоря от

освещенных аллей во тьму, к морю. Оно тревожно вздыхало внизу, неразличимое в южной темноте. Или это кровь стучала в висках от бега?

Игорь выскочил за ворота лагеря и кинулся вниз по дороге, ведущей к посёлку. Но туда бежать семь километров, а силы уже на исходе. Он резко ушёл в кусты – может, колючки напугают преследователей? «Гоните его, я с другой стороны встречу!» – услышал он крик Артёма. Его приятели продолжали ломиться по кустам, шипя от боли.

Игорь выскочил на открытое пространство и замер над обрывом. «Уступ самоубийц... неудачники всех сортов», – вспомнил он, холодея.

Время и звуки, весь мир будто замедлились. Игорь едва держался на ногах, покачиваясь в стоячей воде сумерек. В глазах расплывались красные круги – всё шире, шире... «Я упаду? Нет, нет...», – отрешённо думал он, тяжело ворочая каждую мысль.

«Хва-тай-те его! Че-го вста-ли?» – протяжно кричал Артём откуда-то из темноты. «Дык... прыгнет ещё», – ответно протянул один из преследователей.

Игорь стоял на самой кромке, море дышало ему в спину. Краем глаза он увидел внизу слабо освещённый остов дома, пережившего землетрясение. Старик, видимо, ещё не спал. «Другого решения нет», – понял Игорь. Он, собрав все силы, неожиданно прыгнул на противников, те отшатнулись, а Игорь, не давая себе времени засомневаться, разбежался на небольшом освобождённом пространстве и бросил себя в темноту.

Его предположение оказалось верным: все местные легенды – только часть правды. Люди тут наверняка гибли, но водоворотов под уступом самоубийц не было (не зря он внимательно смотрел в воду во время экскурсии). Ему удалось приблизиться к разрушенному дому, но кричать Игорь уже не мог, все силы ушли на борьбу с течением, дышать не хватало, сознание затопила тьма, мимо проплывало слабое свечение дома-корабля... «Всё, всё», – подумал Игорь, но вдруг чья-то цепкая рука ухватила его за плечо, и вот он уже лежит на обломке фундамента, а воздуха всё нет, и лёгкие жжёт огнём...

Почему-то во всех книгах герой приходит в себя и не понимает, где он и как сюда попал. Но Игорь, очнувшись, сразу всё вспомнил. Кажется, в отключке он был недолго – над морем по-прежнему висела ночь с мириадами звёзд и без всяких признаков рассвета.

Глаза щипало от морской соли, гудели ноги, тело казалось свинцовым, чужим. На краю дома (странное сочетание, но верное, ведь у этого разрушенного дома был край, где часть комнат срезало землетрясением) сидел в кресле хозяин и смотрел в ночь.

Игорь кашлянул, старик обернулся, в полумраке комнаты блеснула широкая улыбка. Поднявшись одним неожиданно гибким, быстрым движением, хозяин дома склонился над Игорем и протянул ему полотенце. «Вытри глаза, морская соль коварна», – сказал он. «Рассказывай», – старик обращался к мальчику так, будто они были знакомы сто лет.

И Игорь неожиданно для себя рассказал этому чужому деду всё. Тот внимательно слушал, курил трубку, карта звёздного неба смещалась к рассвету. «Лихо тебе пришлось, парень», – сказал хозяин, когда история иссякла. И добавил странное: «Главное, что ты не потерял раковину». Игорь хлопнул себя по карману, но только тут понял, что под одеялом одежды на нём нет, что она развешана на верёвках, а слабое свечение, делающее очертание предметов видимым, исходит от его раковины, лежащей на столе.

Старик улыбнулся: «Не верится, что дождался тебя. Хотя пророчества Синицы всегда сбываются». Тут Игорь вспомнил, что деда здесь считают чокнутым, и внутренне ждал. Не хватало ещё после всех перипетий оказаться во власти сумасшедшего старика с непонятными намерениями («Кстати, этот момент я рассказал много позже Стивену. Он его, конечно, существенно изменил, но «Мизери» я до сих пор считаю одной из самых сильных его вещей», – на секунду отвлёкся от повествования Дэв).

– Вы меня ждали? – осторожно спросил Игорь.

– Да, мой мальчик, и очень долго. Я уже гораздо древнее, чем просто старик. А тебя всё не было. Впрочем, ничто не приходит рано или поздно, всё приходит в своё время. «В ночи, наполненной топотом и запалённым дыханием, лучом зари блеснёт ключ в ладони юноши. Ты откроешь ему дверь и только тогда сможешь закрыть её за собой», – так написано в книге Снежной Синицы.

– Что за Синица? И моя раковина – ключ? Но к чему?

– Ключ или пароль. По нему я понимаю, что именно ты – следующий, и именно тебе я должен рассказать всё. Поверь, таких раковин в этом отрезке времени больше ни на одном побережье никто не найдёт. Та, что в книжном у девочки, – просто ракушка, пусть и очень красивая. Ключ всегда один. Иначе бы шастали кто ни попадя – не дверь, а вертушка на проходной. Ну, пора. Можешь встать?

– Мы куда-то идём? В посёлок?

– Нет. Но мы с тобой прогуляемся: легче рассказывать, показывая. Только давай договоримся, больше без обмороков!

Старик достал с книжной полки полотняный свёрток, развернул ткань и показал Игорю небольшой, напоминающий морскую мину шар с закруглёнными на концах шипами. Шар был тёмный, выточенный из какого-то дерева. «Он называется «Рассветная звезда», – сказал дед. Не выпуская из

своей руки, он накрыл шар ладонью мальчика и нажал один из шипов. Запахло сандалом и жжёным сахаром, пространство вокруг пошло волнами...

– Конечно, вы уже догадались, куда дед Михаил (так его звали) отвёл меня? – спросил Дэв.

– В Снежносиничье... – потрясённо ответила Лена. – Значит, ваши романы...

– Не выдумка, нет. Я не совсем писатель, я больше летописец – пишу только об увиденном.

По сути, каждая моя книга – это что-то типа годового отчёта там, в другом мире. Только у нас здесь проходит не год, а все четыре, этим и объясняется частота выхода моих романов. Но сейчас я дописал последний, он уже проходит корректуру, к весне появится в книжных.

Я описал всё с первого дня появления там. И племя змееногих, первыми принявших меня и до сих пор остающихся моими самыми верными друзьями. И мои неуспешные попытки овладеть магией, и успешные – усовершенствовать её технологиями. И ту вражду между землями Совиных перьев и Земляной крысы, которая длится до сих пор... События всех двенадцати томов.

– В голове не укладывается... То есть дед Михаил оказался хранителем этого шипастого шара – механизма, который позволял ходить между мирами... Тот мир старел, ему нужен был новый поток энергии, знаний, так сказать, новая кровь, иначе их ждало неминуемое вырождение, несмотря на всю магию. Пророчество указало, что придёт «многих знаний носитель» – юноша-полимат, с особой раковинной, и ему можно будет доверить тайну того мира...

– Всё верно. Только Рассветная Звезда готова осуществлять переход и сейчас. Дед Михаил из-за неё не мог тогда уехать из полуразрушенного дома у моря – там какие-то тонкие наводки, особые условия для работы механизма. Десять метров в сторону – и перехода не случится. И период, когда я искал новое место, где Рассветная Звезда работала бы без помех, был периодом одного из сильнейших кризисов Снежносиничья. Таких мест в мире всего пять, и этот дом – одно из них.

Лену трясло от волнения.

– Вы хотите сказать, что я – следующий хранитель Звезды? Но почему я? Как вы поняли это?

– Лена, Лена, успокойтесь и включите здравый смысл! Конечно, я пригласил вас не просто так. Несколько лет я изучал всё, что в мире писали о полиматах, но ваши исследования показали мне самыми убедительными. Ближе к разгадке феномена людей, запускающих новый виток прогресса, не подошёл никто. Это важные знания о природе человека, они помогут избежать стагнации того мира в дальнейшем. А месяц назад в интервью вы упомянули о своём талисмани – раковине, найденной на блошином рынке в Питере. И фотография, где вы с ней, на полстраницы. Я узнал раковину – это та самая, из моего детства. Сомнений больше нет.

– Но почему сейчас? Ведь вы могли бы и дальше писать книги и двигать науку в двух мирах. Но вы сказали, что... умираете. Это правда?

– Не я, Нина. – Дэв протянул руку и нежно пожал тонкое запястье жены. – Я сам ещё долго мог бы жить на два мира. Но у Нины недавно диагностировали неоперабельные изменения гортани, она уже не может говорить. С таким диагнозом здесь можно протянуть не более полугода. Но в мире Снежной Синицы многое лечится, там приходят новые силы, старость отступает. Вы не поверите, но и дед Михаил жив до сих пор! После того, как он передал Рассветную Звезду мне и переселился в Снежносиничье, он окреп и сейчас входит в Совет мудрейших. И мои родители... за особые заслуги мне было позволено переселить их туда. Отец с дедом Михаилом – лучшие друзья. Мой отец – химик, и с его появлением их познания в фармакологии очень сильно выросли. Мама помогает ему, она там лучшая травница. Так что с Ниной всё будет хорошо, мы уверены. А я... я умру фигурально – только для этого мира.

– Подождите, вы что, собираетесь инсценировать свою смерть? Как иначе можно объяснить ваше исчезновение?

– Да, мы обдумываем этот сценарий. Вероятнее всего, это будет авария: я за рулём, не справился с управлением, мы на полном ходу улетим с дороги в водохранилище, машину не найдут. Технически это не очень сложно устроить. Но нам надо торопиться, я должен научить вас переходу, и, что немаловажно, оформить на вас дом по завещанию. Уверен, это вызовет подозрения, но у меня очень сильный адвокат – мой старый друг по совместительству. Он вам поможет.

Лена в задумчивости морщила лоб. Как странно всё...

– Ни в одной из ваших книг нет ни слова о Нине...

– Ну как же? А моя прекрасная спутница, начиная с третьего тома? Да, она не часто упоминается в книгах, её задача – обеспечивать тылы здесь, в нашем мире. Нина появилась в моей жизни, когда я вырос, но продолжал фонтанировать «мальчишескими бреднями», как называли мои рассказы о другом мире окружающие. Часто эти истории не укладывались в прокрустово ложе советской идеологии. Меня пытались признать сумасшедшим, и на одной из комиссий Нина, тогда ещё аспирант, спасла меня от «дурки». Могли бы заколоть препаратами, превратить в «овощ». Так мы познакомились, и с тех пор неразлучны.

Лена обхватила голову руками. Очень трудно осмыслить всю эту историю, и столько вопросов ещё в голове...

– Игорь, вы наверняка пытались объяснить действие Рассветной Звезды. Как она работает? Изменение пространственно-временного континуума?

– А я не знаю, – весело ответил Дэв. – Правда. Не всю магию можно объяснить наукой, наши познания пока недостаточны. Но этот механизм меняет что-то... Вот мы знаем, к примеру, что длина Невского проспекта, главной его части – четыре километра. А знаете, что это не случайно? По одной из версий, протяжённость Невского – это то расстояние, которое человеческий взгляд охватывает до точки, когда Земля начинает закругляться. Понимаете? Что бы мы ни делали в этом мире, мы ограничены физическими процессами, явлениями, законами. А этот механизм неведомым способом отменяет их, создаёт новую физику! Образно говоря, Невский теперь – безграничен! Увы, принцип действия Рассветной Звезды мне даже приблизительно непонятен: перестраивает ли он кристаллические решётки, меняет ли цепочку ДНК обладателя, пронзает ли время или ещё что-то, но это, чёрт возьми, происходит!

За окном уже плескался вечер, айвовое варенье кончилось. Дэв уверил, что в следующий раз познакомит Лену с работой Рассветной Звезды, а главное, они побывают в Снежносиничье. А сейчас надо, чтобы вся информация немного выстроилась в её голове, иначе может быть срыв. Пора было прощаться.

Лена вспомнила преследовавший её утром свист и с опаской выглянула в окно. «Не беспокойтесь, – с улыбкой сказал Дэв, словно угадав её мысли. – По дороге обратно вам нечего опасаться. И простите меня за те маленькие меры предосторожности, которые я предпринимаю, ограждая нас от вторжения журналистов и прочих непрошенных гостей. Мои друзья из Снежносиничья стерегут дом».

Они тепло простились на крыльце, Нина обняла Лену и вручила пакет с тёплым ещё пирогом.

Закрыв калитку, Лена, как сомнамбула, побрела в сторону города. Сомнений, что всё, рассказанное Дэвом, правда, у неё не было. Она без колебаний приняла мысль, что привычная, устроенная жизнь уже не будет прежней. Лена начала набрасывать план ближайших дней – столько всего надо успеть! Размышляя, она сделала несколько шагов по тропе и замерла: на снегу пролегал извилистый след с четкими отпечатками крупной чешуи. Раздался знакомый свист, и над заметённой тропой заплясали разноцветные светлячки, указывая дорогу.

Тамара СЕЛЕМЕНЕВА

п. Развилка, Московская обл.

Селеменова Тамара Николаевна. Родилась на Кубани. Окончила Академию народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. Член Союза писателей России, литературного объединения «Точки» при Совете по прозе СП России (Москва). Участник литературной лаборатории «Красная строка», литературных объединений им. Ф. Шкулёва (г. Видное) и «Рифма+» (пос. Развилка). Публиковалась в местных СМИ, в «Антологии русской прозы» и «Антологии русской поэзии», в альманахах Российского союза писателей (2020, 2021, 2022). Призёр ряда международных и всероссийских конкурсов, финалист литературных премий «Наследие», «Русь моя». Лауреат премии «Золотое перо Московии». Автор книги стихов «Из детства я храню любовь к земле» (2018) и 2 книг прозы.

Они всё-таки встретились

Рассказ

Такой ранней и холодной зимы в Подмоскowie не помнили. С первой декады ноября установились крепкие морозы. Люди отряхивали с обуви и одежды снег и спешили поскорее зайти в помещение, в тепло. У входа в торговый центр, под навесом, уже долгое время стоял чёрный пёс. И хотя на нём имелся ошейник, заметно, что он успел побродяжничать: всклокоченная, невымытая шерсть, впалый живот и растерянный взгляд. На вид собака совсем молодая, не более года. Тело напряжено, пёс дрожал, тянул нос к каждому новому посетителю и поворачивал морду вслед всем выходящим, пытался заглянуть в глаза. Казалось, его облик кричал: «Ну где же ты? Я скучаю! Я жду и так хочу домой!».

Две девочки остановились и стали гладить собачку.

– Пёсик, хороший... – он доверчиво жался к ним, принимая ласки, и всем своим видом словно просил: «Заберите меня! Я очень домашний, послушный и добрый. Ну почему меня не ищет мой хозяин и я никому не нужен? Мне голодно и холодно».

К девочкам подошла симпатичная женщина с сумками в руках. Она с теплом в глазах посмотрела на собаку, которую заприметила, когда только пришла за покупками. Прошло не менее получаса, а пёс всё ещё стоял и чего-то ждал.

– Это ваша? – спросила она девочек.

– Нет, она, наверное, потерялась. Смотрите, какая умная, ласковая. Породистая, лабрадор, похоже. Может быть, вы возьмёте?

Вздохнув, женщина покачала отрицательно головой. Она не могла взять собаку. Её Джой, старенький пинчер, поймёт, что ему нашли замену, будет ревновать и даже болеть. Кроме того, у неё большая семья, двое детишек... В доме и так тесно, да и времени совсем не хватает. А тут ещё большой пёс, тоже требующий внимания.

– Нет, никак не могу, – произнесла Люся с сожалением и направилась к своей машине.

– А мы ещё немного постоим с ним, может, хозяин придёт, – понадеялись девочки.

С одной стороны, Люся порадовалась, что с пёской остались неравнодушные девочки, но собака не выходила из головы, и через несколько часов Люся не выдержала и вновь направилась к магазину. Девчушки, вероятно, ушли домой, а понурый чёрный силуэт виднелся издали. Пёс всё также с надеждой в глазах встречал и провожал покупателей, высматривал, может, кому-то окажется нужен.

Конечно, больше всего на свете он хотел найти хозяина, но его нет. А пёс так устал! Люся подошла, увидела молящие глаза и поняла, что уже не уйдёт. А он словно только её и ждал, по первому зову вскочил в багажник машины.

Муж не сильно удивился появлению нового жильца во дворе. Он обнял Люсю за плечи и задумчиво произнёс:

– Я знал, милая, что ты у меня сама доброта. И, наверное, поступил бы также. Но как ты собираешься совмещать все эти заботы и хлопоты? Хватит ли сил и времени?

– Я попытаюсь найти его хозяина. А пока пусть поживёт у нас. Ты же не против?

Странно, предложенную кашу собака понюхала, но есть не стала. А вот сухой корм съела с удовольствием. Это ещё раз подтвердило, что раньше пёс содержался в хороших условиях, имел хозяев. «Значит, точно потерялся», – подумала Люся.

И начались поиски. В Ватсапе, Фейсбуке и Инстаграме – на всех возможных сайтах женщина разместила объявления, фото и видео.

– Не волнуйся, найдём мы твоего хозяина, – успокаивала она нового жильца, почёсывая его спину и за ушами... Он застывал, прижимался доверчиво к коленям и внимательно слушал.

Пса, по его реакции на разные клички, решили звать Рэем. Он охотно и с готовностью садился, ложился, приносил предметы по команде «Апорт» и даже полз!

– Чудо, а не пёс, – неоднократно хвалила Люся. – Жаль, у меня нет возможности оставить его себе. А с другой стороны, ведь плохо не только собаке. Где-то есть любящий хозяин или хозяйка, которые тоже страдают и, наверное, ищут её. Особенно обидно, что случилось это незадолго до Рождества, когда все ждут праздника, готовятся к нему.

Несколько звонков оказались ложными. То искали совсем другую собаку, а то и просто кто-то глупо шутил. Рэй реагировал на каждый звонок, словно понимал, что решается его судьба.

Наконец, объявления дали результат. Позвонил мужчина, представился Александром, подробно и с волнением в голосе расспрашивал:

– А у него есть небольшой шрам под правой задней ногой и маленькое уплотнение на ухе? Он стерилизован? Попросил поднести телефон к уху собаки. Услышав его голос, пёс встрепенулся, радостно залаял и даже потрогал телефон лапой.

– Всё сходится, – заключил Александр.

Он рассказал, что воспитывал пёску с маленького щенка, ходил с ним на площадку, тренировал, обучал командам. И вот Рэй, именно так зовут его пса, потерялся, убежал на вечерней прогулке, испугался запущенных близости петард. Договорились о встрече у Люсиного дома.

Время шло, Александр не приехал ни в этот день, ни на другой и, странно, даже не позвонил. Норов собаки тоже резко изменился. Пёс стал вести себя необычно: нервничал, подвывал, норовил выскочить за калитку. Его поведение как бы говорило: «Ну где же хозяин? Почему не приезжает за мной? Наверное, ему плохо и с ним случилась беда!».

Александр так и не появился, на звонки, сообщения не отвечал. Рэй загрустил и, словно понимая, что никому не нужен, целыми днями лежал у калитки. На прогулках оборачивался на всех проходящих мужчин. В ушах звучал голос хозяина, он помнил его замечательный, такой родной запах, игры и работу на спортплощадке над командами. Ему очень нравились эти тренировки, и он ждал их, с удовольствием подчиняясь командам главного в его жизни человека, друга, вожака их стаи! Пёс представлял, как хозяин приведёт его домой, им будет весело и они снова отправятся вместе на охоту... Он даже выл от тоски.

Люся видела и понимала переживания найдёныша, не бросила несчастного и возобновила поиски. Через какое-то время позвонила женщина, сообщила, что они с мужем хотят взять собаку и именно лабрадора. Люся замаялась, она всё ещё надеялась. Но через несколько дней, потеряв веру в Александра, дала согласие.

Пара приехала на такси. Водитель представился Романом, сказал, что он таксист, только закончил смену, взял жену, и вот они с Мариной здесь. Перед Люсей стояла приятная, миловидная женщина, со вкусом и опрятно одетая.

Когда они появились, Люся пригласила соседку, заядлую собачницу, присутствовать при разговоре. Что-то их обеих настораживало. Что – понять не могли.

Собака понравилась. Марина настойчиво твердила: «Всё, берём».

Роман спросил ещё раз серьёзно подумать.

– Дорогая, ведь ты не на рынке, и это не игрушка, живая душа, – повторял он. – Я много работаю, целыми днями, а то и по ночам за рулём. Все заботы, гуляния лягут на твои плечи. Ты такая стильная, нежная... Справишься ли с такой большой, сильной собакой?

– Ещё как справлюсь! Я всё обдумала, берём!

Люся поставила обязательное условие созвонов и даже возможности посещения, хотела быть уверенной, что с Рэем всё будет в порядке. Наконец, пара повела пса к машине. Неожиданно он, обычно послушный, стал упираться, пытался вырваться, растерянно оглядывался.

Тем же вечером новая хозяйка сообщила, что Рэю купили новый ошейник, поводок, и у них всё прекрасно. Но Люся по-прежнему испытывала неясное беспокойство. Через несколько дней Марина отвечала как-то невпопад, заплетающимся языком убеждала, что всё у них нормально. Даже прислала по ватсапу фото собаки, на котором пёс стоял, уткнувшись мордой в дверь, и явно просился гулять, а может, и совсем из этого дома. Люся поняла, что Рэю там совсем не хорошо и не всё в порядке.

Она связалась с Романом. Мужчина собирался звонить ей сам и огорошил признанием, что никакие они не муж и жена, вместе всего три месяца, квартиру снимают. Марина ведёт себя несерьёзно, ветрено, под разными предложениями периодически исчезает на три-четыре дня. Он согласился взять собаку, думал это сделает её более ответственной. А вчера вдруг узнал, что она серьёзно больна – наркоманка со стажем... плотно сидит на какой-то дряни.

– Прошу вас забрать собаку, так как мне надо что-то предпринять с Мариной. Я люблю эту женщину и намерен серьёзно заняться её лечением. Иначе она просто погибнет. От неё все отказались! – с горечью сказал Роман. – Вот вы даже собаку не бросили, волнуетесь о ней! И я тоже пса не выбросил. А здесь – молодая жизнь, которая может оборваться в любой момент. И к людям, и к животным надо относиться по-доброму, по-человечески! Как только вы заберёте Рэя, я определю Марину на лечение и обязательно вырву из этого болота!

Расстроенная сообщением Романа, переживая и за сбившуюся с пути молодую женщину, и за собаку, Люся в тот же день вместе со взрослой дочерью Анной приехала к дому и попросила Марину выйти во двор. Еле держась на ногах, та присела на лавочку. Рэй вырвался с поводка и бросился к Ане – дочери Люси.

– Прости, видишь, это настоящая хозяйка нашлась. Я не могла ей отказать, – пояснила Люся, смущаясь от того, что приходится говорить неправду.

Марина сидела на лавочке с безучастным выражением на лице. Было понятно, что ей сейчас совсем не до собаки: «Заберёте, ну и ладно».

А в Люсином дворе вновь слышались команды и лай Рэя. Для него построили тёплую будку, Люся выводила его на прогулки и уже свыклась с тем, что собака останется у неё. Правда, держать его в доме она не могла. Как только Рэй входил, маленький Джойчик начинал трястись, забивался под диван, жалобно тявкал. Весь его вид умолял: «Уберите, я его боюсь, он меня съест!».

Приближалось Рождество. Полным ходом шли приготовления к празднику. В домах и на улицах наряжали ёлки, развешивали светящиеся гирлянды и разные украшения. Люди спешили приобрести подарки для родных и близких. Хозяйки продумывали праздничное меню. В один из дней вдруг раздался звонок по домофону. Люся увидела незнакомого человека.

– Это Александр. Простите, что не приехал тогда. Я очень тяжело болел, долго лежал в больнице. Телефон потерялся, позвонить не мог. Но мысль, что пёс нашёлся, и мечты о встрече давали мне силы, помогли выздороветь, – объяснил он, пытаясь заглянуть во двор, где у калитки стоял на задних лапах, скулил и нетерпеливо рвался на улицу Рэй.

– Хорошо, что вы так подробно объяснили тогда, как вас найти. Вот я и приехал. Пожалуйста, покажите мне собаку. Я так боялся, что вы успеете его кому-нибудь отдать! Вы ведь не отдали? – с надеждой проговорил мужчина.

Люся открыла калитку, и пёс вылетел, запрыгал, завертелся вокруг Александра. Он лизал его руки, мокрое от слёз лицо... Потом подбежал к своей спасительнице, опять к хозяину, стал нарезать вокруг них круги, демонстрируя, как он счастлив. Пёс смешно задирает верхнюю губу, улыбался, торжествовал: его хозяин нашёлся! Он его любит, заберёт домой!

«Они всё-таки встретились! Это настоящий Рождественский подарок и для них, и для меня! – подумала Люся. – Теперь всё будет хорошо!»

С той поры Александр с Люсей периодически созваниваются, вместе радуются успехам Рэя на тренировках. На комиссии по итогам занятий пёс получил отличную для юниора оценку – «Высокая перспектива».

Прошло несколько месяцев. Люся собралась по делам и заказала для поездки такси. Подъехала машина, она села на заднее сидение, и, вот уж правду говорят, что «мир тесен». Таксист улыбался, водителем оказался Роман. Он с радостью сообщил, что Марина вылечилась, её поведение изменилось. Она привезла от мамы своего ребёнка, о котором он раньше даже не знал! Оказался очень славный мальчуган. И всё у них сейчас чудесно.

Скоро они исполнят свою общую мечту и возьмут щенка лабрадора.

Олег СЛОБОДЧИКОВ

г. Иркутск

Филолог. Историк. Член Союза писателей России. Автор 12 книг. Лауреат премии журнала «Москва» (2000). Трижды лауреат премии губернатора Иркутской области. Лауреат Национальной премии им. В. Г. Распутина (2021 г.).

Васька

Отрывок из повести* «Волколаки»

(По старославянским поверьям, волколаки – это люди, умеющие превращаться в волков, и волки – в людей.)

В начале декабря Васька всё же собрался в тайгу. Брать с собой отцовское ружьё, чтобы возвращаться с тремя, он поленился, подумал, что на гари теперь нет ни зверей, ни птиц. Пустыня. Под Федькину одностволку двенадцатого калибра, оставленную в тайге, патронов не было. При Серёгиной «мелкашке» было с полпачки, если они целы после пала. Прикинул: на сильном жеребце день туда, день обратно – и ночлег в зимовье. Особо грузиться не стоило. А Лиза отчего-то сильно волновалась и не хотела отпускать его. Несколько раз переспрашивала, когда вернётся.

– Овса беру на пару дней. Осталось ли сено на конюшне, не знаю. Хочешь не хочешь, надо поторапливаться.

Он обнял её, скрытно раздражённый бабьей блажью, подпоясал отцовским ремнём старенький полушубок, вскочил на затанцевавшего жеребца. Застоявшийся за лето, тот с места пошёл галопом, только серые комья земли полетели из-под копыт.

Снег уже ровно покрывал тайгу сантиметров на двадцать и скрывал мрачную картину пала. Чёрные, обожжённые берёзы, ели, кедры и сосны в жёлтых подпалинах молча корили за то, что всадник тоже был человеком; и Васька болезненно стыдился за всех тех, кто корысти ради губил лес. Давно нехоженная тропа едва угадывалась по просеке, не так часто перекрывалась валежником. Васька торопился, пускал жеребца то рысью, то переходил на галоп. Пару раз спешивался, вытаскивал из-за пояса со спины топор, прорубался, опасаясь, что к ночи может не успеть в зимовье. А цело ли оно, одному Богу известно.

После полудня, почаявничав у костерка, Васька в очередной раз вскочил в седло, сунул за ремень черенок топора и пустил жеребца тряской рысью; с полчаса они свободно двигались по просеке. Вдруг конь резко остановился, захрапел, оглядываясь по сторонам.

– Волка учуял, что ли? – Васька раздражённо поддал пятками в бока.

Жеребец скакнул с места, взбрыкнул копытами, и тут Васька увидел их, прижимавшихся к снегам, серыми лентами мчавшихся среди чёрных деревьев. Кустарник летом выгорел, видно было далеко. Всадник удивился, что волков было не меньше десятка. Про такие стаи в тайге он не слышал. Потянув узду на бок, резко развернул жеребца в обратную сторону, поддал в бока, отпуская в галоп. Но волки были уже близко, припадая к снегу, выбрасывая его из-под себя лапами, они мгновенно разделились на три равных группы, и Васька понял, что их больше десятка.

Вместо того чтобы броситься в обратную сторону по следу, жеребец заржал, встал на дыбы, лязгнув подковами, так взбрыкнул и повернулся на месте, что Васька вылетел из седла, распластался на снегу, резко вскочив, выхватил из-за спины топор. Но волки даже не взглянули на него и погнались храпевшего коня. Он лягнулся, крутился, бросался то в одну, то в другую сторону вместо того, чтобы бежать по своему следу, и вскоре скрылся среди деревьев. Васька смахнул таявший снег с лица, понял, что помочь ему уже не сможет, да и для самого оставался один выход: ночлег в зимовье. Снег спутывал ноги, Ваське казалось, что он ползёт по тропе.

Зимовье оказалось целым. Он подошёл к нему в темноте долгой зимней ночи. Дверь была распахнута. Васька осветил спичкой порубленные на дрова нары, одеяла и подушки на полу, несколько пустых бутылок. Здесь явно побывали лесорубы. Но после всего случившегося и это была удача. Он на ощупь настрогал, изрубил полубревно с нар и растопил печку, слегка осветившую избушку. Потом так же в темноте выломал жерди из конюшни, разделявшие загон двух лошадей. Сырая, промёрзшая избушка наполнялась теплом. Продукты остались притороченными к седлу жеребца, но под полом были припрятаны консервы: пара банок тушёнки и сгущённое молоко. Он нашёл их и порубил на дрова отодранную половицу. Нетерпимо хотелось пить. Кастрюля и чайник были спрятаны в стороне от зимовья. Он всё-таки нашёл их, набил снегом, вскрыл банку тушёнки, поставил её на печку, при мечущихся отсветах огня стал сооружать место ночлега на остатках нар.

Всё складывалось не худшим образом. Вскоре на сале из консервы Васька соорудил копилку, она ярче осветила стены некогда уютного жилья и жалко болтавшуюся на окне занавеску, повешенную Лизой. Растаял снег, Васька жадно напился холодной воды с запахом пыли, хвои и гари, съел разогревшуюся тушёнку без хлеба и сухарей, скинул старенький овчинный тулуп и с удовольствием вытянулся на ещё не прогретых одеялах. Тело слегка знобило, гудели натруженные ноги, гулко билась в голове ещё не успокоившаяся кровь.

Спал он долго. Открыл глаза, когда уже светилось запалённое оконце. Взглянул на ручные часы – половина двенадцатого. Васька быстро обулся, нарубил дров поблизости от зимовья, растопил печку, слил в кастрюлю ещё не застывшую воду из чайника, сунул топор за опояску и пошёл искать ружьё. Пришлось повозиться, прежде чем он нашёл укрытые снегом тайники. Дробовик и «мелкашка» были целы, но изрядно поржавели, нашлись и малокалиберные патроны – полтора десятка. Латунные гильзы покрылись зелёным налётом окиси, кожа на ружейных ремнях была погрызена мышами.

Он вернулся к прогоравшей печке, когда последние лучи солнца скользнули по верхушкам деревьев и погасли. Выходить в ночь не было смысла. Васька подбросил дров в печку, тоскливо взглянул на последнюю банку тушёнки и решил подкрепиться. Стал греть её, чистить и расхаживать затвор винтовки, скосить гильзы: всякая мгновенная задержка при возможном нападении волков могла стоить ему жизни. Следующий ночлег предстоял в тайге, а из еды оставалась только банка гущённого молока.

При мутном рассвете утра он напился кипятка, приправленного гущённым молоком. Заткнул дырки в ополовиненной банке, сунул ватное одеяло в мешок из-под комбикорма, сверху положил кастрюлю и банку молока, приспособил обрывки веревок под ляжки заплечного мешка и вышел с двумя ружьями: одно за спиной, другое на груди.

Тускло светило солнце сквозь низкие тучи, было тепло и безветренно, как перед снегопадом. Сберегая силы, он продвигался, стараясь ступать в свои следы. Почти перед закатом был на том самом месте, где его сбросил жеребец. Вытоптаный снег покрывали брызги крови. С малокалиберной винтовкой наизготовку, Васька пошёл по путаному и размашистому следу копыт, ещё издали увидел вытоптанную до земли поляну, грозно оскаленные зубы жеребца с обгрызенными губами и кособоко топорищившееся седло.

– Не ушёл, лихач! – пробормотал, приближаясь к останкам. – Был силен, а умишка не хватило, – добавил с сожалением, может быть, с лёгким осуждением.

Туша была съедена почти полностью. Богатые грива и хвост втоптаны в грязный снег. Оставались только голова, подкованные копыта, разбросанные по сторонам, да часть мяса под рёбрами на которых лежал жеребец. В стороне, в неестественной позе, задрал лапы, валялся волк с разбитой головой. Седло, потник, подпруга из пожарного шланга были целы, хоть и сильно испачканы кровью. К удивлению и радости Васьки, оказались целыми притороченные к ним мешки с овсом и дорожной снедью.

Первым делом он отрубил топором кусок от промёрзшей булки хлеба, настрогал ножом свиного сала, сунул их за щеку, другой ломоть с салом положил за пазуху подогреть. Расстегнул подпругу, легко вытянул её из-под костей жеребца, забросил седло на сук лиственницы, овёс оставил в стороне птицам и мышам. Присел на валежину, пережёвывая оттаявший хлеб с салом, почувствовал на себе пристальный взгляд, резко обернулся, подхватив винтовку, и глаза в глаза встретился с настороженным взглядом волка. Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Потом волк поднялся с лёжки, неловко скакнул раз и другой, волоча по снегу отвисшее брюхо. Это был Лисапед.

Проковыляв десяток метров, волк снова обернулся, они с Васькой побуравили друг друга настороженными, испытующими взглядами, и Лисапед, не отрывая глаз от человека, снова лёг, почему-то уверенный, что тот ему не опасен. Васька первым отвёл от него глаза, отколол ещё куски хлеба и сала, сунул в рот, поднялся, накинул на плечо окровавленный вещевой мешок, подхватил ружья, мешок с одеялом и зашагал к тропе. Сытые волки, залегшие где-то неподалёку от останков жеребца, не были опасны, но надо было отойти от них как можно дальше.

В сумерках Васька стал готовить ночлег: разгрёб снег ногами, развёл большой костёр. Вокруг было много обгоревшего валежника, дрова доставались без большого труда. Закутавшись в одеяло, он переждал, передремал возле огня долгую, зимнюю ночь. Снегопада не случилось, хотя днём и ночью мелкими блёсками несколько раз начинали мельтешить снежинки. На рассвете Васька натопил из снега воды, заправил её хвоей кедра, позавтракал хлебом и салом, повесил на дерево мешок с одеялом и кастрюлей, двинулся дальше по слегка припорошенному следу жеребца. Идти по нему было трудней, чем по своим следам.

Он пришёл поздно, в темени ранней декабрьской ночи. Едва скрипнул калиткой, из дома выскочили Лиза с Таней, бросились на него со слезами. Лиза, рыдая, тёрлась лбом о пропахший едким дымом тулуп и колотила его кулаками по плечам:

– Обещал за два дня! Почему задержался? Мне же нельзя волноваться!

Васька обнял одной рукой жену, другой – дочь, подхватил их под бока и поволок к крыльцу. В доме был странный запах, тепло и многолюдно. Возле печки сидели отец, Север, Агроном и Люськин муж. Все удивлённо взглянули на ввалившегося Ваську и будто разом с облегчением выдохнули.

– Ну и ладно! – поднялся Почтарь. – Пойду. Поздно уже.

Окинув Ваську радостным взглядом, поднялся с места Агроном. Север, улыбаясь, ткнул Ваську кулаком в плечо. Отец же, глядя на сына пристальным, неприязненным взглядом, резко спросил:

– Хватит сил помыться? Баня ещё тёплая.

Васька приставил к стене ружья, скинул полушубок. Трое гостей весело вышли из дома, не спрашивая, что случилось в тайге. Васька стал разоблачаться. Жена и дочь, всё ещё шмыгая носами от пролитых слёз, помогали ему раздеться. Он устало тряхнул головой, перебрросил через плечо чистое полотенце и только тут заметил, что под иконой бабушки горит восковая свеча. Она и придавала дому тот странный запах, который удивил в первый миг.

– Что за собрание? – спросил, кивнув на дверь, вслед ушедшим соседям.

– Чаво, чаво? – раздражённо ругнулся отец, по-псиному выплёвывая слова, как сиплый лай. – Собрание как собрание! Агроном цельный пятилетний план докладывал. Хочет объединить наши гектары, посадить картошку по-новому, технически. Опять же куда ссыпать её в зиму? Говорит, наладим брошенное овощехранилище. Почтарь: «Так заberi нашу землю, всё равно зарастает

сорняком, а овощехранилище сделаем – хозяин объявится». Агроном – про договор и сторожа. Север, понятно дело, – надо надёжну крышу. Без неё сожрут!

Усталость валила с ног. Васька нахмурил брови, с недоумением глядя на злившегося отца, пожал плечами, пытаясь понять, с чего бы. Дочь и жена с недоумением переводили глаза с одного на другого.

– Думали, как тебя искать! – слёзно вскрикнула Таня, с укором взглянув на деда.

Васька с пониманием кивнул, набросил на голые плечи тулуп, пропахший дымом костров, и вышел на крыльцо. Небо было чистым, ярко светила луна. Она и помогла добраться до дома в ранней ночи. Васька хлопнул дверью бани, вскоре к нему прибежала Лиза, стала поливать его тёплой водой из ковша. Фыркая, оттираясь и снова намыливаясь, он спросил вдруг:

– А почему тебе нельзя волноваться?

– Так я же беременная! – обидчиво вскрикнула она и снова тихо заскулила, залопотала с покаянными слезами. – Не сказала сразу, боялась сглазить. А тут такое, – и уже спокойней, шмыгая носом, с умилением добавила: – Хорошо бы двойню, как у Люськи, и рожать легче, и кормить. Только застучу ложкой студить кашу, Люськины, как волчата, друг на друга смотрят, едят с жадностью, только успевай всовывать одному, другому... Двойня – это хорошо! – прерывисто вздохнула пережитыми страхами. – А Жеребчик где? – спохватилась.

– Потом расскажу! – отмахнулся Васька, ополаскиваясь. Он вернулся в дом с мокрой головой и влажным телом. Отец всё с таким же разъярённым лицом сидел у печки и ждал объяснений.

– Почему без ружья ускакал, лихач хренов? – спросил всё так же резко и зло.

– Думал, на гари пустыня, ни птиц, ни мышей!

– Думал-думал! – передразнил отец. – Башка зачем дадена?

Васька стал рассказывать о случившемся. Отец слушал, мягчал, добрел, а после и вовсе зашмыгал носом, глядя под ноги и покачивая головой. Потом спросил, не поднимая глаз:

– Не со страху показалось, что стая така больша? В тайге сроду не сбивались больше пяти-шести?!

– Не мог ошибиться! Когда разделились лавой на три захода, в каждом было не меньше трёх. Это хорошо помню.

– Вот ведь! – со вздохом скрипнул зубами отец. – Тоже выживают, как могут. То ли ещё будет, когда выжгут и вырубят тайгу... А жеребец, считай, тебя спас. И не только тебя: кабы прибежал домой покусанный, Лизка с Танькой с ума бы сошли, а волки вернулись. Против такой стаи и с автоматом не выстоять!

Лиза с Таней опять тихонько заскулили и стали стелить постели. Отец поднялся, оделся, потоптался у порога:

– Ладно! Машка, поди, извелась, всё намаливается, пойду, успокою. И напоследок, уже возле двери, добавил, пошмыгивая носом после пережитого: – Надо обнести заборами повыше: мне, вам, Северу, агрономам, почтарям жить подружней и оружие держать под рукой, пока не передавили поодиночке. Идёт она ... эта приватизация плюс химизация всей страны.

– Выживем, батя! – уверенно ответил Васька, обнимая жену и дочь, припавших к нему с двух боков. – Или мы не волколаки.

Татьяна БИРЮКОВА

г. Видное, Московская обл.

Член Союза писателей России, Союза краеведов России. Автор 7 книг стихов и прозы. Почётный писатель Московской области. Победитель ежегодной премии губернатора Московской области «Наше Подмосковье» за проект «Возвращение к истокам». Публиковалась в журналах «Поэзия», «Московский краеведческий журнал», «Параллели», в газете «Московский литератор», «Литературной газете», в альманахах и коллективных поэтических сборниках Москвы и Подмосковья.

Балетные туфельки, или Новая счастливая жизнь

Сказка

Снег падал густыми хлопьями, укрывая всё вокруг; вскоре и дом, и сад, и дорожка с яркими фонариками стали необыкновенно красивыми и таинственными. Приближалось сказочное Рождество, и радостно к нему готовилась хозяйка. Пахло корицей и ванилью. В гостиной с венецианскими окнами стояла большая ёлка со старинными игрушками, с расписными золочёными стеклянными шарами и бусами, на густых ветках – голубые и красные банты, конфеты. На камине – фарфоровые куклы разной величины, соперничающие в красоте между собой, а с камина, свесив лапу, смотрел вниз фарфоровый пёс. Эти игрушки давно встречают вместе с хозяйкой праздник.

Анна, красивая рано поседевшая женщина, уже много лет в предрождественский вечер одна. Её окружают только две кошки и две собаки. Она поставила свечи перед портретами мужа и сына, улыбнулась женщине в светлом платье, вспомнила ушедших в иной мир родителей, бабушку. Грустно – уснула в слезах.

Большой дом окутала тишина, только в старом расписном сундуке с окантовкой медной полосой и коваными деталями по углам, привезённом из Индии, где хранилось множество домашних тапочек самой разной величины, продолжали шептаться, гордились, что у них такая гостеприимная хозяйка, что она бережно относится к обуви. Но тапочкам в сундуке было скучно. Так редко им удавалось увидеть полы с натёртым паркетом, на котором отражались огоньки, скользили солнечные лучи и двигались тени. Иногда в доме сверкала большая люстра или едва мерцал огонёк свечи.

– Ах, как долго у нас не было гостей! – вздохнув, прошептали красные с пушистым помпоном женские шлёпки после того, как всё в доме затихло. – Давно к хозяйке не приходила юная девушка, наверное, её дочь, с ножкой маленькой, как у Золушки. Может, уехала куда-нибудь.

– Да и господина с громким голосом, и весёлого старичка, и брата хозяйки из другого города, который любил громко петь, их тоже давно не видно, – добавили две пары одинаковых тапочек, удобных, войлочных. – Обидно, мы никому не нужны.

– Да, да, – пробасили большого размера мужские тапки, – нас тоже давно никто не берёт.

– И нас, и нас, – запищали детские туфельки.

Детских в сундуке было несколько: мягкие зимние и лёгкие летние. Кожаные с опушкой не вступали в общий разговор, они когда-то принадлежали бабушке Анне, гордились этим и даже считали себя важнее прочих. Зашептались всякие другие – их больше всего. Эти тапочки надевали разные люди, которые приходили к Анне, они тоже старались угодить гостям, согреть их, быть удобными, чтобы все остались довольны. А ещё в сундуке лежали мягкие турецкие туфли, расписные, с загнутыми носами, и клопты – традиционные деревянные башмаки из Голландии, их подарили хозяйке на день рождения, но они ей маловаты. Удивительное соседство!

У всех тапочек своя интересная история, их время от времени надевали, только балетные туфельки не доставали. Они лежали на самом дне сундука в углу. О них забыли?! Кому они принадлежали? Никто из находившихся в сундуке не знал их историю, и всем хотелось разгадать тайну. Износившиеся тапочки выбрасывали, приносили новые, но этот пакет с балетками просто не вытаскивали. Тапочки и туфли вспоминали прошлое и рассказывали о счастливых днях, когда у них были хозяева, в доме бывало много гостей и они веселились. Те, которым удалось увидеть мир вне сундука, рассказывали о своих впечатлениях. Но, наконец, тапочки, переполненные счастливыми воспоминаниями, угомонились и заснули. В сундуке стало тихо.

Утро. Хозяйка проснулась рано. Рождество! Радость наполнила сердце. Анна взяла со стола альбом, который листала накануне. Из него выпала маленькая фотография. С чёрно-белого фото ей радостно улыбалась девочка в балетной пачке. Анна вдруг вспомнила сон, в котором она кружилась на пуантах, потом падала, но чьи-то детские голубые глаза смотрели на неё с восхищением и любовью.

«Ой, это же я! Сколько мне здесь лет? – размышляла Анна. – Шесть или семь?»

Как давно это было. Воспоминания нахлынули, а вместе с ними и слёзы. Мечта стать балериной не исполнилась. Неосторожное падение – и она не могла больше стоять на пуантах.

«А где же маленькие балетные туфельки?» – их подарили Анне после одного из выступлений, но она не успела в них ни разу потанцевать. – «Куда же я их положила?».

Поспешила к сундуку, стоящему в чулане. Распахнула его, резко откинув крышку. Тапочки прижались друг к другу. Их госпожа никогда так не делала! Анна перевернула всё вверх дном и увидела свёрток – вот они, с розовыми лентами! Бережно повесила маленькие балетные туфельки на ёлку, смотрела и вспоминала, что хотела подарить их своей внучке. Много лет она не видела ни её, ни родителей, живущих далеко от родного дома.

Неожиданный звонок в дверь прервал грустные воспоминания.

«Кто бы это мог прийти в такой ранний час?» – подумала Анна, поспешив к двери.

Открыла. На пороге стояли дочь с мужем и внучка, ребёнок с голубыми глазами, ну точно из увиденного накануне сна.

– С Рождеством, бабушка! – звонким голосом приветствовала девочка. – Меня зовут Юлия.

– Входите, дорогие, – едва удерживая слёзы, сказала Анна, – я рада видеть вас!

Анна нашла в расписном сундуке тапочки для дочери и для Юлии.

«Ах, какое счастье! Мы опять стали нужны!» – восторженно шептали детские тапочки. О том же подумали и другие.

Пили чай с пирогами и вели разговоры о прошлом и будущем. Внучка поступила в балетную школу. Какая удача! – сердце бабушки Анны затрепетало, в глазах заблестели слёзы. Девочка рассказывала о новой школе, о новых друзьях, щебетала и щебетала, как птичка, бегала по комнате, кружилась в танце с красивой куклой, а бабушке казалось, что это её детство кружится, её жизнь продолжается.

Хозяйка не ждала гостей, и у неё не было подарка для внучки. И тогда она сняла с ёлки балетные тапочки и подарила девочке. Верилось, что её давняя мечта сбудется и Юлия будет прекрасной балериной. Анна радостно улыбалась... Балетные туфельки ликовали – у них началась новая счастливая жизнь!

Олег РОМЕНКО

Роменко Олег Сергеевич. Родился в Белгороде. Поэзия и проза публиковались в журналах «Наш современник», «Нижний Новгород», «Север», «Южная звезда», «День и ночь», «Ротонда», «Земляки», «Звонница» и других. Лауреат ряда региональных литературных конкурсов. Автор книги стихов «Волны времён».

«Я – русский»

Рассказ

Под Новый год к нам в типографию заглянул постоянный клиент Женя Храмской – владелец рекламного агентства «Две обезьяны». Этот приземистый голубоглазый блондин недавно обошёл все крупные организации в городе и насшибал у них заказов на сборный тираж карманных календариков.

Обычно клиенты ограничивались скудным общением с приёмщицами заказов, которых в те времена никто и не думал называть «менеджерами». Но Женя Храмской был «славным малым». Сотрудников типографии он расположил к себе своим безмятежным добродушием. Когда печатник Игорь Херонов остроумно спросил: «Женя, а кто твоя вторая обезьяна?» – рекламщик, беззлобно и снисходительно улыбнувшись, ответил: «Ребят, вы когда календарики порежете, вы не упаковывайте их, а сложите в коробку. Хорошо?». – «Хозяин-барин», – усмехнулся себе в усы Херонов.

Через неделю коробка дожидалась заказчика посреди нашей комнаты на большом столе, окружённом станками. Нам было интересно: что же задумал Храмской? Поэтому, когда Женя пришёл забирать свой заказ, мы деликатно погрузились в работу, осторожно наблюдая за ним краем глаза. Я тиснил, Херонов печатал, а Гриша, с красным, как у алкоголика, носом, бессовестно спал за столом, приткнувшись спиной к ризографу.

Храмской уверенно сел на стул, как за руль «Феррари». «Эх, прокачусь!» – было написано на его счастливом лице. Он вытащил из коробки все десять тысяч календариков, разложил их столбиками на столе и принялся пересчитывать поштучно.

Дверь распахнулась, и в комнату вместе с гулом голосов спешащих по коридору института людей проник Володя Лиханский. Это был невысокий остролицый молодой человек со смуглой кожей, вишнёвыми губами, чёрными масляными глазами и курчавыми волосами.

Володя устроился в типографию верстальщиком всего неделю назад, но уже успел внести диссонанс в нашу дружную трудовую белгородскую семью, не ведавшую «ни эллина, ни иудея». Подобно мальчику Изяславу из анекдота, в одной компании представлявшегося «Изя!», а в другой – «Слава!», Лиханский одним коллегам говорил «Здравствуйте!», а кое-кому – «Шалом алейхем!».

Не спеша продефилировав по комнате, Володя зашёл за спину Храмскому. Верстальщик тихо наклонился над ухом незнакомого ему человека, жутко улыбнулся, потом облизнулся, и в глазах у него сверкнули огни, словно у бенгальского тигра. Как только мне пришла в голову мысль, что Лиханский намерен откусить ухо Храмскому, чья-то невидимая рука сжала мне горло, чтобы я не смог предупредить пребывающего в счастливом неведении «счетовода».

Отбивая ритм ногой и слегка покачивая головой по сторонам, словно он был в наушниках и слушал зажигательное «Ча-ча-ча», Храмской самозабвенно продолжал подсчёт календариков. Лиханский положил рекламщику руку на плечо и нежно промурлыкал над ухом:

– Шалом алейхем.

Сначала Женя перестал дрыгать ногой, потом судорожно передёрнул плечами, и календарики посыпались из его трясущихся рук. Нечто подобное на моей памяти произошло с нашим военруком, когда во время сборки автомата один из учеников задал ему «под руку» вопрос по женской анатомии.

Храмской встал и попятился, тараща глаза на Лиханского:

– Ты чего, парень?! Ты меня неправильно понял! Я не такой!

– Так вот ты какой, Женя Храмской! Свой среди чужих! – ехидно заметил Херонов, стоявший на табуретке с жестяной банкой в руке и накладывавший шпателем жёлтую краску в корыто «Ромайора».

– Ребят! Вы всё неправильно поняли! Я свой! – божился рекламщик, шаря глазами по стенам, видимо, в поисках икон.

Лиханский побледнел и выскользнул за дверь.

– Теперь мы знаем, какой ты «свой»! – не унимался Херонов, быстро двигая боковой рычажок влево-вправо, и краска из корыта стала поступать на валы. – Не примазывайся!

– Ребят! – разволновался Женя. – Мне все говорят: «Ты, Храмской, наверное, еврей!», – а я не такой! Я – русский!

– Женёк! – хохотнул любитель анекдотов про Штирлица Херонов и, спрыгнув с табуретки, заговорщически подмигнул рекламщику. – А я – немецкий!

– Да ну вас! – обиделся Храмской и тяжело опустился на стул.

Никогда прежде я не видел столь мрачным этого позитивного человека. Храмской смотрел невидящими глазами на разбросанные по столу календарики, и что-то важное, но пока ещё непонятное зрело в его душе.

А мне, глядя на Женю, вспомнились слова одного нашего современного поэта: «И человек сказал: «Я – русский». И Бог заплакал вместе с ним».

Сергей КИРИЛЛОВ

г. Советск, Калининградская обл.

Автор нескольких сборников рассказов, многоотного повествования «Уйдома» – о судьбе русской деревни 20-го века (за 18 лет работы вышло 4 книги, первую из которых в режиме «продолжение следует» с января 2012 года публиковал журнал «Двина», Архангельск). Лауреат и победитель ряда российских и зарубежных литературных конкурсов.

Амур

Рассказ

Амур – все знают – это большая река на востоке России. А ещё Амур – бригадирский пёс, безбидная большая дворняга. Не было зимой дня, чтобы он не сопровождал хозяина на работу. В метель, в мороз, в слякоть – хозяин в машину с бригадой, а пёс следом шесть километров. Прибежит на площадку, где мы работаем, и весь день с нами. А вечером опять вслед за машиной. И нельзя сказать, чтобы бригадир как-то по-особому любил своего сопровождающего: так, разве что потреплет слегка за ухом иногда, а пёс и рад-радёшенек! Прыгает, ластится, а хозяин уж и матюгом готов отшить его за чрезмерное лобзание. Не баловал, в общем, но кормил, а много ли собаке надо. Она и предана за это всей душой.

Как-то раз занудилось мне после работы на разделочной площадке остаться. Дровишки дома кончились, а зима ещё только середину прошла – вот и решил я топлива подзаготовить. Мы на площадке хлысты пилили на брёвна, а среди них сушины попадались. Это такие деревья, которые ещё в лесу на корню засохли, видали, наверное. Я их за день-то порядочно навывбирал, на чурочки только надо было разделить. Договорились с бригадиром, он мне и цепи от электропил все оставил, – сдашь, говорит, после работы точильщику.

«Только не забудь! – добавил. – Иначе завтра вся бригада без работы останется».

Тупыми цепями мёрзлое дерево много не напилишь – это любому понятно.

Пришла за нами машина – бригада в кузов, и Амур на дорогу. Глядь, а я-то остался. Он, было, ко мне, а хозяин-то в кузове. Амур к машине... с полпути опять ко мне... машина тронулась – он за ней... Метров сорок пробежал, остановился. Постоял немного, смотрю – назад идёт. Вернулся на площадку, посмотрел на меня: чего ты, дескать, один тут будешь в чистом поле да посреди леса? Делай своё дело, а я, мол, тебя подожду. Вместе и вернёмся в посёлок. Погладил я Амура с благодарностью, а пёс хвостом в ответ повилял: за хозяина, дескать, не переживай. Он не один, и его прямо к дому подвезут, а тебе ещё пешком 6 км топтать. И через лес. Успокоил и в будку пошёл. Там тепло, печка ещё не остыла, он улёгся к ней поближе – и голову на лапы.

Включил я электропилу и давай чурочки отпиливать. Пила визжит, чурочки стучат – слышно, что дело идёт. Как только стихнет всё, хоть на минутку, гляжу – Амур из будки высовывается и смотрит: не завершилась ли работа? Проверит, убедится, что ещё нет, – и назад в тепло; на улице-то всё-таки «под минус сорок»!

Часа два мы так с ним на пару проработали. Темнеть начало, время к шести.

«Пора, – думаю, – а то до восьми не управлюсь с цепями, всю бригаду подведу».

Собрался я, Амур из будки вышел, видит, что всё закончилось – и на дорогу. Ну, и я следом.

Бежит собака впереди лёгкой рысцей, а я сзади топаю. Отстану метров на сто, гляжу – спутник мой четвероногий сядет посреди дороги и ждёт терпеливо, когда я поближе подойду. Дождётся – опять вперёд затрусит и снова садится на снег, как на много отбежит. Так мы с ним километра четыре и оттопали.

Совсем стемнело. Амура уже еле видно впереди, и тут меня слово обухом по голове: сегодня же среда. Завтра у точильщика выходной, а сегодня короткий день! Вскинул руку к часам – без пятнадцати семь. Всё пропало: подвёл бригаду! За пятнадцать минут и бегом не добежишь, а у меня ещё десять пильных цепей на плече. Но рванул что есть духу вслед за Амуром, – а вдруг повезёт. Пёс и доволен: зад больше морозить не надо, сидя на снегу. И невдомёк собаке, что у человека беда, что всё в минутах считанных решается, а если не решится – большой скандал.

И тут вдруг лесовоз из-за поворота.

«Вот оно, спасение! – обрадовался я. – Машина порожняя, наверняка в посёлок на пересменку идёт – успею».

Перешёл я на шаг, гляжу, – а пёс впереди совсем остановился. И ёкнуло у меня внутри: а ведь понял Амур, ЧТО сейчас произойдёт. Стоит мой верный спутник посреди дороги – и глаза на меня с немим укором.

«Я же тебя ждал, – говорил его печальный взгляд. – Я же хозяина сопровождать не стал, чтобы тебя одного не оставлять, а ты? Бросаешь... меня одного в лесу бросаешь! Думаешь, я – собака, мне и так сойдёт, да? Эх ты...»

Горько мне стало от безвыходности положения: с одной стороны – друга оставлять приходится одного, а с другой – всей бригаде простой назавтра грозит. Как выбрать? На смех же поднимут, если узнают в чём дело, тому же Амуру несдобровать. Но будь что будет: не поеду, решил, и опять бегом за Амуром. А пёс и рад, что его не предали, не бросили, опять вперёд меня рысью.

А лесовоз уж обгоняет... Остановился, дверца с моей стороны открылась: «Садись!» – изнутри раздалось.

Опять я замешкался, опять Амур, гляжу, остановился.

«Давай быстрее! – шофёр мне. – Холодно!»

Что тут сделаешь – полез я. И только ногу на подножку поставил, Амур как залает. Громко, негодуяще, горько... – все свои упрёки мне в лае высказал!

...Точильщик уже возился с замком на крыльце, когда я, запыхавшись, выскочил из-за угла.

«Ладно, – говорит, когда узнал в чём дело, – бросай цепи в ящик. Утром приду – наточу, а сейчас меня баня ждёт».

...На утро, впервые за всю зиму, Амур не побежал сопровождать машину. А я так хотел повиниться перед ним ещё до работы. Ещё горше стало у меня на душе, как увидел, что его нет.

«Не простит! – подумал. – Раз не пошёл провожать хозяина – значит, смертельно обиделся на весь род людской. Не стоят, дескать, эти неблагодарные люди собачей преданности».

Всю первую половину дня мне эти мысли покоя не давали. С одной стороны – как можно было целую бригаду без работы оставить? И без заработка, значит... А с другой? Ведь живое же существо покинул! Ведь он же меня ждать оставался. Он же и на обратном пути меня ждал, не убежал, хотя и мог это сделать запросто, а сидел на мёрзлом снегу, терпеливо дожидаясь каждый раз, пока я его догоню. Ох, горько! Как ни крути, а всё равно горько было на душе в тот день.

...На обед в столовую я пошёл последним. Не пошёл даже, а скорее, поволокся с ношей этой горечи на плечах и в душе. И вдруг – Амур! Сидит на крыльце столовой и косточку грызёт. Обрадовался я; сейчас, думаю, всё ему объясню. Подбегаю, а он меня увидел – и голову в сторону. Мозговая косточка в лапах, а он отворотился, как будто и нет рядом такого лакомства. Подошёл я к нему, присел на корточки – не смотрит. Я руку протянул, как накануне, погладить его хотел, а он зубы белые оскалил и грозно так, глухо зарычал.

«Господи ты, Боже мой, Амурушко, прости ты меня, пожалуйста! – взмолился я перед собакой. – Не сел бы я никогда в жизни в ту машину, даже если бы и позвали, кабы не цепи».

А он – никакой реакции. Лежит, голову в сторону отвернул и не шелохнётся, будто каменный. Стою я чуть не на коленях перед Амуром, умоляю его, а он всё равно не прощает. Уж очень глубоко, видать, я его обидел. Да и как не глубоко, если он ради меня хозяина оставил, а я из-за какой-то машины, чтоб на ней всего-то с километр проехать, как он думал, его бросил.

«Да не в машине тут дело, Амурушка, – опять я за своё, – всё дело в цепях. Я их сдать точильщику опаздывал, даже на машине еле успел. А ну как не успел бы, да бригада сегодня из-за этого на простое оказалась. Знаешь, что бы нам с тобой было? В основном-то мне, конечно, но ведь и тебе же злой хозяин тоже не в радость».

Минут пять я псу рассказывал о том, сколько всяких условностей людям мешает правильно вести себя – никак Амур не сдавался. Но хоть и горький след в его чистой душе оставил мой поступок, да, видать, и раскаяния мои тоже были чисты. Слушал меня пёс, слушал, потом повернул голову и внимательно-внимательно мне в глаза посмотрел. И я в тот момент свой взгляд не отвёл, искренне, значит, хотел вину загладить.

«Ладно уж, – смягчился Амур, – что с вами непонятными станешь делать? То грешат, то каются...»

Потянулся ко мне своей умной мордой и руку мою мягким, тёплым языком лизнул! Простил, значит.

Светлана КАЗАКОВА

г. Омск

Автор 3 книг стихов и прозы. Лауреат Омского областного конкурса «России патриот» (2007), «Омские мотивы» (2010). Дипломант VII Международного поэтического конкурса ко дню славянской письменности и культуры (г. Шымкент, 2015). Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

Следы на снегу

Рассказ (из цикла «Истории о любви»)

Обещалась пасмурная, ветреная погода. Из окна их квартиры, выходящего на близлежащий школьный парк и стадион, что в пригородном посёлке, было видно, что за ночь замело тротуары и виднеющиеся вдалеке аллеи. Но сидеть дома всё равно не хотелось. Взяв лыжные палки (специальных – для скандинавской ходьбы – она так и не приобрела), Вера поспешила на улицу.

Небо было затянуто пеленой зрелых туч. По всему было видно, что не весь снег ими был вытряхнут ночью на землю. И хотя утро было уже не раннее, но всё же на снегу оставалось много незатоптанных следов.

На снежном полотне хорошо читалось, что недавно проходил здесь человек с весёлой, активной собакой: её следы были везде – и по чуть протоптанной тропинке, и в наметённых возле неё небольших сугробах. Да и сама ширина собачьих шагов была различной: вот собака делала большие прыжки, должно быть, ещё в начале пути от радостного предвкушения первой прогулки в наступившем сегодня, вот она, принохиваясь, делала неторопливые шажки в сторону, а вот – прыгала от избытка чувств хозяину на грудь, оставляя на снегу отпечатки лишь задних лап.

Вера любила собачников. Они всегда казались ей людьми более открытыми к общению. И хотя их последней собаки уже восемь лет как нет, она снова вспомнила незлобивую, озорную болонку Динку, которая всегда радостно сопровождала её в давних прогулках.

Сегодня дома у Веры лишь кошка Масяня, которая всегда встречает её у порога. Но Масяня – кошка с характером, впрочем, как и все белые капризные кошки. И всё же, когда бы ни

обустроивалась Вера на освободившемся от мужа диване, Масяня обязательно прыгнет ей на колени и будет мурлыкать вечную песню любви своей хозяйке.

А куда уходит любовь у людей? – ни Вера, ни Масяня не знают. Так хочется слышать слова любви, и когда тебе шестьдесят плюс.

Но Верин муж об этом, похоже, напрочь забыл.

Здесь на ум Вере пришли слова коллеги Александры Валерьевны: «У людей с возрастом все черты характера усугубляются: добрый становится добрее, вредный – вреднее, а умный – забывчивей». И хотя Вера за собой особого житейского ума не замечала, а вот забывчивой «Машей-растеряшей» она точно слыла. Правда, рассеянной она была с юности, и это, как цвет глаз, являлось неизменной особенностью её индивидуальности. В молодости это не являлось причиной раздражительности для её мужа, но, выйдя на пенсию, тот начал по этому поводу пускаться в занудные проповеди вреда такого поведения жены.

И как он не поймёт, что, забыв ключи от дома и дожидаясь его прихода на лестничной площадке, Вере, нагруженной пакетами, совсем не улыбалось маячить перед проходившими соседями полтора часа?.. Или вот, с той же сберкнижкой – почти три года понадобилось ей научиться класть ту в одно и то же место. Но и здесь бывали казусы: то забывала вынуть её из сумочки (а их у Веры было штук восемь) и приходилось вытряхивать их содержимое поочерёдно в спешных розысках потери, то засовывала свой банковский документ в читаемую на то время книгу в качестве закладки. Куда важнее были поиски никак не находимых порой медицинских направлений или справок. А уж что говорить о часто оставляемых ею бутылках молока, минералки или булках хлеба в магазинах или заложенных не известно куда дома квитанциях... Но слушать при этом очередные нотации супруга ей было невыносимо.

Со временем, приноровились ходить вместе по общественным местам. В сберкассе муж клал её – «растетёхи» – сберкнижку себе в карман («...чтоб опять куда не задевала»), а снятые ею деньги – в общий кошелёк. Оплату квитанций он тоже взял на себя.

Жена её двоюродного брата говорила, как Вере повезло, что и она хотела бы иметь такие семейные привычки – в их семье кошельки были отдельные. Вера и не спорила с Галиной, но всё же чувствовала себя иногда уязвлённой, когда её благоверный порой не одобрял выбранного ею продукта или сувенира «просто так, на подарки». Нет, он был человек не жадный, но как-то умел контролировать свои траты и Верины порывы.

– Ах, да что же это я, опять о неинтересном! – вздохнула Вера и принялась снова разглядывать следы на снегу.

Снег, скорее всего, от серого неба тоже казался серым.

Вера оглянулась назад и с удивлением заметила, что проложенная ею тропинка вокруг школы (здесь было теплее, чем на открытом пространстве стадиона) стала гораздо заметнее и плотнее. Оставляемые на снегу «сердечки»: опорные кольца её лыжных палок были такой необычной конфигурации, казались уже ожерельем. «Ну вот, уже и готов для следующего «скандинава», боящегося ветра, новый маршрут», – подумалось Вере.

И она поспешила завершить очередной круг. У неё уже выработалась привычка делать двенадцать кругов, что в общей сложности составляло два с половиной километра. По времени это составляло час с небольшим. На великие подвиги Верина «дыхалка» пока ещё была не готова. А такая по времени и расстоянию прогулка была ей и по силам, и в радость.

«Эх, если бы все люди помнили, как наш иммунитет зависит от подобных вот прогулок, не сидели бы по квартирам, а дружно встречались в таких вот местах», – подумалось Вере.

В их пригородном посёлке увлечение скандинавской ходьбой было ещё не распространённым явлением, хотя уже и не экзотическим. В основном, люди занимались ею на этом вот окраинном школьном стадионе да в дальней боковой роще. Вера и мужа пыталась приохотить к таким прогулкам, но, походив с нею немного кругов, он тут же поворачивал домой, как только появлялся новый «скандинав» на горизонте.

Сегодня Вера решила погулять подольше: вчера её благоверный уехал на машине с сыном в оставшиеся дни рождественских каникул к нему погостить и повидаться с внуком. Так уж повелось, что Вера ездит к сыну в гости летом, а муж – зимой. Они никак не могут отсутствовать дома сразу вдвоём: сначала были старенькая мама и Масяня, которых не на кого было оставить. Теперь вот одна кошка. А отдавать домашнюю капризулю в передержку на время даже и не предполагалось.

Сын жил за тысячу с лишним километров, в большом городе – республиканской столице. Вере не надо сегодня торопиться к совместному обеду, она доест оставшиеся вчерашние праздничные салаты. Она ещё не в полной мере насладились наступившей свободой и очарованием домашнего одиночества.

Когда гуляла на воздухе, у неё иногда возникало желание читать про себя молитвы. Вот и сейчас она почувствовала необходимость помянуть в благодарных словах Всевышнего за своих родных, благополучно преодолевших дальнюю дорогу за Урал.

Читая слова молитвы, она вдруг ощущает какую-то перемену окрест. А это, оказывается, снег стал бледно-голубым из-за промелькнувшего в просвете из-за туч солнечного луча. Вера останавливается и с удивлением замечает, как снег становится всё более голубым, а тени от деревьев клавишами пианино ложатся на этот нежный снег просто от того, что уже треть неба очистилась и солнце, вырвавшись на свободу, всю сияет на январском небе. И сразу исчезла серость. «Как хорошо!» – подумалось Вере.

Снег действительно был небесного цвета, а кроны дички, озарённые солнцем, казались бронзовыми, и осыпанные снегом огромные ели оттеняли красоту преображённого пейзажа. И оставленное Верой ожерелье из «сердечек» было не лишним штрихом в этой открывшейся картине.

В приподнятом настроении она возвращается домой, ставит на стол салатники и вдруг вспоминает, что в хлебнице нет хлеба: ещё утром она доела последний кусочек. И вот теперь ей придётся снова одеваться, спускаться с пятого этажа и идти в магазин. Но даже не этот факт огорчает её, сколько то, что придётся самой нарезать хлеб. А ведь это всегда делал муж. Она из-за своей вечной рассеянности частенько ранила свои пальцы не только когда отрезала хлеб, но даже и тогда, когда просто мыла эти «норовистые» ножи.

Вспомнив, что муж, уезжая, сказал, хлеб он оставит на балконе и в магазин ей до его приезда ходить не надо, потому как «... холодильник затарен по самое не хочу», Вера бежит на балкон за хлебом, и, открыв пакет, обмирает от увиденного: хлеб в пакете лежит нарезанный мужем, чтоб она – «растетёха» – не порезала случайно пальчики...

Ирина СОЛЯНАЯ

г. Кааач, Воронежская обл.

Соляная Ирина Владимировна. Лауреат международной премии «Антоновка сорок плюс» в номинации «Проза» (2019), фестиваля «Капитан Грей» (2020), литературного форума «Осиянное слово» (2021), XXII фестиваля «Славянские традиции» (2021), победитель конкурса «Стилисты добра» (2021). Публиковалась в журналах «Юность», «Аврора», «Сибирские огни», «Вторник», «Молоко», «Нижний Новгород», «Эдита», «Горизонт», «Формаслов» и др.

Автор книги рассказов и повестей «Недолюбленные» – 2021 г. (шорт-лист международной литературной премии им Ю. К. Олеша).

Тёмная Поляна

Сказка

Мы шли гуськом по узкой лесной тропке прямо к избушке деда Сталбыть.

«Не трусь, Марек», – шептал под нос самый маленький из нас. Боялись все. Кто леса, кто Тёмной Поляны, кто родителей, погнавших нас в глухомань. Я боялся за Янку. Она была у нас новенькой, шепутой, не такой, как мы. И я очень не хотел, чтобы Янка что-то вычудила и испортила нам встречу со Сказкой.

Ветки ёлок дружелюбно махали нам, и тревога улеглась. Дед Сталбыть ждал нас на колоде у избы, ворошил в костре под котелком длинным дрючком и с хитровой улыбкой поглядывал на тропинку.

– Пришли, дорогие мои детушки, – скрипучим голосом сказал он, когда мы остановились у костра. Марек вытолкнули вперёд, он подошёл к деду и протянул узелок – наше подношение. Обычно родители совали лепёшки, медовые пряники, сало, варёные яйца. Дед Сталбыть принимал всё. Хозяйства он не держал, потому что был врачевателем, хранителем леса и сторожем Тёмной Поляны.

– Спасибо тебе, дед Сталбыть, что оберегаешь нашу деревню, – произнёс дрожащим голосом Марек ритуальные слова.

– И вам спасибо, детушки, что не забываете старика, – поклонился нам дед, привстав с колоды, – сталбыть, не зря небо копчу.

– Не зря, не зря, – хором подхватили мы.

Дед махнул рукой, и мы расселись кругом у огня, вытащили из сумок кружки, и дед черпаком налил каждому взвара. В тёмном сладковатом кипятке плавали сушёные ягоды, разваренные груши дички, листья земляники.

– Сталбыть, прошёл первый покос? – спросил старик, и мы хором подтвердили. – Сейчас причесали луга косыньками, а через месяцок серпами по полям пройдёте.

Мы знали, но всё равно согласились.

– Чужие меж нами есть? – хитро прищурившись, спросил дед Сталбыть.

Марек толкнул пришлую Янку, и она нехотя поднялась с земли. Дед посмотрел долгим взглядом цепких глаз из-под бровей на неё. Янка молча переминалась с ноги на ногу, путаясь в длинной юбке, перешитой из мамкиной.

– Какая ж она чужая? Она своя, – улыбнулся, наконец, Сталбыть, показывая щербинку между передними зубами, и мы облегчённо выдохнули, – сегодня воробьиная ночь, и потому сказку я расскажу всем известную. Чтобы не забывали.

Сказку про Тёмную Поляну мы знали назубок, но спорить нельзя. Может, после скучной и надоевшей истории дед расскажет новенькую. Мы задвигались, усаживаясь поудобнее, прижались друг к другу.

– Много-много лет назад, когда над несчастными людьми властвовали ведьмы, жила на свете красна девица, и звали её Иванкой. Летами девица была не стара, но много тайн знала. Бродила от деревни к деревне, нигде приюта не находила. Многим нравился кроткий нрав Иванки, простая её красота. Звали её молодцы замуж, но она всех сторонилась. Поселилась Иванка в этих местах, вырыла себе землянку. Стали приходиться к ней девушки, учиться ведовству. Кто советы слушал, кто траву собирал, а кто стал наложением дланей лечить. Только стали замечать люди, что в окрестных деревнях точно лихо бродит. То корова падёт, то куры подохнут, а то и человек, что вчера ещё песни

горланил, сегодня в колоду лёг. И стали добрые люди присматриваться к Иванке да её подруженькам. Не в них ли скрыта причина?

– В них, в них, – подхватили мы.

– И один добрый молодец не побоялся, а пошёл ночью в лес разведать, не оттуда ли беда. Сколько не кружил по знакомым местам, а землянки Иванки не нашёл, хотя помнил тут каждый кустик, каждое деревцо. Всю ночь бродил добрый молодец, пока не нашёл он поляну, с виду простую, неприметную. Хотел он прилечь отдохнуть, дать, сталбыть, утомлённым ногам покоя, но ступил на неё и от изумления слова растерял. Засветилась поляна яркими огнями волшебной трын-травы. Алые цветы раскрылись перед добрым молодцем, но были то не цветы...

– А души проклятых ведьм! – выкрикнули мы хором.

– Сталбыть, решил добрый молодец, что с бедой надо покончить, вернулся в деревню тайком, взял косынку и вернулся на поляну. Давай махать косынькой влево да вправо. От каждого взмаха падала и умирала в корчах одна ведьма. И скоро ни одной в округе не осталось, и все огни на поляне погасли. А на месте поганой землянки, в которой Иванка жила, люди добрые выстроили избу. И поселился там добрый молодец, который стал хранителем леса. Раз в год в самую короткую ночь идёт он на Тёмную Поляну и косит трын-траву, чтобы был в округе мир и покой. Ни мора, ни голода, ни ссор, ни обид.

Дед замолчал, и мы молчали, держа в руках остывающий взвар.

– Дед Сталбыть, – спросила неожиданно Янка, – а с тех пор никогда трын-трава не цвела огненными цветами?

Мы на неё зашикали, а Марек даже в бок толкнул.

– Нет, милая, – улыбнулся старик, – куда жив хранитель леса, не зацветёт ни один огонёк на трын-траве.

– А когда ты умрёшь, кто станет трын-траву косить? – вякнула упрямая Янка.

У меня аж по нутрянке холод разлился. Но дед засмеялся тихо и ответил, вытирая усы и бороду широкой ладонью:

– А хоть бы Марек. Он молодец хоть куда.

Мы завозились, засмеялись, радуясь, что страшная сказка про ведьм закончилась, и стали просить деда Сталбыть рассказать другую, весёлую. И он согласился с небывалой лёгкостью. Только сказал, что новой сказки не придумал пока, а потому затянул про козлятушек-ребятушек и про репку. Я украдкой следил за Янкой. Она сидела хмурая и обкусывала кончик растрёпанной косы.

Когда мы возвращались в деревню, девчонка спросила меня:

– И не жалко вам ведьм?

– А чего их жалеть, дурочка? От них вред один.

– Что ты знаешь? Они лечат хвори людские и скотские. Испуг выливают, роды принимают.

Пьянство изводят, мужчин в семье возвращают. Грамоте разумеют, музыку творят.

– А нам того не надо, – сказал я, – у нас есть дед Сталбыть, и если какая надобность – мы к нему.

Янка махнула рукой, и я замолчал: чего с глупенькой спорить. Она у нас недавно, не привыкла ещё. Янка шла самой последней, и я оглянулся, чтобы она не отстала, с тропинки не сошла и в лесу не потерялась. А она надулась и не хотела на меня даже взглянуть. Тогда я тоже отстал и спросил, хочет ли она посмотреть на Тёмную Поляну. Конечно, туда ходить не дозволялось, но мне очень хотелось показать Янке все места, где она ещё не бывала.

– Сегодня – самая короткая ночь, мы вернёмся в лес. Когда стемнеет, ты скажи мамке, что спать идёшь, а сама сделай из подушки и одеяла куклу да прибегай на околицу. Оттуда идти близко.

Янка согласилась, и мы встретились, когда сгустилась темнота. Обошли высокий костёр, что жгли парни с девчатами на игрищах, взяли за руки и побежали к лесу.

– Ночь светлая сегодня! И звёздочки такие ясные! – шепнула мне Янка.

Но когда мы вошли в лес, подул ветер и тьма сгустилась. Я даже пожалел, что решил показать девчонке Тёмную Поляну. Неужто мы на утренней заре не могли сбежать посмотреть? Но Янка не боялась. Она захихикала и нашла в траве светлячка. Подула на него, и он стал большим и ярким, точно упавшая с неба звёздочка.

– Хочешь и тебе такого сделаю? – бесхитростно сказала она.

Я помотал головой и только и смог что выдавить «нет».

– А хочешь, я ветер успокою? А то зябко.

Не дожидаясь моего ответа, Янка вытащила из кармана передника дудочку и приложила к губам. Зазвучали трели соловьиные, и вскоре ветер и вправду утих. Янка убрала дудочку и потребовала:

– Ну, показывай, где твоя поляна?

Я поднял две длинные еловые лапы и пролез под ними, приглашая девчонку за собой. Мы очутились на Тёмной Поляне. Спрятанная от людского глаза, она сплошь поросла трын-травой, и в дальнем её углу сиял то ли светлячок, то ли упавшая с неба звёздочка.

– Разве это Тёмная Поляна? Погляди! – тихо засмеялась Янка, но я схватил её за плечи и закрыл ладонью рот. Мы вовремя нырнули под еловые лапы, потому что на поляну с косой вышел дед Сталбыть.

Он постоял в центре, медленно водя глазами вокруг. Увидел светящийся цветок трын-травы и вздохнул: «Пришла беда, сталбыть!». Дед взмахнул косой, Янка тоненько вскрикнула, и лесное эхо погасло в верхушках сонных елей.

Елена ЗЯБЛОВА

г. Усолье-Сибирское, Иркутская область

Преподаватель музыки и танца в школе искусств. Пишет стихи и музыку, публиковалась в общероссийском журнале «Книжки, нотки и игрушки...» (Москва), литературной газете «Интеллигент. Магадан», в литературных журналах «ИртышЪ-Омь» (Омск), «Новый Свет» (Канада), «Крылья» (Самара), в альманахе «Параллели» (Самара, 2019). Автор 2 книг стихов и прозы. Лауреат II Открытого областного фестиваля-конкурса исполнительского мастерства (Иркутск – Братск, 2018), международного конкурса «Музыкальная шкатулка» (Омск, 2021). Член редколлегии журнала «Северо-Муйские огни».

«Зимой и летом одним цветом»

Эссе

Если во всех уголках России сейчас провести социологический опрос на знание пословиц, поговорок, загадок, то в ответах обязательно прозвучат: «На миру и смерть красна», «Один в поле не воин», «Сам погибай, а товарища выручай», «Где смелость, там и победа», «Хлеб всему голова», «Без труда не вынешь и рыбку из пруда», «Что посеешь, то и пожнёшь».

Участники опроса перечислят очень много загадок, но первой вылетит из уст: «Зимой и летом одним цветом».

Из детского сада приходят малыши к нам в школу искусств на занятия по народному творчеству, спрашиваю их: «Ребята, а какие загадки вы знаете?». Дети, не сговариваясь, хором отвечают: «Зимой и летом одним цветом». На утренниках, школьных праздниках или семейных посиделках, если вдруг затевается игра на загадывание загадок, то шанс стать победителем будет у той команды, которая начнёт состязание, и понятно, почему.

«Зимой и летом одним цветом». Цвет один, а сколько оттенков, какая музыка в них!

Городок, в котором проживаю, стоит в окружении пушистых красавиц. Несколько лет наблюдаю за ними, веду дневник.

Февраль... Подтаивает снежок, а кроны сосен тёмно-зелёные, как и летом. Вьюжит... а в ясный денёк солнце уже согревает, воздух, с нотками талого снега, пронизан бирюзовым светом и птицы поют о любви.

Конец весны, начало лета... В одинаковых салатových распашонках только появившиеся на свет берёзки, топольки и сосенки. Отражаются в их ситцах ирисы и любопытные одуванчики.

Ноябрь... Деревья в дымчатой паутинке. У маленьких сосенок после первых снегопадов на кончике каждой иголки блестит крохотная жемчужинка. «Мы готовы к новогоднему балу, а ждать ещё так долго! Не замёрзнуть бы...» – обращаются они к своим соснам-мамам. А те, укрывая деток от холода, успокаивают: «Молодушка-зима восточку отправила. Из снеговой пряжи шубки и варежки связала, торопится к нам в лес на примерки».

Декабрь... Взрослые сосны в серо-зелёных платьях, с бежевым отливом, осыпаны серебром. Белоснежные кружевные шляпы, вуали, манто, пелерины...

Маленькие ёлочки тоже в праздничных нарядах. Им совсем не холодно. Шубки, накинутые на шёлковые блузки и пышные юбочки, согревают. Возле каждой мешочек со сладким зефиром – подарок от Мороза Ивановича. Природа в ожидании чуда...

Январь...

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Весёлым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запретить?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

Трескучий мороз нипочём, айда на Белую! Здесь, посреди реки, в центре Вселенной, продолжает литься Пушкинская песнь:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Райнгольд ШУЛЬЦ

г. Гиссен, Германия

Райнгольд Шульц (Роман) Асафович – русско-немецкий писатель, публицист, общественный деятель, представитель этнических немцев стран бывшего СССР. Литературный псевдоним – Папа Шульц. Родился 1 ноября 1949 года на севере европейской части СССР, в посёлке Краснозатонском (пригород Сыктывкара – столицы Коми АССР), в лютеранской семье высланных из Карелии житомирских немцев-колонистов. Окончил Сыктывкарский государственный университет, экономист. В 1990 г. с семьёй реэмигрировал в ФРГ. Член литературного общества писателей «Немцы из России». Пишет стихи, историческую прозу, юмористические рассказы, анекдоты, христианские и житейские истории, репортажи, сказки. Автор свыше 20 книг и 1400 публикаций в СМИ. Лауреат ряда литературных конкурсов, в том числе десятикратный лауреат международного литературного конкурса «Золотое перо Руси».

Книги

Эссе

Как мы охотились за книгами в бывшем Союзе! Приобрести подписное издание считалось за счастье. Духовная потребность была высокой. Вещей покупали мало, ели плохо, но книги – источник знаний – любили трепетно. Современный достаток изменил духовные ценности на материальную потребность. На большом всегерманском тrefунге собрались тысячи наших земляков. Стол писателей оказался рядом со стойкой воротил, продающих шашлык. За один шашлык можно было купить книгу. Успех был бешеный. Очередь нервничала от нетерпения. Людей не успевали обслуживать. Спрос был выше предложения. Шашлык не успевал прожариться. За книгами не подходил никто. Вот мы какие! Вкусно поесть – первая потребность. На желудке мы не экономим. Тряпки красивые, украшения – обязательно. А для чего живём? Если тело захотело, режь последний огурец. Ну а книжку новую купить? Интересы нет. На концерт сходить – дорого. В церковь? Некогда! Душа – она денег не стоит и так перебьётся. И живёт душа на задворках, как пасынок. Мельчает человек. Душа ведь не стареет, она всегда юная, добрая, вечная. Что с ней будет? Но со временем жалуется человек. Вроде всё есть, а ничего не радует. Войны нет, а в душе разруха. У сильных духом – стабильность в сердце, и в рваной рубахе он красив и уверен, а бездушный – и в дорогом костюме несчастен и ограничен в себе. Пальцы веером, и в тупик с отрыжкой. Одни живут лучше, другие – интереснее.

Анжелла СЕДЫХ

г. Киренск, Иркутская обл.

Зав. отделом прозы журнала «Северо-Муйские огни».

Рождественские страницы

Эссе (из цикла «Лето Господне»)

Правда, что, если книгу прочитать несколько раз, она становится намного толще? Как будто при каждом чтении что-то остаётся между страниц. Может, это наши чувства, мысли, звуки, запахи... И когда много лет спустя снова листаешь эту книгу, то находишь там себя – немного младше, немного не такую, как теперь, будто книга сохранила тебя между страниц, как засушенный цветок, одновременно знакомого и чужого. Мысль Корнелия Функе настолько близка к тому, о чём я теперь думаю, что само собой рождается желание её читать вслух. Теперь, когда рождественская суэта, предновогодье всецело захватило все мои чувства, ощущения, ожидания, как незабываемо листать зимние страницы этой книги и понимать, что их содержание сейчас зависит именно от тебя, наполненной чем-то иным, предсказуемо счастливым.

Оглядываясь назад, знаешь наверняка, что настоящее Рождество бывает только в детстве. Те праздники, безнадёжно далёкие, – это огоньки нарядных витрин, таинственный шёпот у ёлки, поленья, потрескивавшие в камине, пушистый снежок за окном. Они пахли жареной индейкой, мандаринами, колкими еловыми хвоинками, горячими пирожками с капусткой, домашним уютом. В них звучали голоса читавших вслух Новый Завет: «Дева сегодня Сверхсущественного рождает, и земля пещеру Неприступному приносит; Ангелы с пастухами славословят, волхвы же со звездой путешествуют, потому что ради нас родилось Юное Дитя, Предвечный Бог...».

Но что мне мешает затеять это теперь, когда вокруг столько приятных возможностей, очаровательных рождественских подарков, таинственных свёртков, других особенных вещей, которые радуют, радуют, радуют... Нельзя стать счастливой, если тебе суждено это потерять. Счастье бывает полным лишь тогда, когда живёт внутри тебя самой, когда оно твоё. Давайте его встречать благословенно, явственно, открыто... И кто знает, может, оно найдёт приют именно у вашей рождественской ёлочки, у вашего камелька, над куполом вашей уютной комнатки, в которой всё готово к Рождеству, к тому, чтобы надеяться, верить и любить. Именно теперь есть та уникальная возможность, которую дарят нам предстоящие рождественские каникулы. Заняться чтением старинной, редкой книги под названием «Рождество», забравшись в кресло перед камином, обернув ноги тёплым, мягким пледом, налив из кувшина горячего чая с корицей.

Поэзия

Поэзия принадлежит к народному воспитанию.
Василий Андреевич Жуковский

Игорь ЕЛИСЕЕВ

г. Ростов-на-Дону

Родился в 1952 году в Ростове-на-Дону. Окончил Пятигорский лингвистический университет, факультет испанского и английского языков. Автор более 20 книг стихов, переводов, спортивных маршрутов, словарей. Стихи переводились на английский, чувашский, карачаевский, ингушский, болгарский, непали, польский, португальский, сербский, армянский, вьетнамский, итальянский языки. Член Международного союза литераторов и журналистов АРИА, Союза писателей России и Союза писателей Москвы. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Главный редактор международного литературно-художественного альманаха «Рукопись».

«... нет уже назад дороги...»

Как Новый год встретишь, так его и проведёшь.
Народная примета

Я встретил Новый год в пути.
Снежинки, словно конфетти,
над городом летели.
Я думал: «Милая, прости,
но у меня поют в груди
безумные метели».

Дорога белая пуста.
На миг уснула суета.
А я спешу. К тебе ли?
А может там, где темнота,
другие ждут меня уста,
что мне осанну пели?

В наставшем только что году
куда ещё я попаду, в какие снегопады?
Найду любовь или беду?
В раю ли буду иль в аду?
Но нет в дороге ада.

Пустое... Ничего не выйдет.
Напрасны все твои потуги.
Никто нас вместе не увидит
и не услышит, кроме вьюги.

Когда она, подобно ведьме,
глядит в окно, стучится в двери,
в действительности кто, ответь мне,
отдаст своё тепло химере?

Там, где простёрлось поле мрака,
друг другу нам не быть подмогой.
В отбросах мира, как собака,
я рылся, но нашёл немного:

душонок жалкие одежды,
кусочек любви заплесневелый,
облизанную жуть надежды
и кость обглоданную веры.

И ты такая же немножко.
Но, подражая светской даме,
скользила тихо, словно кошка,
к помойке, только всё задами.

Да, мы равны с тобой отчасти.
Но в мире, где не жди отсрочки,
мы все по-разному несчастны
и счастливы поодиночке.

Новый год придёт опять
Очень даже скоро –
Не успеют отзвучать
Наши разговоры,
Не успеет смолкнуть тост,
Отзвенеть бокалы,
Как придёт наш старый гость –
Праздник небывалый.

То-то будет торжество...
А потом, в постели,
Мы поймем, что ничего
Снова не успели.

Новый год

Новый год, Новый год...
Вновь с надеждою готовы
без печали и забот
жизнь свою одеть в обновы.

Новый год, Новый год...
Размыкаемые веки,
бегство к будущему от
уходящего навеки.

Новый год, Новый год...
Это время перелома,
собираемся в поход
из наскучившего дома.

Новый год, Новый год!
Как в театре, бьём в ладоши,
оттого что небосвод
с каждым днём сияет дольше.

Новый год, Новый год...
Не орел, так будет решка.
Если сделать верный ход,
то фигурой станет пешка.

Новый год, Новый год...
Это новое начало,
как спасенье и оплот
для того, что не бывало.

Новый год, Новый год...
Даже если сбиты ноги,
всё равно иди вперёд –
нет уже назад дороги.

Александр ШЕРСТЮК

г. Москва (Зеленоград)

Член Союза писателей России, крестьянского рода. Родился 18 марта 1941 г. на Брянщине в семье сельского кузнеца. Окончил семилетку (1955), горный техникум (1959), МВТУ им. Н. Э. Баумана (1967). Работал в шахтах Донбасса («Сталинский забой», 17-17 бис и др.), оборонных НИИ, издательствах «41», «Знание», «Маска». Автор книг стихов (с авторским оформлением): «Надпись на ветре» (1998), «Впервой бытность такая» (2000), «История с топором» (2013), «Говор Стародубья» (2013), «Драма Зелёного града» (2019), «Хождение в слово» (2023), очерков, рецензий, предисловий, словаря «Говор Стародубья» (2011), книги статей «Свет в клетке Менделеева» (2012), сценария документально-художественного фильма о своём брате, павшем в 1942 г. в битве за Сталинград, «Один из миллионов». Переводы с немецкого (Эрих Кёстнер, Фридрих Рюккерт), английского (Гуру Гобинд Сингх «Джап Сахиб») и др. Лауреат межвузовского литературного конкурса «Буй Тур» (Москва, 1965). Дипломант международного Волошинского конкурса (Коктебель, 2015). Дипломант Волошинского конкурса (2015). Награждён медалью Петра и Февронии (2018), медалью Г. А. Оськиной (2023). Зав. отделом критики журнала «Северо-Муйские огни».

«Мой в горле ком...»

vers'ы-2023

Иван Козлодоев предприниматель
грубо говоря бизнесмен
из таёжного посёлка Манчестер Грин
прочитал в Пионерской правде
найденной на свалке
слова звезда пленительного счастья
текст был в столбик
фамилия автора оборвана
но сохранились инициалы А.С.
Альфа-Самец подумал Козлодоев
сохранилась и дата
какая-то странная – 1818
будто рядом со снежными бабами
или матрёшками
стоят тонкие вертикальные мальчики
с тех пор Иван бизнесмен
потерял покой
стал выяснять что и почему
неужели уже тогда
в доисторические времена
были такие
давно устаревшие дикие слова
звезда пленительного счастья

вы не задумывались о том
почему придворный поэт Демьян
сразу откликнулся
на землетрясение в Оймяконе
и послал туда
из столичного города Муйсква
через всю Восточно-Европейскую Сибирь
эшелоны с гуманитаркой и спасателями
версии могут быть разные
но замечательная наука конспирология
близко догадалась
что Демьян вдруг расчувствовался
то есть почувствовал чувство вины
когда вспомнил что сам же устроил
это ужасное жалкое землетрясение
однажды ловко прицелился
и подсел на красную кнопку
в результате температура в Оймяконе
сразу подскочила
до минус 300 по Фарен-Гейтсу
и образовалась трещина
глубиной с Байкал
а эпицентр был на плато Путорана

когда трещина расколола
презумпцию провинции Ойнянь
а человек растаскивал обломки
у меня выскользнула из рук крышка
фарфорового тефаля
брякнулась о керамический пол
и потеряла сознание
я склеил кусочки
клей был супер
и у тефаля опять появилась крыша
он снова исправно варил мне чай
но дважды за неделю
крышка снова и снова
опять бомбила пол
я воскрешал её опять
но пришлось-таки предать
мусорному ведру
а у меня остался вопрос
неужели она была такая
та-а-а-кая разбитная
в знак солидарности
с глобусом провинции Ойнянь

я играю в компьютере в дурака
дурацкое занятие конечно
но мои партнёры не какие-нибудь
замухрышки
а Евклид Платон и Сократ
возможно с ними я поумнее
хотя бы грамм на пятьдесят
я выпиваю эти грамм пятьдесят
и соображая стопку за стопкой
нажимаю кнопку за кнопкой
не много думая
а мои великие партнёры
кажись вовсе не думают
на планшетный стол
их карты вылетают мгновенно
но часто вылетают говенно
игра вам скажу вполне интеллигентна
никогда не хулиганит Этна
никогда не бывает мата
здесь вам не какие-то шахматы
и как же приятно читать результат:
в дураках остаётся Сократ

учёные установили
что если из недр земных
извлечь всё золото
то им можно покрыть сушу Земли
слоем полметра
и земля станет позолоченной
травы станут позолоченными
рыбы станут позолоченными
хотя нет рыбы ведь в воде
а мы покрываем сушу
значит жабы станут позолоченными
но лишь те что живут в огородах
дроны станут позолоченными
наверняка перестанут летать
полметра слой нешуточный
вороны станут позолоченными
пожалуй перестанут каркать
в общем все озолотятся
только вот как извлечь всё золото
из ядра земли
пока никто не знает
едрёна мать
это всё равно что извлекать
корень квадратный из числа «пи»
а сколько этих «пи»
опять же никто не знает
в каждом замкнутом круге они имеются
а круги не имеют
ни начала ни конца

вулкан Эйяфьядлайёкюдль
трудно произносить?
тогда говорите по слогам:
Эй...я...фу...яд...лай...ё-моё...к...юдль

так вот
вулкану Эйяфьядлайёкюдль
который дал шороху Европе в 2010-м
этому фулигану
конфетку не дали
а дали всего лишь 4 балла
по шкале 8-балльной
значит по шкале пятибалльной школьной
это 2+ (двойка с плюсом) всего лишь
и уже стоят наизготове
его соседи нашпигованные
тем же лаем и ядом
Рейкьянес и Фаградальсфьядль
а ещё где-то в Зеландии Новой
стоит очи потупив
скромница Таупо
они ВСЕ готовы
переплюнуть тебя
тебя Эйя...фу...блин!...юдль!!!
так что лучше заткнись
пусть ещё побродит
в земном ядре бражка
пока людишки
не желают взметнуться
и жаждут пить

на плечо хана Дуркогана
села оса
охранник по кличке Прыть
из славян янычар что ли
смахнул осу

и раздавил башмаком
он не подумал что
оса это разновидность шмеля
а мохнатый шмель
на душистый хмель...
пчёлочка золотая
что же ты журжишь...
короче это песня
да и вообще
любитель сладостей оса
наверно учуяла в хане мёд
хотела наверно принести его
к себе домой
заложить его в соты
в сотый раз за день
за мёдом она прилетела
но этот негодяй Прыть
желающий орден получить...
нет слов
в общем люди
полёта шмеля больше не будет

фотографии и строки
я храню в яндекс-облаке
но штаны пока ещё
храню в шкапе
значит облако пока ещё
облачено не в мои штаны
vladimir vladimirovich
опередил
александра александровича
но почему бы нам как Оке и Каме
не плыть
разными облаками

как фундаментально красиво
был изложен закон Архимеда
кажется Мишкой Поморянином
*тело впёрнутое в воду
выпирает на свободу
весом выпертой воды
телом впёрнутым туды*
вот бы такую классическую
ясность
и в квантовую механику
чтобы лишились грантов
все эти гейзенберги шрёдингеры
и прочие от науки швондеры
все заумные иноагенты
раз не знают где и с каким тормозом
находится ума их частица
хай кочуют воны в эмигранты

день развивается по синусоиде
то увеличивается то уменьшается
лепит нам горбатого
а вы дурачки за ним гоняетесь
то тормозите то отстаёте
но Шура так жить не хочет!
он хочет жить как косинус
косинус нуля всегда равен единице
замечательная теорема
вот к чему надо стремицца
это – приемлемо

Николай ЕРЁМИН

г. Красноярск

Ерёмин Николай Николаевич. Родился 26 июля 1943 года в городе Свободном Амурской области. Окончил Медицинский институт в Красноярске и Литературный им. А. М. Горького в Москве. Член Союза писателей СССР с 1981 г. и Союза российских писателей с 1991 года, русского ПЕН-центра международного ПЕН-клуба. Автор издательского бренда «Миражистъ». Выпустил в свет Собрание сочинений в 6 томах. Публиковался в российских и зарубежных периодических изданиях, в том числе на китайском языке – в переводах Хэ Суншаня, г. Синъян. Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

«Сто лет обучения»

Над головой – волшебный свет.
Я говорю: «Побудь со мною!».
А он: «Прости-прощай, поэт,
Ничто не вечно под Луною».

Провинциал

Я приехал, помню, в Москву –
Не займы просить у неё,
А пропеть ей своё «Ку-Ку»,
Чтоб навек покорить её...
К сожаленью, в ответ Москва
Мне пропела своё «Ква-ква...»,
Чтоб остаток жизни, увы,
Я провёл далеко от Москвы,
Без неё – до седых волос...
Почему? Интересный вопрос...

Да, в деревне, плохой интернет
И плохая мобильная связь...
Но зато чистый воздух и свет
Дарит солнце, сквозь тучи лучась...
И бегу я – стихи в голове –
По утрам – босиком – по траве...

Коза и семеро козлят

Как много коз в краю, где много роз!
Над синим морем – солнечный откос...
Живи, поэт! Не думай ни о ком...
Лечись волной и козьим молоком...
Пока, скосив лукавые глаза,
Влюблённо смотрит на тебя коза...
А рядом ей о чём-то говорят
Пугливых, милых семеро козлят...

Теперь

У тебя теперь всё есть!
Бочка мёда... ложка яда...
И любовь... и стыд... и честь...
Что ещё для счастья надо?

Сонет про инопланетян

Мы отдыхали в ресторане,
Друзья, в плену земных забот...
А рядом – инопланетяне,
Всех нас зовущие в полёт...
И зал под музыку вращался...
И звали Музы в хоровод...

А я лететь не соглашался,
Рифмуя рот и бутерброд.

И отвечал за всех, мудрец,
Что мы и так в один конец
Летим все вместе на Тот свет,
И никому возврата нет!

– Ау, друзья! Зачем тогда
Вы разлетелись? Кто куда...

Мы все
Сгораем понемногу
В огне своих черновиков...

Поэты,
Преданные Богу,
Увы, и глубине веков...

Средь книг,
Стоящих к ряду ряд,
В надежде, ах, что не сгорят...

Тело –
Охвачено хворостью –
Просится в Ялту, в Пицунду...

Мысли
Несутся со скоростью
Двадцать пять метров в секунду...

Но не способны, прости
Господи,
Вдаль унести...

Где,
Вдохновенью родня,
Море штормит без меня...

О, вечный бесконечный Бог!
Ты – и начало, и исток...
Воистину... А кто же я?
Неужто – копия Твоя?

Сто лет обучения

Учился я сто лет подряд –
Так, чтоб в стихах талант лучился...
И различать, где – мёд, где – яд,
Я, слава Богу, научился,
Ах, с полуслова, с полувзгляда...
Обманывать меня не надо!
Я сам в охотку, ну и ну,
Кого угодно обману...

Лев РЯБЧИКОВ

г. Симферополь, Крым
 Президент Крымской литературной академии им. Ю. В. Бондарева. Председатель Правления Крымского регионального отделения Литературного сообщества писателей России. Лауреат международной премии им. М. А. Шолохова в области литературы и искусства. Заслуженный деятель искусств и лауреат Государственной премии Республики Крым. Редактор изданий военно-патриотического проекта «Солдаты Победы». Автор более двух десятков книг поэзии, прозы и публицистики.
 Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Фантастика судьбы

Всё чаще снится, как в дорогу собираюсь,
 То в юности, то в возрасте солидном,
 По багажу, в какую пору – видно,
 По делу еду или же смываюсь
 От вянущей любви к любви проросшей,
 От надоевших немаштабных дел...
 Теперь не смоюсь, если б захотел,
 Поскольку всё намного проще:
 Примеры Чехова и Льва Толстого,
 Пытавшихся сбежать от неизбежного,
 От дел порывы удалиться Брежнева...
 Нет смысла брать их опыт за основу.
 Скорее сны готовят понемногу
 Меня в дорогу в дальний край,
 Пройти сквозь ад, пройти сквозь рай
 В реальный Мир с реальным Богом.
 Во сне киваю: понял, мол, намёк.
 В суму сложу грехи и достижения,
 Оставлю на Земле иные сбереженья,
 Оставлю всё, что смог и что не смог.

Ранние заветы

Мне снился... я. Должно быть, в старших классах.
 Когда уже кружили голову мечты,
 И тем чуть выделялся я из массы,
 Что быть пытался с Музою на «ты».
 Она меня немного баловала,
 То песней отличала, то стихом...
 Но всякий раз за всё снижала баллы,
 Считаю славу тягостным грехом.
 И я ушёл из-под её опеки,
 Услышав от иных, известных, Муз,
 Что надо сразу восходить над веком,
 Живописать на свой, фламандский, вкус,
 Чтоб плотью слово каждое круглилось
 И губы жгло, и вдохновляло страсть,
 Влекло на казнь и вдруг являло милость,
 Опорой было, чтобы не упасть.
 Я следовал всех Муз советам,
 На всём – тех поисков печать...
 Но юной Музы ранние заветы
 Из дали той опять во мне звучат.
 Теперь я знаю, как пустынна слава,
 Намного выше в жизни пики есть...
 А чтобы жить, хватает хлеба с салом,
 Чтоб, стопку с водкой осушив, заесть.

Из далёких школьных лет
 С бабушкой я гляжу из рамки.
 С нею оба мы – подранки...
 Сделан был с ней наш портрет,
 Когда пришёл нам вызов в Польшу,
 Где в 45-м жить осталась мать.

Лишь в «оттепель» дала об этом знать,
 Когда, казалось, жить нам стало проще.
 Со сборами напрасно мы спешили:
 Поскольку службам удалось прознать,
 Что нас оставить там хлопочет мать,
 И выезд нам не разрешили.
 Фото увеличил я. Серьёзно
 Мы с него на мир глядим.
 Позже мы могли расстаться с ним,
 Но возможность объявилась поздно:
 Уж настолько мы выросли в него,
 Вместе с ним мы столько пережили...
 Корни рвать пришлось бы, резать жилы,
 Хуже – отрешаться от всего:
 От земли, где бабушка покоится
 И где сын давно лежит,
 И где те – с кем довелось дружить,
 По какой годов промчалась конница.
 Я гляжу на нас в те давние года.
 Фотография как будто оживает:
 Память нас друг к другу прижимает
 И не на мгновенье – навсегда.

Встретились через век

Теперь из жизни мы без сожаления уходим –
 Ушедших мы в других галактиках находим.
 Хоть жизнь у них совсем иная –
 Из прошлого всё ж что-то вспоминают.
 Выходит, память после смерти остаётся.
 В ней виртуально светит наше солнце,
 Им помнятся свиданья под луной,
 Из тех времён их милый друг земной.
 На Деве встретил бабушку в кроссзале.
 Она меня сначала не признала.
 «Не постарел, – сказала, – нет,
 А ведь прошло так много лет,
 Как я с Земли переместилась.
 Ты вспоминал меня, тебе я снилась?
 И я живу, тоскуя о тебе:
 Так много значил ты в моей судьбе.
 Надеюсь, как придёт и твой черёд,
 И ты свершишь сюда свой переход».
 С ней до отлёта просидели мы в кроссзале,
 Что было с нами, всё пересказали.
 Земля – питомник. Всякий человек
 Рождён в нём на века, а не на век.
 Отжив, мы обращаемся в фантомы,
 И вся Вселенная становится нам домом.
 Ушедшие с Земли земные дети
 Живут на многих звёздах и планетах.
 И верю я, как срок земной отбуду,
 Жить снова рядом с бабушкой я буду.
 Вдвоём побродим по Вселенной мы
 с надеждой
 Всех повидать, с кем жили-были прежде.

Максим ОРЛОВ

г. Братск, Иркутская обл.

Член Союза писателей России. Автор 5 книг стихов. Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Январь

Венок сонетов

Магистрал

А почему январь? – Не знаю сам.
 Быть может, Новый год тому причина.
 В декаду первую так трудно телесам...
 Хвораешь от салатов и дичины,

обходишь стороной универсам –
 так раздражают шпроты и маслины,
 рождественским не веришь чудесам
 и веришь лишь в целебность квашенины.

Дословно переводится: «дверь в год» –
 в честь бога времени, дверей, ворот (с латыни).
 Для вечности январь – всего лишь миг...

Безостановочен часов вселенной ход,
 беззвучен он в необозримой стыни,
 но непонятно: есть ли часовщик?

1

А почему январь? – Не знаю сам.
 Гирлянды ли винить да фейерверки?
 Наивно всё валить на небеса...
 Начало года – времечко для сверки.

Заваришь после полудня ассам,
 достанешь шоколад из бонбоньерки
 и волю дашь словам и словесам,
 чтоб стих возник как чёрт из табакерки.

И вспоминаешь: звался он *генварь*,
 в церквях именовался *генуарий* –
 мне этого хватает для зачина –

не всё ж мусолить старый календарь?
 Но древний оставляю я глоссарий, –
 быть может, Новый год тому причина.

2

Быть может, Новый год тому причина,
 а может быть, – постпраздничный синдром...
 Чтоб авторучку взял с утра мужчина,
 он тему должен чувствовать нутром.

Когда в мозгу похмелья чертовщина,
 себя приводишь в чувство кофейком.
 После застолий даже буженина
 уже не впрок, когда ты под хмельком.

Я только в будни беспричинно крепок,
 а в праздники обычно слабоват.
 В рабочий день вверять себя часам

ты принуждён и ждёшь чужих оценок...
 А празднику давно уже не рад –
 в декаду первую так трудно телесам...

3

В декаду первую так трудно телесам,
 что вспоминать не хочешь про колядки, –
 похоже, что коньяк и маасдам
 зело вредят. Но всё же, всё же – святки!!!

Сварганю сочево – обычаем воздам
 я должное; и мёдом, и клетчаткой

себя насыщу – лучше, чем сто грамм –
 бутылку пускай пребудет непечатой!

Да с перепугу выйду на лыжню –
 Недалеко живу от лыжной базы!
 Мне по' сердцу подобные почины!

Наотмашь бросив празднеств мельтешню, –
 ведь яства с возрастом опаснее заразы –
 хвораешь от салатов и дичины!

4

Хвораешь от салатов и дичины –
 что говорить, давно уж не юнец,
 хоть под какой ни прячешься личиной –
 не мо'лодец, но верю – молодец!

Но всё ж, постновогодней дармовщине
 неотвратимо близится конец.
 Как будто нет причины для кручины,
 но хвор душой, виною – холодец.

Пост не блюду – не только в этот праздник –
 а тут ещё и Старый Новый год!
 И верить так не хочется весам –

а чрево как лабаз, а я – лабазник...
 Боясь купить превкусный антрекот,
 обходишь стороной универсам.

5

Обходишь стороной универсам –
 вторая как-никак идёт декада.
 Живёшь по распорядку, по часам,
 но пахота в охотку – не надсада.

Гляжу, что в срок свою работу сдам,
 черчу разрезы, план и два фасада...
 Работа – чем не на' душу бальзам?
 Глаза лишь устают от AutoCADa.

Грядёт командировок череда –
 чем не сюжет иной передовицы? –
 на нефтебазы, что хранят бензины.

Безотлагательных делишек чехарда
 меня принудит иногда поститься –
 так раздражают шпроты и маслины.

6

Так раздражают шпроты и маслины,
 что рад любому выходу вовне.
 Прогулки заменяют мне статины,
 целебных свойств я не нашёл в вине,

которое до церебролизина
 способно довести меня вполне.
 In vino veritas? Но этого токсина
 боюсь вельми – не молод я зане.

In aqua sanitas! – забудь о бодуне!
 Но всё-таки берёт меня досада,
 что брага не течёт уж по усам.

Мне суть венка привиделась вчерне:
 когда судьбы снижается глиссада,
 рождественским не веришь чудесам.

7

Рождественским не веришь чудесам...
 Разобрана искусственная ёлка,

да поздравлений прекратился спам,
и не звонят знакомые, поскольку
перестаёшь звонить знакомым сам.
...Пора к цирюльнику – моя седая чёлка
не по нутру уж девицам-красам...
Подстригся вот! – хотя в том нету толку.

А тут как тут – день смерти Ильича...
Всему и вся он основоположник...
Что скорби нет – мы в этом неповинны.

Историки с размаху да сплеча
переписали всё, зело приправив ложью.
И веришь лишь в... целебность квашенины.

8
И веришь лишь в целебность квашенины,
когда бессилен кислый аспирин.
...Глядишь в окно – родные палестины
белы почти как пачки балерин.

На этом фоне жалки мне личины
и явных, и надуманных кручин.
Настал День снега* – праздник беспричинный.
Слепи же бабу, грустный гражданин!

Предайся незатейливой игре:
метни снежком в испуганных прелестниц!
Позволь себе фривольный эпизод!

А как сияет солнце в январе,
хотя зимы он медианный месяц!
Дословно переводится: «дверь в год».

9
Дословно переводится: «дверь в год»...
«Январь. У камелька» – звучит в подкорке,
уже иных и не припомню нот,
хотя играл Чайковского на хромке.

А «камелька» мне нужен перевод?
Слова старинные точны и очень ёмки.
Жду: возразит мне некий полиглот,
что их забудут умные потомки.

Куда деваться: правит новояз.
Давно я это чувствую и слышу.
Закон о чистоте бессилен ныне.

Язык наш в сленге по уши увяз.
Январь же назван – говорилось выше –
в честь бога времени, дверей, ворот (с латыни).

10
В честь бога времени, дверей, ворот (с латыни).
пусть будет так – незыблем календарь.
И хоть протесты зреют в славянине,
но я, признаться, вовсе не бунтарь.

Пускай зовётся ныне, как доньше –
привычно, узнаваемо: январь.
Этимологии затягивает тина,
но пусть всё будет так же, как и встарь.

У многих в этот месяц именины
(ликуйте, Вонифатий и Игнат! –
коньяк вас ожидает и шашлык).

Бесспорно, жаль, что зимние картины
подпортил целлюлозный комбинат.
...Для вечности январь – всего лишь миг.

11
Для вечности январь – всего лишь миг,
и время бесконечное конечно,
да жизнь сама – невольный гробовщик
живого, да и мёртвого, конечно.

Наш выбор, слава Богу, невелик...
Живём беспечно, хоть живём не вечно –
так мудро порешил Архистратиг,
хоть кажется порой – бесчеловечно.

Когда-то месяц звали *про̀синец*
(болгары сохранили это слово),
с тех пор прошло лет эдак восемьсот.

...Дак неизбежен, стало быть, конец?..
Рефрен в башке пиита пожилого:
безостановочен часов вселенной ход.

12
Безостановочен часов вселенной ход,
и стрелки их не крутятся обратно,
но радостно встречаем Новый год,
фужер опустошая многократно.

А после, суеты водоворот
нас заставляет видеть адекватно:
не вечен вокруг ёлки хоровод,
да праздник сам прошёл на редкость штатно.

Нас поджидает ветреный февраль,
«богини Майи месяц» – в переводе.
Не знаю никакой такой богини...

...Не так звенит померкнувший хрусталь,
но ход времён ещё не на исходе,
беззвучен он в необозримой стыни.

13
Беззвучен он в необозримой стыни –
(ход времени – см. выше пару строк).
А мы живём в прекрасной, в общем, ныни –
об этом, если вкратце, монолог.

Раз ты живёшь, не предоставлен глине,
то и пенять бессмысленно на рок.
Ну да, мечтал о высочайшем чине,
но не смертельно, что достичь не смог.

Во время предвечерних чаепитий,
намазывая маслице на хлеб,
ты вопрошаешь: «Что же я постиг?!».

Механика раскручена событий,
и шестерёнки крутятся судеб.
Но непонятно: есть ли часовщик?

14
Но непонятно: есть ли часовщик? –
меня интересует наипаче...
Я вопрошаю, перейдя на крик:
«А какова задумка, сверхзадача?»

Есть кто-нибудь, кто в эти вещи вник,
кто объяснит (надеюсь, что не спячу)
без заумей, чтоб я врубился вмиг:
зачат зачем? – об этом здесь судачу!

...В одном уверен я наверняка:
венка сонетов мне недоставало.
Теперь дам отдохнуть своим глазам...

Приблизился я к финишу венка
по рельсам своего же магистрала...
А почему январь?.. – Не знаю сам.

* – отмечается в предпоследнее воскресенье января.

Ольга БОРИСОВА

г. Самара

Член Союза писателей России, Европейского конгресса литераторов (Прага). Автор 13 книг стихов, прозы, публицистики (документально-исторических книг о Болгарии). Председатель Самарской региональной организации РСПА, главный редактор альманахов «Параллели» и «Крылья», член редакционного совета журнала «Белая скала», литобъединения «Точки» при Совете по прозе СПР. Стипендиат Министерства культуры РФ. Организатор международного фестиваля «ЛитКузница».

«Пропахло время гарью перемен...»

Сквозняки

По комнатам гуляют сквозняки.
Взлетают, словно птицы, занавески,
И пусть летят, ведь это – пустяки,
Пустяшные беспомощные всплески.
Стать птицами – бескрылым не дано,
И не кружиться им в бездонной выси.
Предел полёта – белое окно,
И потолок, что их слегка возвысил.
Гуляют по квартире сквозняки,
Щекочут нервно толстые портьеры.
А за окном листочки-медяки
Летят, летят в заоблачные сферы.

Сюжет

Танцы листьев, мыслей шёпот,
Небо-простынь, высь без меры.
Дней пугливых тихий ропот,
Ускользящих под сферы.
Буквы в ряд и лист бумажный,
Листья, лист и всё, как прежде.
Промелькнёт сюжет однажды
И подарит путь к надежде,
Мимолётной, робкой, смутной,
Ускользящей, как тени.
Я оформлю мысль под утро
Что пришла из сновидений.
Осень, дождь и мыслей шёпот,
Небо, тучи – цвет черничный,
И рассвета тихий ропот.
На страницах поэтических.

Клёну

Клён печален, он тоскует,
Сбросив яркие одежды.
Ветер кружит листья всеу,
Разрушая все надежды.
Клён, твои листочки-дети
Разлетелись по округе,
Осень их поймала в сети,
Развлекаясь на досуге.
Но весна вернётся снова
И оденешься ты в зелень.
Солнце – жизни всей основа,
Опоит лучами-зельем.
А зимой под вой метели
Сон – сладчайшее лекарство.
Будут петь тебе свирели
Из заснеженного царства.

Половицы

Я ушёл, а за спиною тихо ныли половицы.
В. Юрков

Тихо ныли и ворчали
за спиною половицы,
Когда в путь идти далёкий,
вдруг пришла моя пора.
Мне казалось, обсуждали

иль слагали небылицы,
Издавая звук протяжный,
провожая со двора.
И, прощаясь, всё ворчали
и не только половицы,
Дверь пружинилась, скрипела,
громко хлопала вослед.
И парили надо мною,
и кричали громко птицы,
Убережь они хотели
от грядущих многих бед.
Но ступали шумно беды,
по следам моим шагали,
И сломить скорей хотели,
больно жалили меня.
Но крыла я распускала
и парила в синей дали,
Опускавшись, путь торила,
по тропинкам семени...
Отчий дом в туманной дымке,
за далёким поворотом,
Как и раньше, так и ныне,
смотрит окнами в рассвет.
Провожает и встречает –
не меня... Живёт в нём кто-то.
И скрипят вновь половицы,
и таят ушедших след.

Электричка

Я вошла в электричку с названием «Жизнь»,
Мне билет подарило дождливое лето.
И летим мы теперь сквозь судьбы виражи,
Через зимы и вёсны, закаты, рассветы.

Где пристанище сыщем? С каким багажом
Мы сойдём на последнем глухом полустанке?
Оглянувшись, поймём, что считать миражом,
И на мир поглядим не с лица, а изнанки.

А пока ещё поезд проносит состав
По зигзагам судьбы сквозь беду и печали,
Мимо станций чужих, мимо ложных застав,
С неизвестным маршрутом в туманные дали.

Перемены

Пропахло время гарью перемен,
Кружат ветра, срывая чьи-то маски.
Нет ничего ушедшему взамен,
И на земле сгустились снова краски.
А прежний мир сгорает в топке дней,
И вновь мы ищем верную дорогу.
Но беды-осы жалят всё сильней,
И привыкаем к ним мы понемногу.
Дымы курятся прямо в небеса,
Слова молитв слетают вслед за дымом.
И тонут в бездне наши голоса,
И судный день грядёт неумолимо.

Иван НЕЧИПОРУК

г. Горловка, ДНР – Россия

Действительный член Славянской литературно-художественной академии (Варна, Болгария). Редактор журнала «Пять стихий». Член Межрегионального союза писателей, Союза писателей России. Автор 5 книг стихов и прозы.

Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

«Лицом к...»

Ветер

Воспитанность у ветра не в чести –
Ревёт и мечет, словно сумасшедший,
Сметая все преграды на пути,
Как птица Рух над городом летит,
Рвёт крыши с перекошенных коттеджей.

Не в силах удержаться, чтоб не взвыть,
Проспекты стонут кронами акаций
И плачут ранним золотом листвы.
А ветер гнёт деревья, как ковыль,
Муштрует нас и учит не сдаваться.

Усталость

(Горловский сонет)

И хочется вином залить тоску,
Ты так устал быть менестрелем бойни.
Легко судить смотрящим с колокольни
И языком молоть словес муку,
Чтоб речь звучала злей и протокольней,
Пока их с высоты не совлекут...

А тут молчишь, накапливаешь злость,
И чувствуешь себя как в саркофаге,
Пока душа не выплеснет бумаге
Всё то, что в хрупком сердце запеклось,
Не думая о страхе и отваге,
О спице, что вот-вот пронзит насквозь...

И судит век предвзято и сурово
За каждое несказанное слово.

Царство пуганных фазанов

Горемычная сентябрьская планета –
Поседевший от войны Донецкий Кряж!
Реки выпиты до дна, все песни спеты,
И застывшие над головой ответы
Не укладываются в хронометраж.

Это царство трижды пуганных фазанов
Не сдаётся. Этот край к тому привык,
Что не временем залечивают раны
И историю, назло эпохе бранной,
Переписывают в новый чистовик.

На заре

Смотри, какая чистая заря,
Какие облака парят над крышами!
Сочатся: пряный запах октября,
Оттенки мёда, меди, янтаря.
И тополя едва-едва колышутся.
Туман осел в низине луговой,
И счастье льётся с голосами птичьими.
Осенний город просто сам не свой
От Божьей красоты над головой,
Ликует, как дитя, забыв приличия.

Не резон

(Горловский сонет)

Превращая стихи в согласованный шум,
Обречённо ищу подходящее слово.
Но душа, растерявшись, мне снова и снова
Настоятельно шепчет, что я, мол, спешу.
А ноябрь сверлит спину взглядом суровым,
Я опять не от печки по жизни пляшу.

Заговаривать сны нынче вышел сезон,
Но шаманят ветра по шершавой бумаге.
Я хотел написать про линиялы флаги,
Но от этого страшный рождается звон...
Мне придётся забыть о вчерашней отваге,
Быть «героем не к месту» – уже не резон.

И слова улетают грачиною стаей,
Я во след пепел старых тетрадей листаю.

Не унывая

Облака смыкают своды,
А в судьбе моей прогал.
День грядущий предан, продан:
До весны всего полгода,
До неволи – полшага.

Но душа не унывает,
Торит тропку через гать.
И спешит судьба кривая,
Кесарево отдавая,
Богу Богово воздать.

Жди

Город словно рыба в молоке
В выхлопном тумане от ракет,
В окнах глаз тревожная дилема.
Не горят в безмолвном далеке
Слёзные огни аэродрома.

Декабрят холодные дожди,
И, напиваясь каплями вражды,
Город стонет в горьком испуге...
Но назойливо дождишки шепчут: «Жди
Искупленья, исцеленья, избавленья!».

Лицом к...

Город высится громадой
За согбенною спиной.
Я смотрю вперёд с отрадой,
Что исполнил всё как надо
В этой схватке жестяной...

В поле чистом, в поле сизом
Ветры травы теребят.
Жизнь застыла под девизом:
«Будь хоть Глебом, хоть Борисом –
Святополк найдёт тебя!».

Валерий РУМЯНЦЕВ

г. Сочи, Краснодарский край

Автор 14 книг стихов и прозы. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова, в номинации «Критика» (2018).

«Змеями сплетались времена»

По горячему по краю,
Уносясь от суеты,
Мчится жизнь, коней меняя,
На извечный зов мечты.

Разноцветные пегасы,
Что остались позади,
Полыхнут вдруг буйством красок,
Чувств фонтаны пробудив.

Кисть фантазии мгновенно
Чувства превратит в эскиз,
И прильнут к холсту Вселенной
Вдохновенные мазки.

Шаг за шагом из фрагментов
Станет возникать сюжет,
Как из кадров – кинолента,
Как из малых вспышек – свет.

По горячему по краю,
Где кругом таится смерть,
Мчится жизнь, себя сжигая,
Чтобы мир вокруг согреть.

Чтобы где-то жизнь другая,
Уловив далёкий свет,
Тоже вскачь пустилась, зная,
Что пути другого нет.

По горячему по краю
Сквозь завесы темноты
Мчится жизнь, в судьбу играя.
И ползком за нею – ты.

Мчится жизнь, а ты не мчишься,
Утонув в болоте дней,
И на жизнь привычно элишься,
Что не бережёт коней.

Всё пустота и суета сует.
Брожу среди развалин предрассудков.
Всё в этом мире оставляет след,
И крошки истины порой таятся в шутках.

Из мифов падают реальности куски,
Но как сложить их в правильном порядке?
Быть может, откровения близки,
Но остаются для людей загадкой?

И я ищу послание с небес.
Послание, сокрытое веками.
Чтоб спрятать дерево, вокруг сажают лес.
А где мог спрятан быть заветный камень?

Быть может, он среди других камней
В пещерах, руслах рек, на горных склонах?

Но коли так, то сколько нужно дней
Для поисков скрижалей затаённых!

Нет, среди камней их прятать – смысла нет:
Ведь время камни в порошок стирает.
Так где же сохраниться мог Завет –
Путеводитель по тропинке к раю?

Ведь не могла же обратиться в прах
Весть, данная с надеждой и любовью.
Лист дерева надёжней скрыть в лесах,
Смысл слов обычно прячут в многословье.

«Чтоб спрятать дерево, вокруг сажают лес», -
Звучит негромким эхом в подсознание.
Слова, в наш мир пришедшие с небес,
Могли быть скрыты в лабиринтах знаний.

Вдруг ждут они среди никчемных слов,
Уже заполонивших всю планету?
В словесном море много островов,
Хранящих стародавние секреты.

И в паутине хроник древних лет,
Среди обрывков мифов, басен, сказок
Ищу слова, в которых тлеет свет,
Чтобы сложить божественные фразы.

Но, видно, проще отыскать иголку
В стогу, чем в этих залежах Завет.
Ищу намёк хотя бы, но без толку:
Ковчегов – кучи, а Завета нет.

Апокрифы надежд не оправдали.
Их тайный смысл на деле – пустота.
И тают исторические дали
На полотне вселенского холста.

Змеями сплетались времена,
Порождая странные узоры.
И росла невежества стена,
Пряча мир от равнодушных взоров.

На стене невежества цвели
Злобы и жестокости лианы.
Над стеной сражения вели
Вьюги и шальные ураганы.

И швыряли лепестки цветов
Прямо в человеческие души.
И сжигали толпы чей-то кров,
Начиная всё бездушно рушить.

Пыль руин взметали времена,
Закрывая пройденные тропы.
И брели по кругу племена
По указке новых лжепророков.

Дарья ФОМИНА

г. Балашиха, Московская обл.

Фомина Дарья Александровна. Родилась 1 ноября 1986 года в городе Ногинск Московской области. Окончила факультет русской филологии Московского государственного областного университета, курсы литературного мастерства в Creative writing school: курс non-fiction Е. Ляминой и курс по написанию эмоционального рассказа М. Кучерской. Финалист и дипломант фестиваля-конкурса «Берега дружбы» (2020, 2021), конкурса поэзии «На крыльях грифона» (2020). Вошла в лонг-лист премии Болдинская осень 2021 в номинации «Критика». Публиковалась в журналах «Волшебная скрижаль» и «Звёздочка наша», а также в поэтических сборниках. Член редакционной коллегии журнала «Северо-Муйские огни» (отдел прозы).

«Нашей жизни сценарий простой...»

Свобода – вернуться туда,
где любви было мало.
Цитировать Бродского,
будто шальная пластинка.
Как в детстве, на скатерть
пролить молоко из стакана,
На фото – из прошлого
чья-то родная улыбка.
Чередование мятного чая
и кофе с корицей,
Сапфо с Еврипидом,
под танго дождя, до рассвета.
А утром туманным
прохожих угрюмые лица
В лучах фонарей
сиренево-блёклого цвета.
Ну а потом, в забытьи,
говоришь сам с собою
И тянешь соломинкой ром,
словно мёд, словно лето,
И слышишь звонок,
а потом: «Подожди, я открою».
И чувствуешь – сходишь с ума,
что недолго до этого.
Огни аметистом горят,
и на «скорой» сирена
Прорвётся, как крик,
посреди немоты воскресенья.
Дворняжка, уткнувшись
в опавшие листья смиренно,
Лежит посреди темноты
и печали осенней.

Мир состоит из молчания статуй,
Радуги в небе, любви и закатов,
Тёплого моря, весны, кипарисов,
Сосен, зачёсанных ласковым бризом.
Из вспышки молнии, прикосновенья,
Из облаков и рассветов горенья.
Мир состоит из печали и слёз,
Кратеров лунных, дыхания звёзд,
Мир состоит из нулей, единиц,
Слов, человека и белых страниц.

В далёких странах – дымкою миндаль,
В полях алеют нежно анемоны,
Ну а в России-матушке – февраль,
Клюют рябину мёрзлую вороны.
А в городе моём рассыпались снега,
И звуки арфы из окна печальны.
И льётся тоненьким ручьём издалека

Соната колокольчиком хрустальным.
Зима тепло укрыла города,
Деревьям снежные связала шарфы.
И пусть звучит в душе моей всегда
Волшебная мелодия для арфы.

Зима так идеальна для ухода –
Зимой предпочитают умирать.
Зима – всегда такое время года,
Когда не жалко мир сей покидать.
Укрытые холодными снегами,
И дом, и сад недвижны и мертвы.
Восходит дым горячими клубами,
Взмывает духом в небо из трубы.
И я бы прервала единоборство,
Душою оторвалась от земли,
Когда бы не с настойчивым упорством
Весною нежно яблони цвели.
И под влияньем пышного цветенья,
Хочу смотреть на звёздный вальс вдаль,
И на качелях умиротворенья
Лететь в объятья жаркие любви.

Осталось совсем немного дожить до лета.
А вера моя в кроне дуба застряла где-то,
Где шёпот и свист ошалевшего с горя ветра.
Дожидаюсь конца своего личного света.
Бог внимательно ищет моё личное дело.
Аппарат рисует транскрипцию моего тела.
А в окно влетает запах цветов июльских.
Аппарат рисует транскрипцию моего пульса.
А там, наверху, потеряли личное дело,
И, пока его не нашли, я вдыхаю смело
Аромат цветов и чего-то ещё, из детства,
И на солнечный свет никак не могу насмотреться.
Не сработала у кого-то, похоже, магия вуду.
На экране идёт сигнал, а значит – жить буду.

Растворился вечер почти –
Так во рту тает сладкая вата.
А я глаз не могу отвести
От порезанных линий заката.

Светло-алый сменился багряным,
Нежно-розовый – синим на треть.
Этот фильм на небесном экране
Я могу бесконечно смотреть.

Может быть, за горящей чертою,
На доске исчезающей той
Бог рисует несмелой рукою
Нашей жизни сценарий простой.

Николь ВОСКРЕСНАЯ

г. Владивосток

Николенко Анастасия Алексеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и права ВГУЭС. Член Союза писателей России. Автор 5 книг стихов. Публиковалась в ряде российских литературных журналов и альманахов, в том числе журнале «Северо-Муйские огни» (№3/91/2022), китайском журнале «World poetry» (09.2022). Лауреат и дипломант городских и всероссийских литературных конкурсов (2007 – 2016). Лауреат-победитель международного литературного конкурса «Петроглиф» (в номинации «Поэзия», 2022), Республика Карелия (Петрозаводск). Лауреат Международной поэтической премии фестиваля БОАО (Китай) в номинации «Молодой талант года» (2023).

«Суть этой звёздной системы...»

Мне снятся птицы, голуби и воробьи,
да жернова, с которых сыплется им зерно,
и только старое зеркало удалось спасти –
уцелевший слепой калейдоскоп.

Душа шатается на ржавых болтиках:
картонный ярмарочный медведь.
И размалёванное добро, в маске солнышка,
на середине неба должно замереть.

К пустому колодцу за водой не пойдут,
лишь за надеждой – и то слепой,
но тихое воинство,
обречённых ангелов семихвостый кнут,
и каждый выведет к Богу тропой.

Шпиль кирпичи – дурацкий колпак,
просвет: знак чего-то хорошего,
горчит аромат, изливаясь как мрак,
свечью коптит осина иссохшая.

В витраж – паутину запутался лист,
паук неподвижен, закончил мессу,
у октября сбоят часовой механизм,
на карте нет свободного места.

Как гвозди в распяты, вбивая шаги,
дойти к перекрестку сезона.
Прозрачную нитью из моей руки,
луч позднего света, к тебе лишь притронусь.

Безымянное

В одиночестве будешь думать гекзаметром,
в толпе анапестом.
Самым нелепым экзаменом
всегда становится персональный апокалипсис.

Атмосфера только плацента,
захватить бы сердце агломерации.
Отравить безымянными травами,
горчачими, с процентом,
настоянными на анафеме и аллитерации.

За месяц что угодно становится родным,
я читала книгу, которой была
оглушена, обескуражена.
И теперь в толпе почерневших, слепым,
раздаю настоящее ненастоящее.

Дурные привычки матери,
доставшиеся по наследству,
начинать с троеточия, заканчивать троеточием.

Мне в этом монастыре
судьба быть настоятелем – с детства,
безымянность как неприятный звук
отрывающегося скотча...

Чайное

Чай травяной купить –
и всегда забывать заваривать.
В мелочах – то ли путь, то ли нить,
разучиться бы разговаривать.

Познавать постепенно всё,
никогда ничего не изведать.
И заброшенный томик Басё,
открывать исключительно в среду.

Страх – отсутствие информации,
ум цепляется за деталь.
Всё деструкция, деформация,
как отравленный горечью чай.

Развоплощение

Невозможно воспроизвести ни это видео,
ни меня, ни вчерашний день,
так проста и так незавидна
участь всех, кто отбрасывал тень.

Сложна детская проблема выбора,
не чувствительная к кровотечению.
Между красным и красным, левым и левым,
не очевидна связь, ведущая к развоплощению.

Пустота, облачённая в ржавое,
липкое, шевелящееся, живое,
неизбежно будет разжалована
быть самою собою.

Поэзия – вскрытые вены,
и ты беззащитен и слаб.
Суть этой звёздной системы:
пожар из твоих бумаг.

Литература при смерти,
имитация рождает имитацию,
так дай ей последний выстрел,
в ад аккредитацию.

Если кожа бортовой журнал,
а любое окно тетрадь,
то бессмысленно то, что искал,
вздохом силиться оборвать.

Алёна ИВАНОВА

г. Озёрск, Челябинская обл.

Лингвист. Автор 2 книг стихов. Публиковалась в российских и зарубежных литературно-художественных журналах, антологиях, коллективных сборниках. Участница пяти Международных форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья «Липки» (2013, 2015 – 2018). Победитель литературных конкурсов от городского до международного уровня.

«Поэзия жизни»

Маэстро библиотекарь

Обитель вдохновенной тишины
Замолкла в затаённом предвкушенье.
Тревожит муза струны-ощущенья,
И вздохи оркестрантов чуть слышны.

Как взмах смычка – распахнутая дверь.
По робкому желанью человека
Восторженно струит библиотека
Неуловимых звуков акварель.

Послушны мановению руки
Внимательного стража-дирижёра,
Страницы шепчут соло или хором
Порхающую музыку строки.

Взмывают, поднимая паруса,
Шедевры из безмолвного забвенья
И воскрешают в такт сердцебиенью
Своих творцов живые голоса.

Свершается преемственность веков.
Поют самозабвенно фолианты.
И в миг сей пробуждаются таланты
Узревших мастерство учеников.

Бескрайняя симфония томов –
Удел библиотекаря-маэстро.
Он – дирижёр беззвучного оркестра,
Хранитель филармонии умов.

Двести десять граммов любви

Обнимаю тёплый конверт
Нежно-нежно, словно младенца.
На бумаге белей полотенца
Проступают линии черт.

Безмятежно дышит пунктир,
Тихо дремлют буквы и строки.
Будут люди добры иль жестоки?
Как их примет мыслящий мир?

Двести десять граммов. Квиток.
Пропустило сердце два такта.
Бандероль. Получатель – редактор.
Застревает в горле глоток.

Беспокойно в мыслях опять
Проверяю рукопись. Помню
Каждый лист, каждый знак. Может, скромно
Отступиться? Нет, ни на пядь!

Мой ребёнок, опыт и труд.
Неужели, взяв из конверта,
Не оценят его, лишь повертят
И бесстрастно в пыль разотрут?

Травит душу плен паутин
Тех видений, сном отягчённых...

Душу в граммах измерил учёный
И заверил: двадцать один.

Что же, правда – там, в облаках.
Всё возможно разве исчислить?
Вес имеют ли чувства и мысли?
Неизвестно. Только в руках

Двести десять граммов любви,
Размышлений, грусти, надежды.
Да прошествуют мимо невежды!
Мой малютка, ну же, живи!

Поэзия жизни

По бульвару порхает листок –
Мотылёк, тонкотелый, тщедушный.
Он за осень истаял, иссох,

Но, возрастая зелёным послушно,
Золотого достиг мастерства
И расстался с опорой воздушной.

С тем листком поравнявшись едва,
Расступаются встречные люди.
Не преграда им он: маловат.

Он – отрада. Стихами о чуде
Вьётся танца изящный узор –
Красота по естественной сути.

На дороге листок-фантазёр
Пропускают смиренно машины.
Ловит фар очарованный взор

Дух небес, духом ветра кружимый.
Высветляется хмурый асфальт,
И с него исчезают морщины.

Сквозь дождинки, сквозь тучи строфа
Мчится ввысь завитком тайнописным.
Не удержит ничто этот вальс:

Под гипнозом природной харизмы
Встал весь мир. И листок-махаон
Созидает поэзию жизни.

Правда, в прозе – в реальности – он
В следе ног и колёс, в мутной луже
Потемнел бы, нелеп и смешон.

А в стихах кто достоин, тот нужен.
Оценён вдохновенный порыв,
Золотится поэма из кружев.

Мчит листок, над Землёй воспарив,
Сквозь Вселенную, меряя вёрсты¹.
Верный путь в бесконечность открыв,

Перед ним разлетаются звёзды.

¹ Меряя вёрсты – (фразеологизм) быстро преодолевая большие расстояния.

Татьяна МИХАЙЛОВА

г. Тверь

По образованию филолог. Переводчик, журналист, краевед, поэт. Автор 10 книг, соавтор нескольких российских и зарубежных сборников. Победитель литературных конкурсов в России и за рубежом: «Приключение приходит само: Мир без войны и насилия» (Польша, 2011), «Лучшая книга» (Германия, 2010), «Русский стиль» (2009), «Согласование времён» (2011). Член жюри международного поэтического конкурса «Согласование времён» 2012 г.

Публиковалась в российских и зарубежных литературных изданиях: «Откровение» и «Приморская, 49» (Братск), «Тула литературная», «Литературный альманах КГУ» (Курск), «Галисман» (Москва), «Север» (Петрозаводск), «Южная звезда» (Ставрополь), «Метаморфозы» (Гомель), «Юность», «Связь времён» и «Лексикон» (США), «Поэзия сегодня» («Poezija dzisiaj», Варшава). По итогам конкурса имени С. Есенина 2011 г. приглашена в российский Союз писателей и переводчиков. Обладатель памятной медали Министерства обороны РФ за участие в конкурсе «Герои Великой Победы» 2016.

Право на память**Владимир Соловьёв**

Немолодой. Некрупный. Некрасивый.
Морщины занимают пол-лица.
В глазах же – и ирония, и силы
Вобрать в себя всё это до конца:

И судьбы храмов (кланялись им низко
И искренне и деды, и отцы,
А разорив их, стали девок тискать
В них зрелые лишь телом молодцы),

И политические неувязки
(Из-за которых в сёлах ни души),
И – привлекательней восточной сказки –
Рассветы (как закаты, хороши),

И плоти зов (смешные эти бабы
Хохочут или плачут невпопад –
Нет, чтобы просто приобнять хотя бы...
Поэт невольно опускает взгляд)...

Да, всё вокруг него – и то, и это,
И светлый мрак его живой души –
Всё ляжет в строчки самого поэта,
Колючие, как местные ерши.

К 100-летию Николая Комиссарова

Человек воевал:
мы фашистов не звали сюда.
Человек убивал.
Но очистился кистью и краской
И дарил нас потом
золотую осеннюю сказкой:
В ней шептались берёзки
и в лужицах стыла вода.

После жизни земной
уготован художнику рай.
Бестелесной душой
пролетит над погрязшими в быте,
И бесплотную руку
подаст ему тёзка – святитель
И ценитель всех наших
духовных побед Николай.

Гумилёв vs Дементьев

Сто лет со дня расстрела. Стынет камень
В Твери – я полагаю, со стыда.
На нём резцом, горячими руками:
«Здесь будет памятник ЕМУ». Когда?!

Чиновники! Окститесь, толстосумы.
На каждом – да, на каждом! – вираже
Другие занимают ваши думы,
Других увековечили уже.
Над городом чужих дверей и окон
Недоброй тучей прошлый век висит.
И конь Тверского изумлённым оком
На улицу Дементьева косит.
Безгрешны пули. Не найти второго.
А первый с нами. Он в стихах, во сне.
И мы артиллериста Гумилёва
Не жаждем видеть на лихом коне.
Но на его портреты непритворно
Глядим: так поднимаются с колен.
Как ладно пригнана к поэту форма!
Как воин словом нас уводит в плен!
И звуки имени его прекрасны.
И нашим внукам он уже знаком.
И воздух Абиссинии опасной
Над выставкой – чуть слышным ветерком.

Лихославль. Семья Соколовых

Под отчий кров Марины Соколовой
Не приезжала я пятнадцать лет.
Хозяйки больше нет. И кошек нет.
И нет здоровья у чужого крова.

И диким полем смотрит огород.
Жилец не кажет личико народу.
До юноши нет дела огороду,
Но вместо грядок – грустный недород.

И только дуб – под сто ему, не мал –
В венце из высеченных ветром сучьев
О человеческой природе сучьей
С тоской и болью думать не устал.

Дом выпустил в большую жизнь мужчин.
Один прославлен, а другой растоптан
Всё той же властью: разве что не оптом
Писателей косила без причин.

В шестидесятых в том, что неправа,
Страна призналась. Родственник известный
Писал стихи. Сестра же в доме тесном
Оберегала дядюшки слова

И издала. Теперь её уж нет
Самой, но этот памятник на камне
Со сжатыми от боли кулаками –
Из прошлого кровавый нам привет.

Яков ШАФРАН

г. Тула

Шафран Яков Наумович. Родился в 1950 году. Два высших образования: в 1973 г. окончил Тульский политехнический институт по специальности «Двигатели летательных аппаратов», в 1998 г. – Высший психологический колледж по специальности «Практический психолог». Автор 8 книг стихов и прозы. Публикуется в литературных журналах и альманахах. Лауреат ряда литературных премий. Заместитель главного редактора литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег». Действительный член Академии российской литературы. Член Союза писателей и переводчиков при МГО СПР, Российского союза писателей.

В мир, что светел и чуден

Река жизни течёт и бурлит,
Обстоятельства волнами катятся.
Ведь совсем не сплошной монолит
Наша жизнь, а игривая всадница.

У неё для нас много дорог.
Делать выбор их нужно сознательно.
Но в свой личный, интимный мирок
Человек погружён основательно.

Только если уютным тем миром
Околдован и стал дезертиром –
То отныне не будет бойцом.

Ведь от Выси упрятался стойко
И от Яви ушёл он настолько,
Что пред Богом остался слепцом.

Монахи-отшельники, бросивши мир,
В скиты уходили подальше от шума
Всех толп, толковищ, нехороших квартир,
Где течь не могла отвлечённая дума.

Но в пустынь далёкую шли не от дел,
Совсем не от жизни и рода людского,
А чтобы, отринув влияние тел,
Тем лучше служить делу Бога Живого.

И так же, как иноки, Славные Духи,
Отдавшие жизнь, человечества Слуги,
Уходят служить в подземную Твердь.

И там, далеко от суетного мира
Стоят у истоков, стоят у кормила,
Чтоб тёмных в духовной борьбе одолеть!

Мирового ковчега штурвал,
Из Обители горней, священной,
Повелитель планеты вращал,
Направляя корабль к переменам.

Для грядущей прекрасной зари
Перемены те Света во имя.
Эволюции ход отворит
Лучший мир, где мы будем Живыми.

Мы приветствовать это должны.
Не слова, а дела нам нужны –
Выше личного Общее ставить.

Не с собой, а с Владыками быть,
Кто распят был руками толпы,
Нам неся суть Божественной яви.

Среди трудных условий и дел,
Среди косности малых сознаний,
Среди лжи, где царит беспредел
Клеветы, колдовских заклинаний,

Небывалая в мире страна
Будет явлена дивным рассветом.
Путь победный содеет она
Всему мраку земному ответом.

И с Владыками каждый — кто с ней
Будет ближе, верней и сильней
Как в несчастье её, так и в мощи.

Несмотря на лишения свои,
Ненасытные тёмных рои,
Тот Обители Света помощник!

Вышний План совершается вечно,
И свершится Он, тьме вопреки.
Жизнь людская весьма быстротечна,
А Вселенская — русло реки.

Но, избрав против Плана дорогу,
Человек не помощник. И тьму —
Безрассудство своё у порога
Надлежало б оставить ему.

К Свету позванных много, но мало,
Кого адская тьма не сломала,
Кто со Светом решился идти.

И Служители Вышнего Света,
Утверждая Скрижали Завета,
Укрепляют таких на Пути!

Чтобы жизнь утвердить – отойди от неё.
Чтобы жить для людей – удались от народа.
Чтобы делать для всех – позабудь про своё.
Такова наивысшей работы природа.

Но труднее всего жить для всех среди людей,
Среди бурь, суеты, – в мире быть не от мира,
Чтобы та какофония буйных страстей
Равновесие в Свете в сердцах не затмила.

И решение этой проблемы в Любви, –
Что наш Дух постоянно крепит и живит, –
К человечеству, нашей планете и людям.

Той Любовью Великие Духи к нам шли,
На Себя все страданья, гоненья взвалив,
Чтобы нас увести в Мир, что Светел и Чуден.

Александр ТОВБЕРГ

г. Гатчина, Ленинградская обл.

Член Союза писателей России, Межрегионального Союза писателей, Союза писателей Крыма. Автор 7 книг стихов и прозы.

«Любови кончились, любовью больше нет...»

В твоей мобилке функция очистка
 Мясиста и кустика, как очиток.
 Макнись в неё – и станешь чистым-чистым,
 Хрустящим свежестью, как свиток,
 Пустой-простой, готовый для писаний,
 Для новых букв и черт, и очертаний.
 Нажми на кнопку с удалю, сударик,
 И удали того, кто не ударит,
 Сотри их лица, фото, аватарки,
 Вот этого, сидящего на танке,
 С никнеймом «бог», и эту – на каталке,
 Похожую на старую весталку,
 Друзей и недругов – лужёных приближённых,
 Тиктоком и фейсбуком прокажённых.
 На месте их – роскошная малина
 Пускай растёт в растворе формалина.
 Мать-матрица пусть плодоносит цифрой,
 Инфой и формулой нерегулярных циклов.
 Стирай, енот, никто тебя не тронет:
 Ни Енох, ни вомбат, ни макаронник.
 Всех бывших и отбывших, и бывалых –
 Стирай на раз – вот и тебя не стало.

Солдат

Однажды утром он получает повестку,
 Для которой матерью был рождён.
 Он целует взасос невесту
 И уходит пешком на фронт.

Здесь встречает его Петро Апостол,
 С простой фамилией – Старшина:
 «Ну-ка, сынок, рассчитайся по росту!
 Здесь не титька мамкина, а война!

Помни, солдат, здесь ты всем доволен,
 Свобода воли – кричать ура!
 Кукольной армии мятный воин,
 Твой Бог теперь – пряничный Генерал».

И в солдата сиропом вползает радость.
 Улыбаясь, он надевает бронезилет
 Из разноцветной бумаги,
 подаренный детским садом,
 Главное, помнить – что смерти нет.

И, хлебнув из фляги фруктовый йогурт,
 Накормив леденцами игрушечный автомат,
 Он понимает – врагов так много,
 Что необходимо любить их и – убивать.

И, стреляя пулями из ирисок,
 Швыряя гранаты и прочий бананофрукт,
 Он видит, как сёла покрываются кипарисами,
 А в городах кусты апельсинов цветут.

И солдат распыляет сладкую вату,
 И рот раскрывает, выкрикивая смешной стишок,

И дети с восторгом бегут к солдату.
 Как воевать-то – оказывается – хо-ро-шо!

Победа, слава, окончен кастинг,
 И от блаженства коктейлем лопается голова,
 Какое – оказывается – веселье, счастье, –
 Врагов человечества убивать!

.....
 Солдат приходит домой под вечер.
 Он выполнил долг, но он так устал,
 Спасая будущее человечества
 С запрограммированной улыбкою на устах.

И – не узнаёт ни время, ни местность,
 И к горлу подкатывает сладкий ком,
 Он всех победил, отлюбил всех честно, –
 Но где его мать ... и невеста, отец и дом.

Старшина обещал, говорил: «Вы – сила!
 Вы – фен-шуйная армия,
 и сие – непреложный факт!».
 Но, видимо, что-то не получилось,
 Видимо, что-то пошло не так?

Солдат садится в траву и творит молитву:
 «Больше войн не будет,
 Не будет,
 Не будет,
 Нет,
 Это была самая распоследняя битва».
 И в мозгу его перекачивается сказочный
 леденец:
 «Ведь смерти тоже не будет,
 Не будет,
 Не будет,
 Услышьте, люди,
 Поверьте, люди,
 Ну где ж вы, люди,
 Ведь, наконец-то,
 Смерти
 Пришёл
 Конец!»

Любови кончились, любовью больше нет.
 Открыв словарь, уйди в него навеки.
 Пусть голый день остывший, как свинец,
 Глухим дождём заштопывает веки.
 Внутри трудов – тщедушная тоска
 То хочет спать, то хочется напиться –
 Чтоб никого не ждать и не искать,
 Перебирая мысленные письма.
 Придуманное памятью – уже
 Не разобрать за строчечным разором.
 И на какой язык переложить
 Расхристанные ветром разговоры?
 На птичий, на овечий? – никакой
 Не передаст увечные мотивы –
 Швы разошлись настолько далеко –
 Что расстояния уже необратимы.

Андрей ШТАЛЬ

г. Горловка, ДНР – Россия

Шталь Андрей Анатольевич. 50 лет. Член Межрегионального союза писателей и Союза писателей России.

«Здесь под ногами древняя речка Рось...»

Девонский период

(переселенческое)

О жизни часто судят априори,
Но результат обманет ожидания,
Когда тебя однажды бросит море
Куда-то за пределы мироздания.

Покинуть дно, держаться ближе к свету,
Конечности меняя без наркоза!
Стремиться выжить и искать ответы
На некие глобальные вопросы!

Взглянуть назад, дорогу подытожить
И не найти, кому сказать «спасибо»
За жизнь свою... Я никому не должен,
За исключением кистепёрой рыбы.

Спасибо, что и люди есть, и звери,
За то, что я умею строить планы,
За то, что завтра выгребу на берег
Из дна мира мирового океана.

Лежит дорога на закат.
Уносит ветер вдаль листву.
Ну, вот и я стал староват
Летать во сне и наяву.

Я раскрываю старый зонт,
Спускаюсь с Замковой Горы.
Передо мною горизонт
Ещё прозрачен до поры.

Всё это золото листвы,
И боль разлук, и радость встреч,
Я завещаю вам, но вы
Мой мир не будете беречь.

А город мечется, спешит,
Дымы костров, как неглиже.
Лишь у кофейни Вечный Жид
Присел подумать о душе.

Жертвенный камень

Время всех нас укроет песками,
Но прервав свой безжизненный сон,
Всё же выполз вдруг жертвенный камень
На дорогу из прошлых времён.

Из другого культурного слоя,
Из легенд и глубин – в никуда.
А вокруг что-то новое строят
И о чём-то гудят города.

Он глядит в миллионную осень,
Совершая извечный дозор.

Ветер древнюю пыль его носит
И вступает со временем в спор.

Но, что было когда-то, забыто,
И всему был отпущен свой срок.
Остаются могильные плиты,
Остаются холмы да песок.

Жизнь и смерть хороводят веками,
Смотрит солнце на всё свысока.
Ждёт чего-то увесистый камень,
А под ним – вековая тоска.

Запах ладана

Из церковной лавки пахнет ладаном.
Не фанат я свечек и икон,
Но Господь дарует всё, что надо нам,
В благодарность мы ему – поклон.

Я иду вперёд, открытый космосу,
С важным видом Божьего бича,
Я ещё способен видеть Господа
В самых неприметных мелочах:

В помидорах, что несу в авоське я,
А потом на ужин извлеку,
В кошаках, сидящих за киосками,
В трескотне сороки на суку,

В паутине лета уходящего.
В каждом часе, в каждом новом дне
Я способен видеть настоящего
Господа, живущего во мне!

Юрьев день

В час, когда мир остынет от грозных войн
И перестанет рушиться Божий храм,
Я подытожу путь бесконечный свой,
Я излечу себя от смертельных ран.

Белая Церковь тянется к небесам,
Но у подножья вьётся Змеиный вал.
Слышу, звучат из прошлого голоса,
Словно незримый кто-то меня позвал.

Вижу – в вечернем небе дрожит звезда,
Речки покой – как тёплое молоко.
До Византии нынче – рукой подать,
И до Европы – тоже недалеко.

В горсть собери все звёзды да в воду брось –
Млечным Путём сюда же я и упрусь.
Здесь под ногами древняя речка Рось,
А за плечами всюду – Святая Русь!

Леонид КАРПОВ

п. Кестеньга, Республика Карелия

Член Союза российских писателей. Автор 2 книг стихов: «Давай поговорим» (2013), «Всё просто и всё очень сложно» (2016). Публиковался в местных СМИ, журнале «Север» (Петрозаводск). Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни». Победитель всероссийского литературного конкурса «Горячий снег» - к 80-летию Сталинградской битвы (Симферополь, 2023).

«Эта зима...»

Непрененно быть!

Я возьму тебя за мизинчик, остановлю.
Не спеши – другие миры подождут немного.
Очень скоро настанет время и февралю
закружиться пургой падучею у порога
перед дверью с облезшей краской и без глазка,
за которой, в потоке будней и царстве сонном,
весь январь твои песни пела печаль-тоска,
но другим, леденящим сердце и душу, тоном.

Я тебя попрошу остаться ещё на день,
на минуту, на миг, который длиннее года.
Всё короче вдоль края леса ложится тень,
всё несдержанней на капризные рифмы мода.
Спрос на счастье не знает сытости и границ,
а любви непременно быть то святой, то падшей.
Пусть испачкает март невинность пустых страниц
тушью, смешанной со слезами разлуки нашей.

Я ждал тебя...

Я ждал тебя, не любящую слякоть
дождём и снегом вспученных дорог.
По осени не нам с тобою плакать.
Её унылым чарам вышел срок.
Морозный воздух, ноздри обжигая,
тоску ненастных дней пронзил, как нож.
Я ждал тебя и верил, дорогая,
что именно вот так ты и придёшь.
Не трать минут на радость нашей встречи.
Вокруг, как видишь, дел невпроворот.
Зажги скорей на мрачном небе свечи
и всполохи отправь в ночной полёт.
Наполни лес завьюженными снами,
укутай пледом дол и, как всегда,
на озеро, бурлящее штормами,
набрось кольчугу гнущегося льда.
Пусть злятся те, кто искренне не рады
смотреть из-под насупленных бровей
на то, как с каждым днём твои наряды
становятся намного красивей.
И на блестящем, белоснежном ложе
устроившись, не думай о весне.
Я ждал тебя! И ты, надеюсь, тоже
Спешила на семи ветрах ко мне!

Кизрека

Среди волнистого простора
мятежных Топозерских вод
давно есть место, о котором
мечтаю я не первый год.
Я никогда там не был прежде,
но верен с самых юных лет
неугасающей надежде
на той земле оставить след.

Я в мыслях много раз скитался
по этой дальней стороне
и, неприкаянный, пытался
услышать спящие во мне

времен далёких отголоски,
зовущие через века
к той самой берега полоске,
где начиналась Кизрека.

Я чувствую, что где-то в генах
храню деревни этой быт,
который канул в переменах
и стал потомками забыт.
И там, где предков прах под мхами
нашёл смиренность и покой,
хотел бы вымолить стихами
прощенье перед Кизрекой!

Так случилось...

Убывает моя Луна, а твоя растёт.
Снегопады над Белым морем, дожди над Бугом.
Мне бы выбрать не этот век и не этот год,
чтобы стать для тебя единственно нужным другом.
Мне бы в омуты не заглядывать - обойти,
чтоб смотреться, за разом раз, в голубые плёсы
и с улыбкой себе ответить в конце пути
на простые, для всех счастливых людей, вопросы.

Как лианы, обвили рельсы земную твердь,
тупиками пугая тех, кто застрял в дороге.
Так случилось – тебе на станцию не успеть
и не выехать мне, курящему на пороге,
потому что билетов нет и ушёл кассир,
оттого что не знал таксист на вокзал маршрута
и, к тому же, весь этот мир стал внезапно сир
и не нужен ни нам с тобой, ни ещё кому-то.

Покрывало над спящим лесом проела моль,
и сползает оно в чуть тёплый костёр рассвета.
Утро выстелет скорбной тенью тоску и боль
вдоль домов, что сегодня нас согревают где-то.
Но, когда непременно снова настанет ночь,
снег закружится и роса упадёт на клевер,
не получится не заметить и превозмочь
жажду броситься: мне – на юг, а тебе – на север.

Эта зима...

Эта зима увлеклась ворожкой не на шутку
и замутила шальную любовь с декабрём.
Осень оставила нам, для спасенья, минутку,
Если себе мы, опять, как всегда, не соврём.
Стынут под северным ветром раздетые рожи,
на серебро разменяв потемневшую медь.
Осень о нас не забыла: чего уже проще –
то, что длиннее, чем жизнь, напоследок успеть?

Тянутся серые тучи от Белого моря
до утонувших в снегах Апатитских хибин.
Мы окунулись друг в друга, спасаясь от горя,
и не стыдимся блестящих на солнце седин.
Бьются под панцирем льда беспокойные реки,
не укрощённые хваткой хрустальных оков.
Я подышу на покрытые инеем веки
и растворюсь в благодати твоих родников...

Рыбоохотобзор

Хожу на охоту, пишу мои вирши...
Н. А. Некрасов

Юрий ЖЕКотов

г. Николаевск-на-Амуре, Хабаровский край

Жекотов Юрий Викторович. Член Союза писателей России. Автор 6 книг прозы. Публиковался в журналах «Берега», «Дальний Восток», «Мир животных», «Молодая гвардия», «Охота и охотничье хозяйство», «Охотничьи просторы», «Подъём», «Приокские зори», «Российский писатель», «Север», «Южная звезда», «Юный натуралист» и др. Лауреат ряда международных и национальных литературных премий. Почётный работник общего образования РФ.

Секреты лесной избушки

Рассказ

Нашёл я эту лесную избушку по сентябрю, когда в неурожайный для грибов год в поисках опять и маслят заблукал в глухом распадке. Неброское с виду жильё, но с полным комплектом услуг: печка буржуйка; топчан подле неё, сколоченный из двух широких досок; по другую сторону терема столик, прикрепленный одним боком к стене; полка над столиком с разномастной и видавшей виды посудой; топор, пила... но из главных достоинств местного таёжного сервиса – лесная песня ручейка, родниковая вода круглый год, навес из хвойных веток на жаркий день, запас валежника в ближайшем ельнике для красочного периода. Вросла в землю лесная гостиница, слилась выцветшими брёвнышками с осенними красками леса – с местностью, но гостям отворот-поворот не даёт, приходи и живи.

Огляделся: давно сюда никто не захаживал, заросла тропинка, в дремучей паутине углы, настоялась в хоромах вековая сырость. Что тому причина, неведомо: состарился ли былой хозяин; за оскудением местных сопкок зверьём перестал пользоваться лесные владения охотник? Не было у меня тогда времени, чтобы надолго здесь остановиться, разгадывать тайны теремка, но приглянулось местечко, а когда зима укрыла снегом лесные дорожки, а лыжи, хранящиеся дома, основательно намозолили глаза, решил прокатиться до таёжного домика, попроситься на постой. Хотя у кого там попроситься? Буду сам по себе, кум королю, сват министру, властитель и повелитель!

Да и кто зимой в лесной избушке хозяин? Разве только мороз, пробравшийся вовнутрь и за отсутствием живых душ от скуки пощипывающий и поскрипывавший брёвнышками; ветер, что готовя вьюгу, пока репетирует новые зимние симфонии в печной трубе. Вот, пожалуй, и все постояльцы.

На лыжах-то веселее, чем пешкодрапом – сравнял снег все неровности, что замедляли-тормозили шаг; на пригорок – потерпел, а под сопку – полетел...

Избушка ещё больше замаскировалась, утонула в сугробах, на крыше целая копна снега, не знал бы точных ориентиров, проехал бы сейчас рядом и не заметил. Очистил дорожку к двери, натаскал и нарубил валежника, а как занялись огоньком сучкастые полешки, убежал из теремка мороз, улетел в таёжные просторы и ветер. Ну что же, им там, пожалуй, и вольготнее-лучше!

Засвистел чайник, и я в предвкушении скорой трапезы довольно потёр руки, принялся собирать ужин: вынул из рюкзака хлебушек, сальце-мальце, колбаску, консерву, горсть карамелек – разложил разносолы, достал единственное зелёное, с кислинкой, яблоко, водрузил на стол, чтобы пир горой! Помельчил, порезал что нужно, со стороны посмотрел – ну, скатерть-самобранка и только! Красота – жалко трогать!

Но что же делать, пища для того, чтобы её есть, а не любоваться. Наловчился и ко рту поднёс самодельный бутерброд на первый прикус, да так и остался с отвисшей челюстью – как вроде застрял кто старчески в избушке! Странно! Может, в печке сучок стрельнул замысловато? Да прогорело там уже почти всё, и шум не оттуда. Ну и дела! Скорее всего, поспешил я с выводами, не осмотрелся, как следует, главного хозяина и не заметил. Что же делать? Иду на попятную. Отложил хлебушек с начинкой в сторону: «Извиняйте, конечно, не знал, проявил бескультурье, к столу не пригласил?!».

Но кто такой, где прячется? Может, кутается под нарами в старом тряпье тутошний жилец или завёлся здесь зверь какой неведомый? Заглянул под нары – никого нема! Но не лшак, не домовый же, в самом деле! Хотя кто его знает?! Наверное, решил без свидетелей объявиться! И как с ним говорить, какие темы поднимать, я не знаю.

Кашлянул ему пару раз в ответ, мол, тоже хаживали, опыт кое-какой маломальский имеется. Таёжные традиции блюдём. Просим проявить ваш местный образ. Покряхтим вместе. Есть повод, полюбил и я эту избушку, но на привилегии и особое положение не покушаюсь. Но если не погоните, то у меня на этот случай во фляжке есть, что полагается, для согрева – для знакомства, берёг как неприкосновенный запас, а теперь для аппетита и согдится! Просим к столу, не побрезгуйте, отведайте чего хотите, не царская трапеза, конечно, но всё же. Вот – даже фрукты имеются!

Опять буркнул кто-то, да так недовольно, со скрежетом, с шипением, не по-человечески! Но смысл понятен: «Ну, чего припёрся? Расшумелся, бедлам устроил! Шастают тут всякие! Житья от вас спокойного нет».

Ну, раз звуки незнакомые издаёт, уже почти нет у меня сомнений, точно, домовый! А кому ещё? Не зря же путешествуют они из сказок в присказки, из уст в уста! Это я фома неверующий, а люди бывалые знают что к чему и напрасно говорить не будут. Теперь и меня кто спросит: «Веришь, нет ли?» – развею сомнения, засвидетельствую: «Правда всё это, не выдумки, была и у меня такая встреча на жизненном пути с домовым!».

Но какой он обличьем, непонятно, не спешит показаться. От неловкости заёрзал, будто перед объективом, хозяйшку я не замечаю, а он меня насквозь, как рентгеном, пронзает, и всёхонки ему про меня видно, как на ладони: и моя подноготная, и прошлая, и будущая жизнь со всеми передрыгами.

Убрал я ноги под лавку, втянул голову в плечи, чтобы зря не разбрасывать свои тела и не теснить домового, не вызывать его раздражение. А то развалился тут! Но на всякий случай речь оправдательную готовлю, чтобы сказануть случай чего: «Понятно, живёте вы в тайге по-барски и, можно даже сказать, по-куркульски, это не оскорбление, примите как комплимент, и всё у вас чистое, натуральное, экологическое, а спиртное вам и даром не нужно. Если тут воздух настоян на клюквах, на брусниках, на кедровых шишках – пей, сколько хочешь, хоть бадью, хоть две! Вот настоящий хмель! Всё понимаю, глупые мои предложения не к месту, но мы человеки неразумны, неуклюжи, мягкотелы, всё у нас сикось-накось идёт, цивилизация, одним словом, всё по городам, по сёлам мытарствуем, не можем никак без всяких благ и излишеств! Уж невпопад заглянул к вам, но я много неудовольствия не доставлю, не гоните-не сердчайте, я только ночку перекантуюсь, и всё, больше никаких интересов и замыслов. Как вам моё скромное предложение, хозяйшка?».

Прислушался – тихо. Ишь, замолчал, прочитал, значит, мои мысли. Сразил, видно, я его своим ораторством. Но наверняка хмуриться. Может, стерпит-свыкнется? Покосился я на дальний угол – там он, непременно, обитает. Облизнулся. А что делать? Голод не тётка. Не чавкая и не швыряя, не вызывая лишнего неудовольствия, приступил в одиночку к ужину.

Опять зашуршал, заворочался кто-то и, наконец, показался! Ба, да это мышка лесная! Шёрстку почесала, чёрными бусинками глаз сверкнула и носом повела: «Что там у тебя, чего принёс-то?».

Вот страху то нагнала, в чудеса верить заставила! «Ну, и что мы будем делать, черноокая? Хлебушка тебе бородинского, самую запечённую корочку? Возьмите, пожалуйста!» – угостил я местную жительницу, в компании-то ужинать веселее. Мышка сперва испугалась, спряталась, а когда я уселся на место, вылезла откуда-то сызнова и принялась за «шкварочку»...

Ну вот, закусили, что Бог послал, а теперь пора на боковую. Эх, жизнь удалая! А что ещё человеку для весёлого настроения надо?! В брюхе – сытость, в мыслях – милость! И хотел я заснуть счастливым, но, увы. Как по команде, зашуршали, зашумели по углам мышки. Сколько же их тут! Целое племя! Пришлось делиться трапезой, благо, оставил себе на завтрак. Отчекрыжил по-братски половину пайка и отдал за знакомство – за дружбу!

Бегают, между собой шушукуются мышки-норушки: «Что за невидаль? Что за гость? Что за пришелец? Откуда посреди зимы в давно пустующей лесной избушке нежданно-негаданно оазис и еда «скусная?!» И, приняв тепло и непривычно ароматные «подарочки» со стола за вестник приближающейся вечной благодати, слышу, принялись мышки усердно подтачивать и иные свои заначки, обманчиво, видно, порешив: «Всё хватит, натерпелись, и нас нынче приметили, наступает счастлирое времечко! Ещё чуток, ещё капелюшечку – и потекут у их норок-теремов реки – молочные берега!».

– Стойте, не спешите, доверчивые! – пытаюсь остепенить их. – Неправильно вы всё растолковали, не шумите, не торопитесь, схрумкаете запасы, а мне что, вас всю зиму кормить?!

Но куда там! Теперь не остановить, не стреножить мышиное племя! И в том углу, и в этом, и за половицей шебаршат, точат зубки! И чего там грызть, если посереде зимы и так уже всё давно сгрызено?! Может, это мышиный гимн! И что теперь делать? Как поступить? А что я могу предложить мышиному племени? Пару корок хлеба, колбасные крошки и чайную ложку сахарной пудры взамен опостылевшего и однообразного разнотравья. Да что, жалко? Нате, берите всё, что осталось, но это ли «бананово-апельсиновый» рай?! Спать-то дайте, шумите под самым ухом. О, а эта прошустирила прямо по одеялу...

Ничего не поделаешь, нужно с ними считаться – настоящие полноправные хозяйки! Мышки тут привыкли к свободе и приволью: ни филин не зацапает, ни лиса не подкопается. Хоть посередине дня прямо посередине избушки пробегай, хоть на топчан забирайся, валяйся, сколько хочешь, если других забот нет. Так что семенили они своими привычными тропками и мало со мной считались...

Утром после ночного кутежа тишина по норкам, наверное, всё моё и своё подъели мышки, а нынче почёсывают себе брюшки, в тепле да в сытости разленились лежебоки, ждут-пождут теперь манны небесной.

– Просыпайтесь, отправляйтесь на труды праведные! Пошукайте по сусекам себе на прокорм! Разбаловал я вас. Придётся теперь навещать избушку. Хорошо, возьму на следующие выходные провизии побольше – и к вам! Погуляем во всю, мышки-норушки! Там, глядишь, и дотянем до взаправдашней весны – до оттепели!

Избушка, ставленная ещё тем столяром-плотником, будто тут ей и место! Построил человечеще, как точный, правильный мазок на картине нанёс, с чутьём-с пониманием-с песней, художник – мастер великий, убери теремок сейчас отсель – осиротеет распадок! А потому берегут лесной домик таёжные жители: дорожка к теремку заросла травой, ель прикрыла ветвями крышу, мышки здешние могут «обратиться» в домовых и «испужать» нежелательного гостя. И слова здесь всякие разные в такт умелому топору строителя, в лад собранных венцами брёвнышкам, сами вспоминаются-сочиняются, и сами на строчки ложатся.

Сергей МАЛАШКО

г. Магадан

Родился в 1962 году в городе Зея Амурской области.

В 1984 году получил диплом охотоведа, работал по специальности в Хабаровском крае и Магаданской области. Публиковался в альманахе «Охотничьи просторы», журналах «Охота и рыбалка 21 век», «Острова» (США), «Интеллигент – Нью-Йорк». Удостоен почётного звания и нагрудного знака «Серебряное перо Руси» в рамках национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2013) и специального диплома Александра Бухарова в номинации «Популяризация русского языка в рамках международных проектов», медали «М. Ю. Лермонтов» (2014), специального диплома Александра Бухарова и медали «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе» (2015). Лауреат национальной премии «Золотое перо Руси» (2022). Автор 5 книг прозы. Редактор литературного отдела «Рыбохотобзор» журнала «Северо-Муйские огни».

Эволюция лени на охоте

(отрывок из рассказа «Весенняя охота на гуся»)

– Серёга, можешь представить, этой ночью просыпался раз шесть. Приходилось переживать не одну пургу даже на Чукотке, но такого не припомню, – сказал один из обитателей домика.

Он подошёл к печке, взял и подкинул несколько кусков каменного угля. Бесперебойная её работа – залог комфортного проживания друзей при самых неблагоприятных обстоятельствах. Рядом с печью находилась внушительная поленница сырых листовенничных поленьев и мешок крупных кусков каменного угля.

– Я тоже просыпался несколько раз, даже жутковато немного стало, – слышалось в ответ с лежанки, где поверх надувной велюровой кровати в спальнике лежал второй обитатель домика.

Было свежо, но не холодно, занимающийся в печи уголь начал давать приятное тепло. Лежал он в спальнике не из-за прохлады, а скорее, в силу ритуала. В первые дни долгожданного пребывания в лесу хочется просто поспать в нём – отоспаться.

– Послушай, напарник, приятно переживать пургу с двойным запасом дров и угля. Так пурговать можно, – получил он ответ друга, который начал перемещаться по дровяной лежанке в свой любимый и уважаемый спальник-одеяло. Довольно крикнув, он скрылся в нём.

– Согласен. А почему получился такой запас дров, угля и всего прочего? – уже из спальника спросил он напарника.

– Наверное, это из-за лени. Ведь только ленивый любит пурговать в тепле и без проблем, – получил он шуливый ответ.

«А вот это уже интересно и требует дополнительного осмысления», – подумал про себя один из друзей, подрёмывая под аккомпанемент непрекращающихся порывов сумасшедшего ветра. Вскоре из обоих углов нар раздалось дружное сопение уснувших здоровым сном мужиков. После пробуждения начались обычные дела, определённые полевым распорядком. Но шуливый ответ друга навёл другого на некие размышления. Он позволил с юмором взглянуть на то, как и почему выезжающие на охоту люди формируют свой быт во время нахождения в лесу. Беглый анализ позволял сделать однозначный вывод – во всём виновато всепроникающее и неистребимое тысячелетиями свойство человеческой природы. И имя ему, как ни странно – Лени!! С той разницей, что каждый в лесу ленился по-своему. Последствия пристрастия к этому пагубному свойству могут быть различными. В одном случае это приводит к необходимости в жестокую пургу выйти из домика, ножовкой пилить дрова и собирать сухие сучки. В другом – позволяют очень ленивым гражданам подготовиться к неприятностям так, что можно их переживать, не высовывая носа на улицу по несколько дней без крайней необходимости.

Бросив беглый взгляд на детали своей экипировки, на убранство домика, любознательный напарник пришёл к выводу – происки лени прямо или косвенно присутствуют практически везде. Вывод напрашивался однозначный – они с напарником очень ленивые или очень близки к такому состоянию. Некоторыми из своих наблюдений хотелось бы поделиться.

Любая подобная поездка может состояться только при наличии транспорта. Те, кто стремится побыть на охоте без сомнительных соседей, выбирают подальше, при заброске на серьёзные охоты по-прежнему используются гусеничные вездеходы, снегоходы и прочие наземные средства передвижения. Уже всё реже охотники добираются до места охоты на лыжах или пешком с тяжёлыми рюкзаками. Особо ленивые граждане, желающие добираться практически до самого места охоты, используют для заезда или выезда винтокрылые машины. Удобно и лениво! С высоты птичьего полёта приятно наблюдать разливы своенравной весенней реки, в одно мгновение становящейся непроходимой и непроезжей для любого вида наземного транспорта (техника МЧС на воздушной подушке в расчёт не берётся).

Без топлива в лесу не просто плохо, но даже определение «очень плохо» не скажет о серьёзности этой детали полевого быта. Тепло и не сыро бывает при наличии максимально возможного количества топлива. Только заготовка дров является одной из самых трудоёмких составляющих пребывания в поле. В силу особенностей расположения этого домика охотники обречены выполнять работу вьючных животных, перенося на плечах сырые листовенничные кряжи метров на триста. В одну из вёсен они вкусили всю прелесть этого занятия, и уже в следующую весну

для исключения или уменьшения этой малоприятной работы в домик было завезено четыре мешка каменного угля.

– Послушайте, дядя, я не думал, что вы так ленивы, – подначил один напарник другого.

В этот момент они оба старательно переносили очередной мешок с угольком в приготовленную большую снежную яму.

– Может быть и так, но пусть будем ленивыми мы, чем какие-нибудь ушлые мимо проезжающие граждане. Мне такая лень нравится, – ответил другой, старательно заравнивая лопатой снежную яму.

...Пару слов о влиянии лени на детали жилища. Оно приобретает жилой вид только в том случае, если после заката Солнца в нём загорается свет. Он может излучаться от свечки, керосиновой лампы с вечно бьющимися стёклами, фонаря «Летучая мышь», газового светильника, бензиновой осветительной лампы. Венцом проявления человеческой лени здесь является электрическая лампочка, горящая в результате работы компактной дизельной электростанции.

Вообще-то для освещения может быть достаточно и робкого пламени свечи, но непобедимая лень и здесь берёт своё. При шипящем свете бензиновой лампы во время ужина, после удачной зорьки, один из друзей тихо произнёс: «Серёга, самое классное то, что мы можем в ночной тишине тундру послушать. Электростанция бы просто мешала. Наверное, это и есть разновидность правильной лени».

Не обошло влияние лени и спальные места обитателей домика. За годы полевых странствий на своих боках они испытали сон на простом тоненьком покрывале, на одной половинке которого лежишь, а другим урываешься. Было время стланикового лапника на нарах, накрываемого ватиновым, собачьим или цигейковым спальником, войлочных пологов на всю площадь нар. Но человеческая лень изменила и эти детали экипировки охотников – на нары из традиционных подстилок ещё укладывается кусок выделанной лосиной шкуры – но поверх неё ложатся надувной матрас или даже надувная кровать и спальный мешок-одеяло на искусственном утеплителе. Он лёгок, удобен и в угоду лени обитатели домика сменили свои спальные принадлежности. Наличие хорошего транспорта позволяет им привозить и увозить назад все эти спутники лени и комфорта.

Непредвзятый и ироничный взгляд даже на детали охотничьей экипировки позволяет предположить, что и здесь движущей силой их эволюции тоже является лень.

Многие охотники старшего поколения начинали охотиться с одностволкой. Ленивое желание избежать быстрого перезарядки для следующего выстрела привело к началу пользования двустволками. Следующим этапом в развитии оружия стало появление самозарядных полуавтоматов. И здесь движущей силой было желание стрелять чаще, дальше и без перезарядки.

Нечто подобное можно сказать и о патронах. Раньше практически все охотники заряжали патроны сами. Часто выверенная подборка заряда и снаряда давала великолепный бой и непревзойдённые по красоте выстрелы. Сейчас самостоятельно заряжает патроны уже мало кто. Чаще всего патроны покупают и не редко расплачиваются за свою лень странным боем в самый неподходящий момент. Благо, обитатели домика от этой лени на гусиной охоте не пострадали. Им повезло – приобретённые патроны «Магнум» показали великолепный бой.

Отдельно рассмотрим развитие манков. Каждый из напарников за свою охотничью практику пользовался простой стреляной гильзой со вставленным в неё мундштуком от детской дудочки. Дальше появились деревянные и пластмассовые манки российского и зарубежного производства. Их можно было приобрести, не прилагая усилий для изготовления.

На смену голосовым манкам пришли электронные. Вначале использовались кассетные записи голосов птиц, которые при помощи магнитофона и динамика воспроизводили гусиные крики. Сейчас появились манки с применением микрочипов и с дистанционным управлением. Нажатием кнопки и с расстояния метров в тридцать включается манок, и окрестности оглашают призывные крики гусиной стаи. Сложно придумать более яркий пример влияния лени для обмана недоверчивых птиц.

Нельзя не сказать о чучелах и профилях. Здесь тоже лень человеческая оставила свой след.

Постепенно канули в Лету самодельные фанерные профили, любовно шлифованные наждачной бумагой, пропитанные олифой и раскрашенные красками. Ещё раньше были забыты профили из чёрного рубероида. Уходят в небытие сшитые самостоятельно объёмные чучела из тканей, которые набивались сухой травой. Им на смену пришли корпусные формованные, полнотельные разных моделей, в том числе и на красных лапках. Они позволяли ленивым охотникам, сидя в скрадках, обманывать гусей чаще и результативнее.

Даже вроде бы простые предметы обихода, как: кружки и стульчики – несут в своём развитии отпечаток человеческой лени. Применявшиеся ранее алюминиевые, эмалированные кружки имели один недостаток – горячий чай через стенки обжигал руки. Отягощённый ленью человеческий ум придумал термкружку с двойными стенками. Взять кружку с ароматным чаем из талой воды можно ленивым, ни с чем не сравнимым удовольствием.

Заслуживают внимания и используемые на охоте складные стульчики. Вначале применялись простые складные стульчики без спинки, они плавно были заменены стульями со спинкой. Очередным этапом развития лени стало появление в компании двух раскладных полукресел. Сидеть стало максимально удобно и лениво. Не пускаясь в исторические экскурсы, попытаюсь проследить развитие охотничьей одежды. Уходят в прошлое тяжёлые и мешковатые ватники и меховые штаны.

Ленивое желание быть в тепле, чувствовать себя легко и комфортно в одежде, не стесняющей движения, привело к замене её на изделия из современных лёгких и тёплых материалов. Наверное, это тоже похоже на лень.

Каждый прошедший в полевых условиях более недели прекрасно знает цену возможности смыть с себя пот и грязь. Они являются неразлучными спутниками охотников. Это вещи неизбежные, как и борьба с их последствиями. Каждая охотничья компания решает эту проблему по-своему, когда просто смена грязной футболки на чистую уже не удовлетворяет потребностей. Иногда греют воду и на улице в тёплый день в тазике мочат истосковавшиеся по мочалке тела тёплой водой. Очень часто тёплого дня просто не оказывается. Тогда, намочив тела водой, желающие помыться рискуют простыть. Второй вариант – тот же тазик, та же вода, но прямо в домике. Теплее, но тесно и невозможно порадовать тело лишним тазиком тёплой воды. Напарники неоднократно попробовали все эти варианты и решили подойти к проблеме творчески, но с изрядным налётом лени. Первым шагом для достижения более комфортных условий для мытья стало оборудование мини-камеры – три стоящие рядом листовницы были обнесены поперечинами, защиты остатками полиэтилена. Был даже изготовлен пол из распущенных бензопилой листовничных жердей. Огороженное пространство обогревалось принесённой в тазу горячей водой. Было гораздо лучше, чем два предыдущих способа омовения. Но ленивые мысли привели к тому, что в этой компании вначале появилась баня. Зимой была сварена большая печка, и толстая брезентовая палатка получила разделку для установки трубы и обшивку стеклотканью. Уже в первый год их усилия были вознаграждены – они получили возможность растянуться на полке в полный рост и даже попариться стланиковым веничком.

Когда один из друзей мылся, другой, находясь на улице, спросил: «Дружище, вам не жарко? А то можно по старинке – на улице в бодрыце холодке сполоснуться?». – «Вот уж дулю с маком! Мне здесь тепло и уютно. Для помойки на улице я уже стал ленивым».

Об экономии тёплой воды речь уже не велась – можно было побаловать тело тёплой водичкой без ограничений. На следующий год изощрённый ленивый разум напарников заставил сделать съёмный предбанник, что усилило приятные ощущения от посещения бани. Можно было попить пивка, остывая после баньки и наблюдая тундровый закат. Более яркого примера влияния лени трудно себе представить.

Одной из визитных карточек этого охотничьего домика является пикантное блюдо – гусь в сметано-брусничном соусе. Впервые оно увидело свет в 2007 году. Тогда при поиске необходимой для приготовления соуса брусники одному из друзей пришлось долго ползать по тундре, собирая необходимое количество ягоды. Тем более, что оттайка брусничных мест запаздывала, и операция была проведена не с первого раза. Забавно было наблюдать со стороны взрослого дядьку с кружечкой в руке, ползающего на коленях в поисках тёмно-бордовых перезимовавших ягод брусники. Этой же весной, когда подошло время приготовления гусака, один из напарников, лукаво улыбаясь, спросил:

– Уважаемый, где ягода для блюда?

Друг недоумённо и одновременно жалобно глянул в ответ. Он предположил, что ему вновь придётся ползать по весенней тундре в поисках брусники.

– Ты ведь собирался взять с собой ягоду. Неужели забыл? – с надеждой на ошибку спросил он.

– Может быть, – услышался такой же лукавый ответ. В этот момент из коробки под нарами была извлечена пластиковая шайба с ягодой.

– Так пугать может только ленивая сволочь, – незлобиво напал напарник на довольного друга.

Всё это очень похоже на поездку в Тулу со своими пряниками. Сравнение с тем, что в лес со своими дровами здесь неуместно. Эти двое ленивых пошли ещё дальше – в лес с углём ездят.

Когда один из друзей начал готовить традиционные блины, другой, улыбаясь, принёс из своих бесчисленных зачак пластиковую шайбу с красной икрой и предложил:

– Дружище, я хочу блинов с такой начинкой.

Напарник даже не изобразил удивления на лице. Только весело посмотрел из-под своих неизменных очков и сказал:

– Ну и ленивый же вы, батенька.

Второй принял это как должное и невозмутимо принялся фаршировать блины.

– Ну и пусть, я и не возражаю. Даже не буду отвечать. Сам такой! Ты же сам знаешь – разумная и прагматичная лень является залогом успешной охоты или рыбалки. Пусть нас считают ленивыми, мы даже не обидимся и будем продолжать лениться так, как нам хочется. Вообще, как оказывается, лень – великая сила, – шуточно ответил друг. А про себя подумал: «Будет приготовлен этот обед, пройдёт и запомнится эта охотничья весна, послушные непреложному закону времени уйдём мы, на тундру придут другие охотники. Но по-прежнему в основе многих их действий будет его величество бессмертная лень. Только пусть она будет правильной».

Ну а пока шла очень ленивая подготовка к праздничному обеду. Жизнь продолжалась...

Охота, рыбалка и поэзия.....

Сергей ВОРОШИЛОВ

г. Петрозаводск, Карелия

Родился в 1952 году в д. Лопатино Воскресенского района Московской области. В 1970 году переехал в Архангельск, окончил Архангельский лесотехнический институт. В 1976 году по распределению переехал в Карелию (г. Петрозаводск). Работал инженером-механиком на авторемонтном заводе, затем ведущим конструктором в НИИ целлюлозно-бумажной промышленности. За время работы окончил аспирантуру при Ленинградском технологическом институте целлюлозно-бумажной промышленности, защитил диссертацию с учёной степенью «кандидат технических наук», получил свыше 50 авторских свидетельств и патентов на изобретения, удостоен почётного звания «Заслуженный изобретатель республики Карелия», награждён медалью «ВАНХ».

Кроме поэзии, увлекается охотой, рыбалкой, спортом, любит путешествовать. Публиковался в альманахах и коллективных сборниках.

Волнистою позёмкой
заносит след зима,
бьёт по штормовке звонко
снежинок кутерьма.

В снегу утопили ели –
им, видно, снятся сны,
что скоро за метелью
наступят дни весны.

Проворным горностаем,
окутан белой мглой,
мой западник* мелькает
среди метели злой.

Запутала куница
свой утренний стежок.
Пора поторопиться,
пока ещё свежо.

Ну, друг мой остроухий,
давай-ка поспешай,
летай по лесу мухой,
смотри, не оплошай.

И пусть гудит ненастье...
Назло лихой пурге,
нам улыбнётся счастье
в заснеженной тайге.

**Западник (охотн.) – западносибирская лайка.*

У костра

Скачут тени в причудливой пляске,
шурит лайка на пламя глаза.
Закипая от огненной ласки,
смоляная стекает слеза.

Тьма упёрлась стеной молчаливой
в свет, дрожащий до новой зари...
Наконец, котелок говорливый
начинает пускать пузыри.

Заварю-ка я чаю покрепче
и, подкинув смолистый пенёк,
вспомню живо охотничьи встречи,
что принёс мне прошедший денёк...

Хорошо наблюдать, как играет
огоньками углей мишура,
ощущать, как усталость сгорает,
улетая на искрах костра.

Хорошо на духмяной постели,
глядя в бездну Большого Ковша,

чутко слушать, как шепчутся ели
и о Боге тоскует душа.

Разыгралось, распылалось,
жаром дунуло смольё.
Забирай, бивак, усталость.
Эх, походное жильё...
Звёздной ночью куропаткой
в снежный лес зарылся я.
В котелок косит украдкой
лайка верная моя.

Белый стих лесов читая,
пьёт морозец чёрный нос,
да приветливо играет
на спине колечко-хвост.
Мечут искры озорные
зеркала раскосых глаз.
Друг такой в часы ночные
не сбежит и не предаст.

Бродим мы, два непоседы,
ищем счастье среди лесов,
делим радости и беды,
делим хлебушка кусок
и костёр, что третьим другом
согревает нас в снегу.
Ночь. А тени полукругом,
рыщут, скалясь на бегу...

Огонь девчонка

...А когда засыпает пламя,
и толкает в плечо мороз,
я костру, как любимой даме,
задыхаясь в дыму от слёз,
раздуваю дыханьем чёлку.
И, стуча зябко зуб о зуб,
умоляю огонь девчонку
отогреть лепестками губ:

«Просыпайся! Ты видишь, странник
замерзает без жарких ласк.
Сколько было их утром ранним,
тёмной ночью, в закатный час...
Согревай, я прижмусь поближе,
улыбнись угольками глаз,
в волосах твоих звёздно-рыжих
заблудиться хочу сейчас.
Обними же скорей с мороза,
поцелуями размори,
мне вертеться в нелепых позах
до зари с тобой, до зари...».

Обратная связь

... самая лучшая критика – это письма читателей.

Валентин Григорьевич Распутин

Слово о Журнале

Уважаемая редакция! С большим удовольствием прочитала 4-й номер «Северо-Муйских Огней», находясь в отпуске.

Понравились рассказы Анжеллы Седых, Ирины Соляной, Татьяны Медиевской. Очень сильный рассказ Игоря Федорова «Реквием бабьего лета», сочетающий в себе элементы исторической повести и детективного сюжета.

В номере много хороших стихов. Особенно выделила бы «Разбуженные мысли» Марка Польшковского. Это настоящая высокая поэзия, продолжающая лучшие традиции русской литературы. Добры и талантливы стихи Григория Гачкевича «Летняя подборка для детей и взрослых».

В целом читать журнал было, как всегда, – удовольствие. Но, увы, не обошлось без ложки дегтя. «Записки» Степанова-Прошельцева о Горбачёве произвели крайне неприятное впечатление. Написанные развязным тоном, они состоят сплошь из уничижительных выпадов не только против бывшего генсека, но и его жены, и дочери. Можно по-разному относиться к руководителям нашей страны. Они все у нас были весьма противоречивые. Но это наша история, и к ней надо проявлять уважение. И писать о первых лицах государства, если уж взялся, надо опираясь на проверенные факты, а не на слухи и домыслы. Тем более, когда ни обвиняемого, ни свидетелей нет уже в живых. Да и какое отношение имеют эти злобные «записки» к журналу, целью которого является, согласно Уставу, «творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества?»

Будем же работать в духе этих благородных целей, направленных на созидание прекрасного!

Наталия Ячеистова, Москва.

Здравствуйтесь, уважаемая редакция журнала «Северо-Муйские Огни»!

С огромным удовольствием поздравляю вас с 15-летним юбилеем журнала и выходом его сотового номера! Вот уже на протяжении целых 5 лет я являюсь одним из ваших многочисленных авторов. Признаюсь честно: ваша искренняя и добрая поддержка моего творчества не только меня радует, но и придаёт смелости не останавливаться на достигнутом и стремиться к новым горизонтам в волшебном мире поэзии. А мир этот воистину необъятен!

Для меня журнал «Северо-Муйские Огни» – это возможность не только поделиться своим творчеством, но и познакомиться с творчеством других его авторов, как постоянных, так и впервые представленных на суд читателей. Не помню ни одного случая, чтобы я пожалел о времени, потраченном на это увлекательное занятие. В журнале есть всё, что требуется для удовлетворения потребностей самого искушённого читателя: публицистика, интригующая новыми взглядами на вроде бы давным-давно «избитые» темы; проза, захватывающая неожиданными сюжетами; поэзия, увлекающая и волнующая своими исповедями; добрые отзывы редакции журнала, отклики его авторов и читателей. Лично для меня первое знакомство с журналом стало радостным открытием, а дальнейшее сотрудничество – одной из составляющих моего житейского счастья, за что я вам очень благодарен! Также хочу выразить вам свою признательность за то, что безвозмездно предоставили нашей маленькой сельской библиотеке шанс познакомиться с каждым новым номером «Северо-Муйских Огней», и передать вам огромное спасибо от моих односельчан, которым журнал пришёлся по душе!

От всего сердца желаю журналу долгих лет и свершения всех, даже самых грандиозных, замыслов и добрых задумок!

С уважением,

Леонид Карпов, п. Кестеньга, Республика Карелия.

Спасибо огромное, дорогая редакция, за предстоящее удовольствие от чтения наших «Северо-Муйских огней»! Такая обратная связь, действительно, вдохновляет, окрыляет и ещё крепче соединяет сердца авторского коллектива.

Ваша Светлана Казакова, г. Омск.

Творческий совет журнала

Александрова Александра Александровна (Красноярск)
Астраханцев Геннадий Дмитриевич (Ангарск, Иркутская обл.)
Буров Юрий Николаевич (Санкт-Петербург)
Веколова Анастасия Юрьевна (Самара)
Головизина Ольга Павловна (Липецк)
Долбышева Ольга Николаевна (Черемхово, Иркутская обл.)
Дроздов Сергей Дмитриевич (Серпухов, Московская обл.)
Ефимова Тамара Владимировна (Северомуйск, Бурятия)
Жилкин Анатолий Михайлович (Иркутск)
Забарова Светлана Викторовна (Санкт-Петербург)
Кобелев Александр Афанасьевич (Новокутск, Иркутская обл.)
Казакова Светлана Ивановна (Омск)
Карпов Леонид Семёнович (Кестеньга, Карелия)
Линник Ольга Владимировна (Омск)
Моргунов Юрий Михайлович (Шушенское, Красноярский край)
Мирошникова Галина Николаевна (Усть-Муя, Бурятия)
Подзарей Анатолий Иванович (Протвино, Московская обл.)
Попова Елена Алексеевна (Усть-Кут, Иркутская обл.)
Попова Евгения Владимировна (Новосибирск)
Поломошина Наталья Суреновна (Северомуйск, Бурятия)
Сайферт Ирина Алексеевна (Таксимо, Бурятия)
Смирнов Михаил Иванович (Салават, Башкортостан)
Сафиулин Максим Сергеевич (Усть-Илимск, Иркутская обл.)
Фокина Ольга Викторовна (Усть-Илимск, Иркутская обл.)
Шерстнёв Анатолий Юрьевич (Северомуйск, Бурятия)
Эхтибаров Фархад Гюлаббас-оглы (Северомуйск, Бурятия)

Секретарь правления Совета **Перемитина** (Галютева) Лилия Александровна
Председатель правления Совета **Логинова** Татьяна Борисовна

Из Устава журнала «Северо-Муйские огни»

Общие положения к Уставу

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Цели Журнала полагаются в публикации и широком распространении подобного рода литературных произведений как известных писателей, так и начинающих, акцентирующих своё творчество на укреплении отношений природы и человека.

Журнал «Северо-Муйские огни» создан в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и является некоммерческим изданием, объединяющим физических и юридических лиц, занимающихся литературным и другим творчеством, признающих Устав и цели Журнала.

1. Основные цели и задачи

1.1. Основные цели:

- всестороннее развитие культурных связей, сотрудничества между писательскими организациями и союзами на основе развивающихся литературных процессов в России; поддержка и развитие литературных процессов;
- укрепление взаимного сотрудничества и участие в процессах, происходящих в сферах культуры, искусства, образования, спорта;
- участие в процессах укрепления духовных ценностей гражданского общества;
- оказание творческо-практической помощи различным литературным объединениям, содействие в становлении гражданского общества и утверждение принципа социальной справедливости, содействие утверждению равноправия представителей разных национальностей, проживающих в России, взаимного уважения их интересов и ценностей;
- создание необходимых условий для свободного развития новой высокодуховной литературы на основе многонациональной языковой культуры;
- развитие и укрепление возможностей литературной деятельности для начинающих писателей.

1.2. Основные задачи:

- осуществлять любую незапрещённую законодательством России деятельность для выполнения уставных целей;
- осуществлять издательскую деятельность;
- участвовать во всех литературных процессах в любых формах их интерпретации;
- осуществлять периодическую публикацию всех форм литературных произведений;
- сотрудничать с литературными объединениями, писательскими союзами, обществами.

ISSN 2500-0276
Северо-Муйские
ОГНИ
Авторский литературный журнал

Северомуйск – 2023